

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Александр Мень
Сын Человеческий

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

1990

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Сын Человеческий / А. Мень — «Гуманитарно-
благотворительный фонд имени Александра Менья», 1990

ISBN 978-5-903612-23-9

На страницах этой книги православному священнику, историку и богослову протоиерею Александру Менью (1935–1990) удалось ярко и правдиво воссоздать евангельскую эпоху, донести до читателя образ Иисуса Назарянина таким, каким Его видели современники. Жизнеописание Христа строится на основании Евангелий, лучших комментариев к ним, а также других литературных источников, указанных в библиографии. Блестящий писательский талант и историческая интуиция автора делают его книгу выдающимся художественным произведением.

УДК 2

ББК 86

ISBN 978-5-903612-23-9

© Мень А., 1990

© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 1990

Содержание

От автора	9
Пролог	13
Часть первая	31
Глава первая	32
Глава вторая	39
Глава третья	46
Глава четвертая	56
Глава пятая	67
Часть вторая	100
Глава шестая	101
Глава седьмая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Протоиерей Александр Мень

Сын Человеческий

© М. А. Мень, текст, 2017

© ИД «ЖИЗНЬ С БОГОМ», 2017

* * *

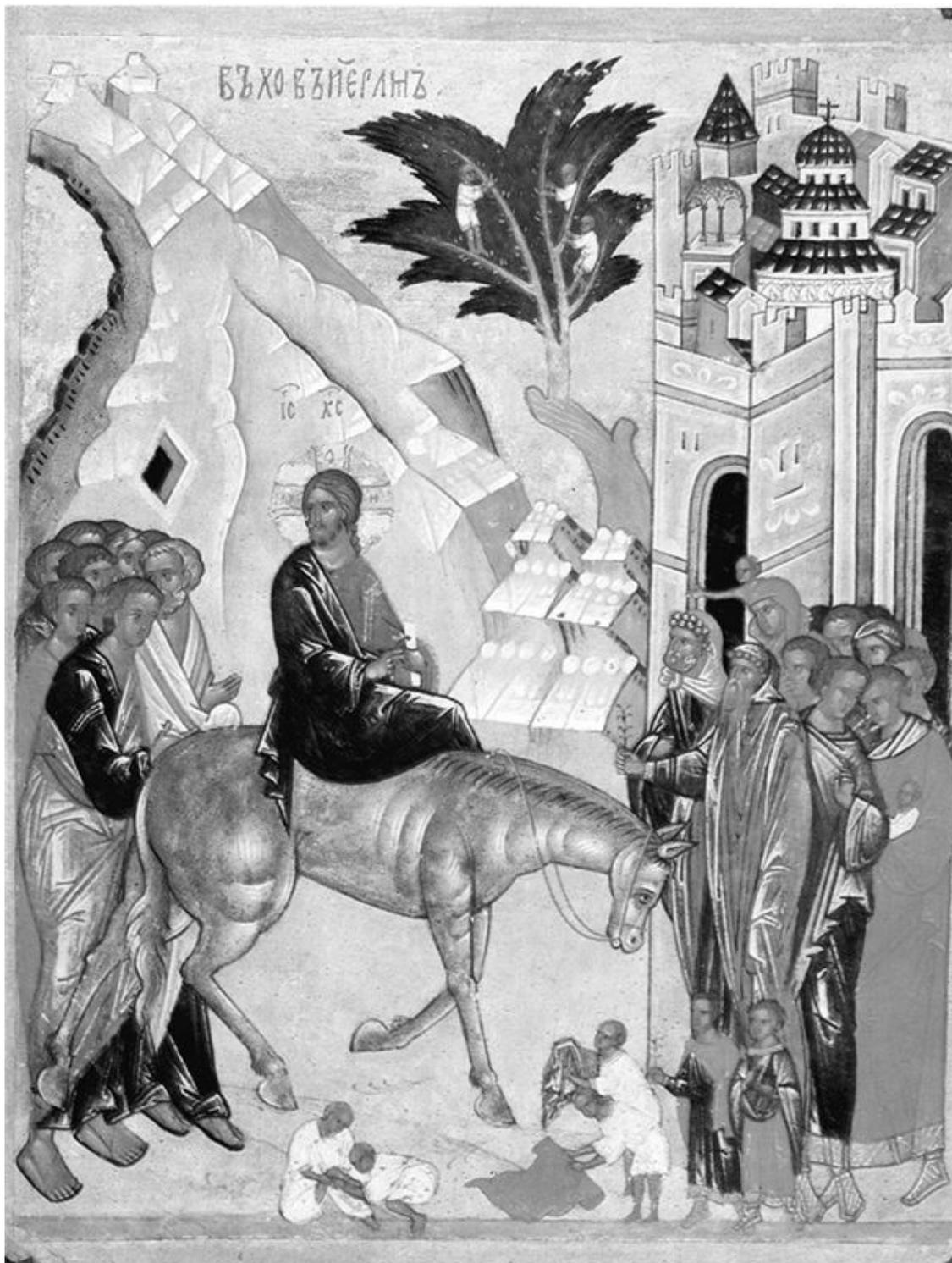

Лик Туринской плащаницы

* * *

«Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от Жены» (Гал 4.4)

Вход Господень в Иерусалим

От автора

Светлой памяти моей матери

Для чего написаны эти страницы? Нужны ли они, если об Основателе христианства было уже столько сказано?

Любая новая книга на евангельскую тему может вызвать подобные вопросы. Кроме того, очевидно, что никакой труд, посвященный жизни и учению Иисуса Христа, не в состоянии заменить своего первоисточника. «Есть книга, – писал незадолго до смерти Пушкин, – коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни... Сия книга называется Евангелием, – и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие»¹. В самом деле, кто, кроме евангелистов, сумел справиться с этой грандиозной задачей – запечатлеть образ Иисуса Назарянина, причем пользуясь удивительно скуными средствами?

Итак, если мы хотим знать правду о Христе, то должны искать ее прежде всего в Евангелии.

Но тот, кто впервые берет Евангелие в руки, может столкнуться с известными трудностями. Ведь авторов Нового Завета отделяют от нас почти две тысячи лет. Современному человеку бывает нелегко понять многие их намеки, обороты речи, а подчас даже самый ход их мысли, что вызывает необходимость в комментариях, которые давали бы ключ к Евангелию.

Изучение новозаветной письменности уже давно стало целой наукой. Сотни толкователей – богословов, историков, филологов – проделали огромную работу по разбору и сопоставлению текстов, по уточнению их смысла. Они кропотливо исследовали каждую главу и каждый стих Евангелия.

Ценность этих аналитических трудов бесспорна. Они помогли уяснить немало важных подробностей. Однако авторы их следовали методу, который нередко оставлял на втором плане главное. Обширные критические экскурсы о Матфее, Марке, Луке и Иоанне почти заслонили самого Христа. А ведь евангелисты стремились донести до нас именно весть о Сыне Человеческом, Который есть альфа и омега христианства; без Него оно лишается души, попросту говоря, не существует.

Вот почему за последние полтора века в евангельской историографии, наряду с богословским и литературным анализом, стали использовать также и метод *обобщения*, синтеза. Авторы, которые пошли по этому пути, хотели, опираясь на данные текстуальной критики, воссоздать целостную картину земной жизни Христа.

Одним из первых этот подход применил известный русский проповедник, архиепископ Иннокентий Херсонский (Борисов). Его очерки вышли в 1828 году под названием «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». Книга с тех пор выдержала много изданий и продолжает пользоваться широкой популярностью. Однако она охватывает только события Страстной недели.

Остается сожалеть, что опыт подобной «биографии» Христа, написанной в форме связанного повествования, был предпринят впервые автором нехристианским. Речь идет об Эрнесте Ренане, французском историке и мыслителе, книга которого «Жизнь Иисуса» появилась в 1863 году.

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. VII, М.—Л., 1949, с.443.

В ней автору удалось нарисовать яркую и правдивую панораму евангельской эпохи и необычайно живо изобразить Самого Основателя христианства, хотя, будучи по мировоззрению скептиком-позитивистом, Ренан в значительной мере искажил Его облик.

Успеху «Жизни Иисуса» способствовало и то, что центральная тайна Евангелия – тайна Богочеловечества – в христианском сознании оказалась фактически утраченной. Это естественно привело к реакции, выразителем которой стал Ренан. Вскоре после выхода в свет его книги соотечественник Ренана пастор Эдмон Прессансе писал: «Человечество Христа очень часто приносилось в жертву Его Божеству, забывали, что последнее неотделимо в Нем от первого и что Христос... не Бог, скрывшийся под видом человека, но Бог, сделавшийся человеком, Сын Божий, униженный и поруганный, говоря смелым языком ап. Павла, Христос, действительно подчинивший Себя условиям земной жизни... Христа очень часто представляли нам как отвлеченный догмат, и потому бросились в противоположную крайность»².

И поклонников, и противников Ренана сначала больше занимали его философские взгляды; когда же интерес к ним остыл, а страсти, разгоревшиеся вокруг «Жизни Иисуса», стали утихать, отчетливо обнаружилось достоинства примененного в книге метода³.

Характерен случай, который рассказывали о Владимире Соловьеве. Однажды, беседуя с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым – человеком крайне консервативным, философ попросил у него позволения издать по-русски «Жизнь Иисуса», снабдив ее критическими примечаниями.

– От вас ли я это слышу? – возмутился обер-прокурор. – Что это вам в голову пришло?

– Но ведь надо же наконец народу о Христе рассказать, – ответил, улыбаясь, Соловьев.

Сам он относился к Ренану отрицательно, но хотел подчеркнуть, что, как правило, многословные труды критиков и толкователей мало приближали людей к евангельскому Христу, скорее даже отдаляли от Него. В этом смысле на их фоне мог выигрывать и Ренан.

Неудивительно, что вслед за книгами архиеп. Иннокентия Херсонского и Ренана стали выходить другие, написанные в том же жанре, и число их с каждым десятилетием увеличивалось. Нередко, правда, результаты получались спорными и противоречивыми. Одни хотели видеть в Назарянине только реформатора иудейства, другие – последнего из пророков; сторонники насилия изображали Его революционером, толстовцы – учителем непротивления, оккультисты – «посвященным» эзотерического ордена, а враги традиционных общественных устоев – борцом против рутин. «Есть нечто трогательное, – замечает известный историк Адольф Гарнак, – в этом стремлении всех и каждого подойти к этому Иисусу Христу со стороны своей личности и своих интересов и найти в Нем самого себя или получить хотя бы некоторую долю в Нем»⁴. С другой стороны, в таких попытках обнаруживалась узость людей, которые силились разгадать «загадку Иисуса» исходя только из своих, подчас весьма односторонних воззрений.

Между тем личность Христа неисчерпаема, она превосходит все обычные мерки; вот почему каждая эпоха и каждый человек могут находить в Нем новое и близкое им. Об этом, в частности, свидетельствует и история искусства. Если мы сравним фрески в катакомбах Рима или древнерусскую икону с изображением Христа у Эль Греко или модерниста Шагала, то легко убедимся, как по-разному преломлялся Его образ на протяжении веков.

Как же можно проверять и корректировать эти трактовки в живописи, в науке и литературе?

² Прессансе Э. Иисус Христос и Его время. Пер. с франц. СПб., 1869, с.11.

³ Известный русский богослов М.Муретов дал в начале нашего века высокую оценку мастерству Ренана, хотя основные идеи его книги подверг резкой и справедливой критике. «С поразительной живостью, – говорил он, – Ренан рисует историческую и географическую обстановку евангельских событий. С неменьшим искусством воспроизводит среди этой обстановки, хотя вымышленные и ложные, но живые, полные выразительности и движения великие образы священной истории» (Муретов М. Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса». СПб., 1907, с.13).

⁴ Гарнак А. Сущность христианства. М., 1907, с.40.

Единственным критерием здесь является само Евангелие, на котором основаны все попытки изобразить Сына Человеческого.

Правда, некоторые историки утверждают, что Евангелия слишком лаконичны, чтобы дать материал для «биографии» Иисуса. Действительно, в них опущены многие факты, ряд конкретных деталей остается неясным, но непредубежденный исследователь найдет в них все важнейшие черты жизни и учения Христа. К тому же скудость источников обычно не мешает создавать жизнеописания великих людей, о которых сохранилось куда меньше достоверных данных⁵.

Есть и богословы, отвергающие возможность изложить евангельскую историю лишь на том основании, что Новый Завет не «объективный рассказ», а проповедь о спасении и Спасителе мира. Но, если даже Евангелия и возникли как книги церковные, богослужебные, содержащие благовестие веры, это вовсе не исключает их исторической ценности. Созданные не летописцами и не историками, они, однако, содержат свидетельство, пришедшее к нам из I века Церкви, когда еще были живы очевидцы земного служения Иисуса.

Повествования евангелистов подтверждаются и дополняются античными и иудейскими авторами, а также открытиями современных археологов. Все это позволяет считать задачу биографов Иисуса Христа вполне осуществимой.

Разумеется, чисто исторический аспект не может являться главным в Его «биографии».

Сын Человеческий принадлежит не только прошлому. Сегодня, как и в то время, когда Он жил на земле, Его любят, в Него верят и с Ним борются.

Однако нельзя забывать, что путь Христов проходил среди людей определенного времени, что к ним в первую очередь было обращено Его слово. Св. Иоанн Златоуст рекомендовал, читая Евангелие, представлять себе конкретную обстановку, служившую фоном священных событий. Теперь мы можем следовать этому совету успешнее, чем во дни самого Златоуста, поскольку располагаем более подробными сведениями об Иудее I века.

Увидеть Иисуса Назарянина таким, каким видели Его современники, – вот одна из главных задач книги о Нем, если она строится по принципу историко-литературного синтеза. Среди христианских авторов, руководствовавшихся этим принципом, наибольшую известность приобрели Фредерик Фаррар, Коннингем Гейки, Альфред Эдершейм, Анри Дидон, Франсуа Мориак, Дмитрий Мережковский, Анри Даниель-Ропс, Фултон Орслер, Артур Нисен. Но поскольку все они писали для Запада, появление еще одной книги этого направления, ориентированной на русского читателя, может быть оправдано.

В ней автор не ставил себе исследовательских целей, а стремился лишь к тому, о чем говорил Вл. Соловьев в беседе с Победоносцевым, – просто *рассказать о Христе*; рассказать на основании Евангелий, лучших комментариев к ним, а также других источников⁶. При работе

⁵ Скудость биографических данных о Будде или Спартаке, Рублеве или Шекспире не исключила попыток обрисовать их жизнь на фоне соответствующей эпохи.

⁶ Основным нашим источником являются, конечно, книги Нового Завета, особенно – Евангелия. Русские переводы аграф и апокрифических текстов Нового Завета указаны в библиографии. Основные ветхозаветные апокрифы изданы по-русски прот. А.Смирновым (Книга Еноха. Казань, 1888; Книга Юбилеев. Казань, 1895; Псалмы Соломона. Казань, 1896; Заветы XII патриархов. Казань, 1911). Полный свод этих апокрифов издан по-английски Р.Х. Чарлзом (*Charles R.H. The Apocrypha and the Pseudepigrapha of the Old Testament*, v. II. Oxford, 1913). Для воссоздания евангельской эпохи неоценимы сочинения иудейского историка Иосифа Флавия (рус. их пер.: О древности иудейского народа. Пер. с греч. СПб., 1895; Иудейская война. Пер. с греч. СПб., 1900; Иудейские древности. Пер. с греч. Т.1–2, СПб., 1900). Талмуд, хотя и писался со II по IV в. н. э., проливает свет на иудаизм периода Второго Храма. Он вышел по-русски не полностью, однако переведены важнейшие его части (Талмуд. Мишна и Тосефта. Пер. Н.Переферковича. Т.1–6, СПб., 1899–1904; Талмуд Вавилонский. Вильна, 1880–86; Талмуд Иерусалимский. Берлин, 1904–25). Ряд ценных материалов собран в книге: *Рапонович А. Первоисточники по истории раннего христианства*. М., 1933. Произведения христианских писателей первых веков изданы в русском переводе прот. П.Преображенским (Писания Мужей Апостольских. 2-е изд. СПб., 1895; Сочинения древних христианских апологетов. 2-е изд. СПб., 1895). Некоторые данные по новозаветному времени содержатся у *Тацитта* (Сочинения. В двух томах. Пер. с лат. Л., 1969) и *Светония* (Жизнь двенадцати цезарей. Пер. с лат. М., 1964). Святоотеческие и позднейшие комментарии к Евангелию ука-

были приняты во внимание важнейшие результаты современной новозаветной критики, но с учетом того, что и сама она нуждается в критическом подходе.

Предназначена эта книга в основном для тех, кто прочел Евангелие впервые или даже совсем незнаком с ним⁷. Поэтому рассказ начинается с внешних событий, лишь постепенно приближаясь к темам более глубоким и сложным.

Впрочем, искушенный читатель, быть может, тоже найдет здесь для себя нечто новое, хотя прямо ему адресован только раздел, относящийся к «теории мифа» и происхождению Евангелий.

Автор надеется, что книга окажется небезынской и для неверующих. Любому человеку следует иметь представление об Основателе религии, которая стала неотъемлемой частью мировой культуры.

Цитируя Новый Завет, автору пришлось отказаться от общеупотребительного синодального перевода⁸. Достоинства его несомненны, но, сделанный более полутора веков назад, он устарел как в научном, так и в литературном отношении. Поэтому в книге использован (с некоторыми поправками) новый перевод, осуществленный в Париже под редакцией епископа Кассиана⁹.

Ссылки на литературу приведены только в самых необходимых случаях. Желающие углубить свои знания в этой области могут обратиться к трудам, указанным в библиографии.

Если предлагаемый очерк поможет читателю лучше понять Евангелие, пробудит к нему интерес или просто заставит задуматься, цель автора будет достигнута.

Первоначально книга печаталась отдельными главами в «Журнале Московской Патриархии» и «Церковном Вестнике» (Болгария); полностью же она вышла в издательстве «Жизнь с Богом», которое так много сделало для взаимопонимания христиан Востока и Запада. Подготовить новый переработанный вариант автор решил по просьбе друзей, а также учитывая отклики и пожелания читателей. Благодарность людям, помогавшим в работе, автор не может выразить ничем, кроме молитвенной памяти об их самоотверженном труде.

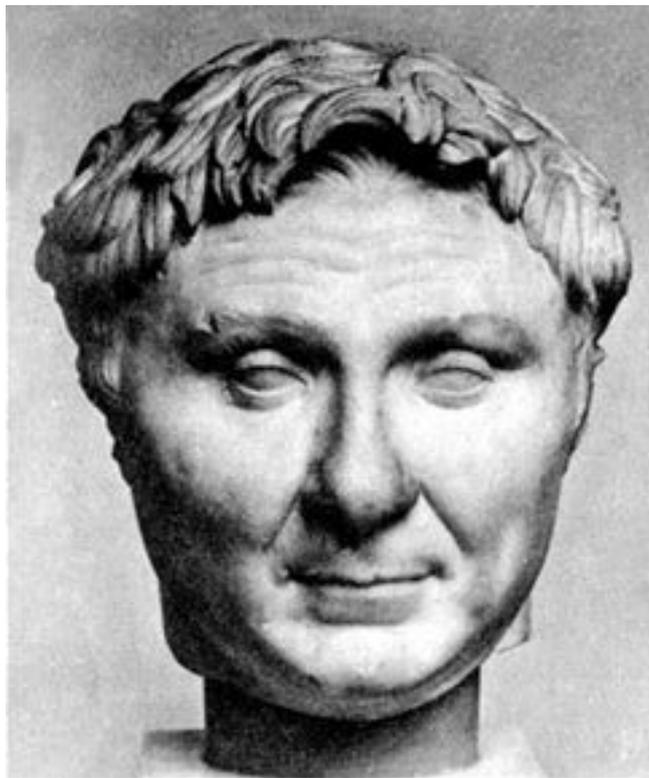
заны в библиографии.

⁷ Ввиду этого в конце книги дается словарь терминов.

⁸ Ветхозаветные цитаты даны в переводе автора.

⁹ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Новый перевод с греческого подлинника, с параллельными местами. Лондон, 1970. Епископ Кассиан (Безобразов), возглавлявший комиссию по переводу, был в то время ректором Православного богословского института в Париже. Этот перевод, к сожалению, далек от совершенства, но его преимущество в том, что в нем учтены достижения современной текстуральной критики. При цитировании по этому переводу некоторых речей Спасителя текст расположен в соответствии с правилами священной библейской поэзии.

Пролог

Весной 63 года до н. э. на дорогах Палестины показались колонны римских солдат. За ними со скрипом тянулись обозы, грохотали тяжелые осадные орудия, в тучах пыли блестели панцири легионеров и колыхались боевые знамена.

Командовал армией сорокатрехлетний полководец Гней Помпей. Втайне мечтавая о мировом господстве, он любил рядиться в тогу международного арбитра и говорил, что явился в Сирию не для захвата чужих владений, а как защитник порядка и освободитель. В эти годы он достиг зенита славы и был окружен любовью военных. То, что Помпей расправился с пиратами – этим бичом мореплавателей – и победоносно завершил кампанию против Митридата Понтийского и Тиграна Армянского, укрепило его позиции как в Риме, так и за его пределами.

Ближний Восток Помпей застал в состоянии войны, которую вели между собой местные царьки и правители. Поэтому он поспешил водворить там мир, раздавая титулы и короны, и в то же время объявил все сирийское побережье провинцией Рима.

Этот момент совпал с упорной борьбой за иерусалимский престол двух братьев-претендентов – Аристобула и Гиркана. Они обратились к Помпею с просьбой решить их спор. Но пока в Дамаске тянулись переговоры, Аристобул внезапно передумал и отказался от помощи римлян. Узнав об этом, разгневанный Помпей быстрым маршем двинулся на Иерусалим...

Римские легионеры

Палестина, или Страна Израиля, по которой шли теперь когорты и где через сто лет должен был прозвучать голос Христа, расположена на перекрестке Европы, Азии и Африки, что постоянно делало ее яблоком раздора. Многие завоеватели на протяжении веков покушались на ее территорию, хотя она никогда не славилась особнным плодородием или природными богатствами.

Эта небольшая полоса земли, протянувшаяся по берегам Иордана и Мертвого моря, включает всевозможные оттенки климата и рельефа. Недаром ее называют краем контрастов. Вечные снега лежат на вершинах израильских гор; зимой снег нередко выпадает даже на юге, а кое-где летом жара достигает почти тропической силы. Пальмы и гранатовые деревья, смоковницы и кипарисы соседствуют с зарослями орешника и ивнякам; зеленые равнины чередуются с голыми скалистыми грядами.

В древности наиболее цветущим был северный округ – *Галилея*, расположенный на запад от озера Кинерет (Геннисарет), которое иногда называли Галилейским морем. Среди населения этой местности жило много иноплеменников, из-за чего ее именовали «Галилеей языче-

ской». С юга к ней примыкает область *Самария*. Когда-то вместе с Галилеей она составляла Северное израильское царство, уничтоженное в 722 году до н. э. ассирийцами. Завоеватели угнали в плен жителей городов, а на их место переселили людей из Месопотамии и Сирии. Колонисты смешались с израильтянами и приняли их веру, сохранив, однако, свои старые обычаи. Иудеи отказывались признать в этих *самарянах* братьев, считая их полуязычниками, что вело к конфликтам, о которых упоминают и Евангелия. Несколько сот самарян и сегодня живут в Израиле. Подобно своим предкам, они почитают священной гору Гаризим, где некогда стоял их храм.

Южная часть страны, или собственно Иудея¹⁰, представляет полную противоположность Северу. Неприветливая и бесплодная, она похожа на гористую пустыню с оазисами. Ее суровый, но здоровый климат закалил иудеев, сделав их выносливым, чуждым изнеженности народом.

На пути римлян в Иерусалим последним пунктом, еще сохраняющим прелесть благодатного Севера, был Иерихон; он славился целебными источниками и пальмовыми рощами. Именно там разбил свой лагерь Помпей и оттуда привел солдат к стенам иудейской столицы.

Иерусалим, переживший пятнадцать веков славы и падений, уже давно стал легендарным городом. Он был расположен на горе и представлял собой мощную крепость. Вид его стен смутил Помпея, который знал толк в осадном деле. Однако ему помогли раздоры, бушевавшие внутри города. Аристократ сдался на милость римлян, а партия его брата Гиркана открыла им ворота. Только те, кто не желал мириться с присутствием чужеземцев, заперлись в храмовой цитадели, готовые стоять насмерть.

Целых три месяца шла осада, пока римляне с величайшим трудом не разрушили одну из башен. Когда они хлынули в ограду Храма, то с изумлением увидели, что священники продолжают совершать богослужение. Все время, пока длилась отчаянная оборона, духовенство не покидало алтарь и погибло вместе с защитниками святыни.

Пользуясь правом победителя, Помпей захотел осмотреть знаменитый Храм, в том числе и *Дебёр*, Святая Святых, место, куда мог входить, да и то раз в году, только первосвященник.

Переступить запретный порог толкало римлянина неудержимое любопытство: ведь о религии иудеев ходили такие фантастические слухи. Одни рассказывали, что в Дебуре находится золотое изображение ослиной головы, другие уверяли, что там прячут человека, обреченного на заклятие. Что же скрывается в нем на самом деле? Каких только сюрпризов не подносил загадочный Восток людям Запада!

В напряженной тишине отодвинулась завеса... И что же? Удивлению Помпея и его офицеров не было границ. Они ожидали увидеть нечто необыкновенное, по крайней мере какой-то образ – прекрасный или отталкивающий. Но там было пусто. Там обитало Незримое...

Со странным чувством, к которому примешивался суеверный страх, покинули римляне Храм, не прикоснувшись ни к чему. Но, наверное, они удивились бы еще больше, если бы узнали, что судьба поставила их лицом к лицу с религией, предназначенной стать колыбелью учения, которое завоеует Восток и Запад, беломраморную Элладу и их родной Рим.

Чем же отличалась эта религия от прочих?

Ответить на вопрос можно, лишь начав издаleка.

Уже тогда, когда свет разума впервые вспыхнул в человеке, он ощутил реальность некоей Высшей Силы, объемлющей мироздание. Для первобытных охотников было естественно отождествить Ее с тем, что мы теперь называем природой. Поэтому всюду – в облаках и звездах, в реках и живых существах – люди искали присутствия Божественного.

¹⁰ Римляне называли Иудеей всю Палестину.

Сначала, как правило, это приводило к грубому идолопоклонству, к обоготворению отдельных предметов и явлений. Позднее в Индии, Китае и Греции культ природы породил веру в то, что видимый мир есть единственно подлинная действительность. Но такой взгляд шел вразрез с общечеловеческим духовным опытом и не получил широкого признания.

Напротив, с приходом религиозной и философской зрелости культур укрепилось убеждение, что верховная Реальность в корне отличается от всего частного и ограниченного. Последним словом дохристианской мысли стало учение о Божестве, чье сокровенное, неисповедимое бытие находится по ту сторону зримого. Как бы ни называть Его – Небом, Отцом, Судьбой, – глубина Его не может быть познана никем из смертных. Идея эта не только вытекала из переживаний мистиков, но имела и логическое основание. Поистине – какой разум в состоянии охватить саму Беспредельность?..

Однако таинственный порыв ввысь не погас в человеке. Он все время стремился преодолеть дистанцию, отделяющую его от Неба, связать свою жизнь с иным миром. В результате продолжали существовать две тесно переплетенные веры: вера в Непостижимого и в стихийные божества. Последние, казалось, стояли ближе к человеку, и с ними можно было вступить в прямой контакт. Считалось, что есть секретные магические приемы, с помощью которых люди способны влиять на демонов и духов. Подобный утилитарный взгляд оставался господствующим в течение тысяч лет.

Многобожие и *магия* тщетно пытались заполнить пропасть, отделяющую землю от Неба.

Впервые эта раздвоенность была снята в библейском Откровении. Оно учило о Боге «святом», то есть несоизмеримом с тварью, и одновременно – о человеке как Его «образе и подобию». Таинственное родство бесконечного Духа и духа конечного делает, согласно Библии, возможным *Завет* между ними.

Завет, или Союз, есть путь к единению человека не с богами, а именно с высшим Началом, пребывающим над Вселенной.

Примечательно, что религию Завета исповедовал народ, который не создал могущественной цивилизации, не выделялся в политическом отношении и лишь на короткое время достиг национальной независимости. Однако верность Богу он сумел пронести через долгие столетия своей мучительно трудной истории.

Предки этого народа с незапамятных времен кочевали между Сирией и Египтом. Предание сохранило память о племенном вожде евреев *Аврааме* (ок. 1900 г. до н. э.), с именем которого связано начало ветхозаветной религии. Первая ее заповедь указывала на важность человеческих поступков перед лицом Неба. «Я – Бог Всемогущий; ходи передо Мною и будь непорочен». Аврааму было обещано, что через его потомков «благословятся все племена и народы земли», хотя оставалось тайной, что будет означать это благословение¹¹.

В XVII веке до н. э. гонимые голодом евреи переселились на восток нильской дельты, где постепенно подпали под деспотическую власть фараонов. Вера Авраама была почти забыта.

Около 1230 года группа еврейских кланов, носивших имя «Сыны Израиля», или просто *Израиль*, была объединена *Моисеем* – их великим пророком и законодателем. Он вернул народ к «Богу отцов», к «Богу Авраама, Исаака и Иакова» и вывел соплеменников из «дома рабства». В память об «исходе» и освобождении Моисеем был установлен праздник Пасхи.

Скрывшись в Синайской пустыне, израильтяне некоторое время обитали в окрестностях священной горы Синай и оазиса Кадеш, где пророк торжественно провозгласил основы религии Завета.

¹¹ Быт 17,1; 12,3.

Моисей заповедал народу чтить лишь одного Бога, Владыку и Создателя мира, Который есть *Яхве*, Сущий, Тот, Кто обладает бытием, будучи Сам превыше всего чувственного¹². Пророк запретил поклоняться каким-либо природным богам и даже делать изображения Самого Яхве. Знаком Его пребывания среди верных был только Ковчег, большой ларец, украшенный фигурами крылатых существ – керубов¹³. Его укрепляли на длинных шестах и во время битвы несли перед воинами.

Моисей учил, что по воле Сущего Израиль должен стать *избранным* Его орудием, «народом святым и царством священников», то есть общиной людей, предназначенной служить истинному Богу.

Культ кочевников-израильтян был свободен от обилия церемоний, свойственного всем древним религиям¹⁴. Учение пророка кратко сформулировано в *Декалоге*, Десяти заповедях, которые были начертаны на двух каменных плитах. Суть их сводилась к верности Господу-Избавителю, а также основным нравственным нормам: чти отца и мать, не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не клеветай, не завидуй. Из культовых обычаев Декалог упоминает лишь один – закон субботнего дня, посвященного Богу.

Кроме Десяти заповедей к той же эпохе, вероятно, относится и молитва-исповедание, начинавшаяся словами: «Слушай, Израиль! Яхве – Бог наш, Яхве – един. И возлюби Яхве, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими!»¹⁵.

Величественная простота Моисеевой веры и ее заповеди, следовать которым и до сих пор оказывается столь нелегко, знаменовали коренной поворот в религиозном сознании. Неудивительно, что Моисей должен был пережить трагедию непонятого пророка.

Библия повествует о том, с каким трудом воспринимали вчерашние рабы уроки своего учителя, как они восставали против него, как сильна была над ними власть привычных суеверий. Но пророк не отступал даже тогда, когда ему казалось, что дело проиграно. И его усилия не пропали даром. Религия Завета стала тем прочным корнем, из которого выросли духовная стойкость и единство народа.

Еще при Моисее израильтяне начали проникать в *Ханаан*, как тогда называли Палестину, а после его смерти большая их часть перешла реку Иордан и завоевала страну. Осуществилась мечта многих поколений: жить на «земле Авраама».

Племя иудейское осело в районе гористого Юга, а остальные колена – на Севере. Но вскоре оказалось, что дети пустыни попали в положение победителей, которым пришлось покориться культуре побежденных. Цивилизация хананеев, родственная финикийской, была по тем временам высокоразвитой. Тем не менее ханаанские культы продолжали сохранять древний изуверский характер. В них практиковались и человеческие жертвоприношения, и ритуальные убийства детей, и храмовая проституция. Праздники, связанные с плодородием, сопровождались у хананеев чувственными обрядами и оргиями.

¹² Начиная с IV в. до н. э. имя *Яхве* из благоговения запрещалось произносить (кроме исключительных случаев). Его заменяли словом *Адонай*, Господь. Для напоминания об этом под буквами имени Божия ставили огласовку слова Адонай. Отсюда искаженное имя «Иегова», которое довольно долго употреблялось в библеистике.

¹³ Керубы символизировали силы природы, подчиненные Богу. Внешний вид их фигур был близок к изображениям крылатых львов и быков древневосточного искусства. «Керубим», или «херувим», – множественное число от слова «керуб». В послеренессансном искусстве херувимы изображались в виде крылатых младенцев, по образцу античных купидонов.

¹⁴ «Разве приносил ты Мне жертвы и дары за сорок лет в пустыне, дом Израилев?» – спрашивает Бог устами пр. Амоса (Ам 5,25), а через пр. Иеремию Он говорит: «Когда Я вывел отцов ваших из Египта, Я не говорил и не заповедовал им о всесожжении и жертве, но заповедовал им: „Слушайтесь гласа Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете Моим народом, и ходите по всякому пути, который Я заповедаю вам, и тогда благо будет вам“». Эти слова, казалось бы, трудно согласовать с ритуалами Пятикнижия. Но традиционное мнение, согласно которому Моисей написал *все* Пятикнижие, было подвергнуто критике еще в XVII веке, и в настоящее время его не поддерживает ни один из серьезных исследователей Библии (см.: *Картташев А.* Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947, с.46 сл.; *Harrington W.J.* Key to the Bible, v.2. Garden City (New York)1976, p.13 сл., а также специальные приложения к кн.: *Мень А.* Магизм и Единобожие, Bruxelles, 1971; М., 2005.).

¹⁵ Исх 20,2-17; Втор 5,6-21; 6,4-9.

Под воздействием народа, среди которого ему пришлось жить, Израиль стал быстро терять свою духовную самобытность. Почитание Ваалов и других земледельческих богов Ханаана незаметно вошло в быт еврейских крестьян. Как говорит Библия, «Сыны Израиля уклонились от Яхве, Бога своего».

Около 1100 года до н. э. на ханаанский берег высадились воины, пришедшие с островов Эгейды. То были филистимляне, народ, уже овладевший секретом выплавки железа. Они быстро установили власть над страной, и от них впоследствии она получила свое греческое название – Палестина. Израильтяне и хананеи, имевшие только бронзовое оружие, не могли противиться завоевателям.

Прошло почти полвека, прежде чем иго чужеземцев было осмыслено как небесная кара за отступничество. И тогда явились проповедники, призывавшие возвратиться к вере отцов. Они пробудили народные силы и возглавили восстание против филистимлян.

Война длилась долго и закончилась победой. В результате ее было образовано независимое еврейское царство. Около 1000 года при царе *Давиде* оно объединило несколько родственных племен и простерло свои границы «от Нила до Евфрата». Религиозной и политической столицей Давид сделал ханаанскую крепость Иерусалим, куда по его приказу перенесли Ковчег. Пророк Нафан предсказал царю, что его преданность вере будет вознаграждена: один из потомков Давида станет основателем вечного Царства¹⁶.

По обычаю Востока, когда человека провозглашали монархом, священник возливал на его голову кубок елея.

Елей, масло оливы, считали символом прочности. Обряд же помазания напоминал о том, что власть даруется от Бога, Дух Которого отныне будет пребывать на избраннике. Поэтому каждый властелин Израиля (а иногда и пророк) именовался помазанником, *мессией*, или по-гречески – Христом. Однако со временем этот титул стали относить лишь к великому Царю грядущего.

Для израильтян обетование о Мессии сливалось с общей надеждой на свершение неведомых замыслов Господних. Эта надежда издавна была характерной чертой Ветхого Завета. Она зародилась еще во дни Авраама; потом вожденной целью стала «земля обетованная», куда указал путь Моисей, и, наконец, пророчество Нафана дало новое направление народным чаяниям.

Не следует, впрочем, думать, что духовная жизнь Израиля оставалась в ту пору незамутненной. В каждой главе библейской истории есть драматические страницы, повествующие о борьбе и соблазнах, падениях и отступничестве. Малодушные и страсти, тяга к чужим культам и расчеты политиков не раз колебали веру.

После Давида контакты с Финикией и Египтом вновь усилили влияние язычества. Хотя в Храме, который построил царь Соломон, не было изображения Бога (то есть соблюдался Моисеев завет), рядом с ним разместились капища иноверцев. Когда же около 930 года до н. э. царство распалось на Север и Юг, Израиль и Иудею, угроза идолопоклонства стала еще реальной. Повсюду воздвигались алтари и священные рощи в честь Ваалов и Астарты, казалось, еще один шаг – и язычество будет признано второй официальной религией Израиля.

Духовный кризис сопровождался кризисом социальным. Самодержавие монархов, которые все больше расширяли свои привилегии, рост имущественного неравенства, бесправие и разорение крестьян, огромные налоги, проникновение в страну финикийской роскоши – все это не могло не тревожить людей, которые верили в миссию Израиля и ужасались его упадку. Их взоры были обращены к идеалам Синая, к чистой вере патриархальной старины.

¹⁶ 2 Цар 7,1-16.

Из среды этих оппозиционеров и вышли *пророки*, Божии посланцы, звавшие народ очнуться от спячки.

Обычно они проповедовали в Храме. Не намереваясь создавать новую религию, пророки хотели возродить и очистить ту, что была унаследована от времен Моисея¹⁷. Пророки отказывались во имя ложно понятого патриотизма льстить толпе и без колебаний начали переоценку всего строя национальной жизни.

Деятельность пророков совпала с той эпохой, когда большинство цивилизованных стран вступило в полосу религиозных революций. Это был исторический перелом, который можно сравнить лишь с появлением христианства. Старое мировоззрение, ставившее в центр ритуал, заклинание, магию, начало колебаться. Повсюду, от Китая до Италии, появились *мировые учителя*, пытавшиеся найти новые ответы на жгучие вопросы жизни и веры. Авторы Упанишад, Будда, Махавира, Лао-Цзы, Конфуций, Заратустра и греческие философы – вот те, кто духовно сформировал мир, в который пришел Иисус Назарянин. Они были Его предтечами, но в строгом смысле слова называть так можно только израильских пророков.

Многое роднит их с великими мудрецами Востока и Запада. Подобно отшельникам Индии, они знали, что Бог как абсолютный источник бытия превосходит все земное; подобно персидскому реформатору Заратустре, верили в Него как в совершенный Свет и Добро; подобно Гераклиту, они созерцали в Нем динамическую, «огненную» силу; подобно Анаксагору и Платону, говорили о Нем как о вселенском Разуме, или Премудрости. Но при этом пророки были далеки от того, чтобы вместе с Буддой считать эту жизнь злом, тягостным маревом; в отличие от метафизиков Эллады, не учили, что Творец и мир есть нераздельное целое.

Они знали, что Бог, как бы ни был велик Он, связан узами любви со Своим творением, что человек – Его избранный, которому Он Себя открывает.

Самое непостижимое в пророках – тайна их вдохновения. Они не строили гипотез, не создавали умозрительных систем, Бог *непосредственно* через них возвещал Свою волю. Речи пророков обычно начинались словами: «Так говорит Яхве». Дух Господень овладевал ими с покоряющей силой, и люди внимали их голосу как голосу Неба. Это чудо потрясало самих пророков. Иногда им было даже трудно охватить умом все открывшееся.

Пророки отчетливо сознавали себя орудиями, глашатаями и посланниками Всевышнего. Но в то же время они были непохожи на языческих прорицателей, вроде пифий, которые вещали, находясь в состоянии бессознательного транса. В опыте библейских провидцев просветленный человеческий дух предстоял Сущему, открывающему Себя как Личность. Бог говорил с миром и ждал от него ответа. Таким образом, в пророках осуществлялось единение твари с Творцом, осуществлялся тот Завет, который был основой веры Израиля.

Пророки не только переживали встречу с Богом в глубине своего существа, но видели Его руку в жизни народов. Это было откровением, уникальным среди других религий.

«Вечный закон, который греки усматривали в стройном развитии и движении материи, – пишет английский мыслитель Кристофер Даусон, – для иудеев осуществлялся в превратностях человеческой истории. В то время как философы Индии и Греции размышляли об иллюзорности или вечности космических процессов, пророки Израиля утверждали нравственную цель истории и объясняли преходящие события своего времени в их отношении к божественной воле»¹⁸.

Наблюдая неизменные ритмы природы: восходы и закаты, смену времен года и движение планет – большинство древних философов пришли к мысли о *циклическом* характере бытия. Все, полагали они, несется по кругу, все один раз случившееся повторится опять, и ничто

¹⁷ О пророках и их эпохе см. в кн.: Мень А. Вестники Царства Божия. Брюссель, 1986; М., 2003.

¹⁸ Dawson Ch. Progress and Religion. Garden City (New York) 1960, p.125.

не может быть в корне изменено. Рождаясь, умирая и возникая вновь, Вселенная и человек обречены на вечный круговорот. В противовес этому взгляду Библия учит о творении, которое устремлено ввысь, к совершенству. И хотя одновременно с добром возрастают и злые силы, в конечном счете они будут побеждены, и миру откроется свободный путь к Царству Божию. Иными словами, пророки стали первыми, кому открылись *направление и смысл истории*.

Благодаря пророкам, учение Моисея приобрело черты *мировой религии*¹⁹. По словам Паскаля, единственным выражением библейской веры «должна быть любовь к Богу, и Бог осуждает все остальное»²⁰. Эта любовь требовала не столько церковных церемоний, сколько человечности, добра и правды. Поэтому в проповеди пророков такое большое место занимала идея социальной справедливости.

Как бы ни различались учителя Израиля по своему характеру, темпераменту и общественному положению, их всех объединяла бескомпромиссность в отношении к отступникам, тиранам и лицемерам, которые надеялись «задобрить» Творца дарами и жертвами.

Вот пламенный *Илия* (ок. 850 г. до н. э.), защитник гонимых и обездоленных, который без колебания бросает упрек в лицо самому царю.

Вот пастух *Амос* (ок. 770), человек из народа, не желающий даже называть себя пророком; но он не может молчать, когда Господь повелел ему идти по городам и возвещать День Суда. Пусть не надеются израильтяне на свою избранность. Ее будут достойны лишь те, кто следует закону правды Божией.

Не подобны ли сынам эфиопов
для Меня вы, сыны Израиля? – говорит Яхве. —
Не вывел ли Я Израиль из Египта,
как филистимлян из Крита
и сирийцев из Кира?²¹

Вот левит *Осия* (ок. 750), оплакивающий духовное вырождение Северного царства. Он провозглашает, что любовь между людьми дороже Богу всех пышных ритуалов. «Милосердия хочу, а не жертвы», – говорит Господь через пророка²².

Вот *Исайя*, иерусалимлянин знатного рода, влиятельный советник царя (ок. 730). Его не может обмануть показной блеск двора, не радуют толпы во дворе Дома Господня. Никакие воскурения и молитвы не в состоянии заменить чистоты сердца и справедливых поступков.

К чему Мне множество жертв ваших? —
говорит Яхве...
Когда вы приходите пред лице Мое,
кто требует от вас этого?
Довольно топтать двory Мои,
и не приносите больше ненужных даров...
Удалите от очей Моих злодеяния ваши,
перестаньте делать зло,
научитесь делать добро,

¹⁹ Т. е. религии универсальной, в противоположность старым, чисто национальным культам.

²⁰ Паскаль Б. Мысли о религии. Пер. с франц. М., 1902, с.126.

²¹ Амос 9,7.

²² Осия 6,6.

Ищите правды, удерживайте насильников,
защищайте сироту, вступайтесь за вдову²³.

Пророков нередко называют социальными утопистами. Но на самом деле они не предлагали никаких политических реформ. Если Платон разработал проект режима с общностью имущества и контролем правительства над всеми сферами жизни, то пророки ставили на первое место веру и нравственные задачи человека. Они знали, что одних внешних перемен недостаточно, что гармония в мире возможна лишь в результате гармонии между волей Божией и волей людей.

Но именно поэтому пророки не собирались мириться с язвами общества. Их страстный протест был продиктован верой в высокое предназначение человека. Они говорили о «Дне Господнем», когда кончится царство зла среди людей. Духовному зрению Исаяи предносилось явление Помазанника, через Которого Суший установит Свое Царство. Тогда все народы познают вечную правду, оставят идолов и преступные дела. Бог «отрет каждую слезу», и земле снова будет возвращен Эдем²⁴. Пророк *Иеремия* (ок. 630) связывал конец старого мира с *Новым Заветом*, который будет начертан уже не на каменных скрижалях, а в душах людей²⁵.

Эсхатологические чаяния пророков обостряли в них чувство ответственности за свой народ. Ему дано Откровение, и потому его грехи преступны вдвойне. Ему поручена миссия привести человечество к Богу, но если избранные окажутся недостойными, небесный покров покинет их. Из дальних стран придут язычники, чтобы разрушить Израильское и Иудейское царства.

Грозные предсказания скоро сбылись. В 722 году до н. э. Северная монархия евреев была сметена с лица земли Ассирией, а в 587 году халдейский царь Навуходоносор II взял штурмом Иерусалим, сжег Храм и угнал основную массу иудеев в Вавилон.

Казалось, такая катастрофа могла привести к полному исчезновению Израиля и его религии. Но этого не случилось. Закваска пророков была настолько сильна, что и вдали от отечества иудеи продолжали сознавать себя народом Божиим. Испытание углубило в них покаянное чувство, и с тех пор языческие соблазны перестали манить их, как прежде. Пророки, жившие среди изгнанников, – *Иезекииль* (ок. 580) и *Исайя Второй* (ок. 550) – продолжали дело своих предшественников²⁶. Они проповедовали в молитвенных домах, вели беседы, писали книги. Под их влиянием иудейство постепенно превращалось в сплоченную Общину – Церковь Ветхого Завета.

Через полвека «плен на реках Вавилонских» кончился, Халдея была захвачена персами. В 538 году царь Кир, основатель величайшей державы Востока, разрешил всем переселенным в Вавилон иноземцам вернуться на родину. Одушевленные речами проповедников, многие иудеи направились в землю отцов. Но смелые мечты энтузиастов, вообразивших, что дни Мессии наступят немедленно, разбились о неприглядную действительность. Вместо прежнего Израиля было образовано маленькое княжество, подчиненное Персии, которое включало лишь Иерусалим с его пригородами. Крепость Давида лежала в руинах, новоприбывшие терпели нужду.

Прошло время пророков; нужно было теперь учиться жить по их заветам, но ни у кого не было ни сил, ни энергии, ни уверенности в будущем. Когда из Вавилона около 400 года до н. э.

²³ Книга пророка Исаяи 1,11 сл.

²⁴ Там же, гл.9 и 11.

²⁵ Иеремия 31,31–32.

²⁶ Исаяей Вторым или Второисайей называют анонимного пророка, жившего в VI в. до н. э. в период вавилонского плена. Его писания включены в Книгу пророка Исаяи (гл.40–55 и некоторые другие ее разделы).

прибыл священник Эзра (Ездра), он нашел кое-как отстроенный Храм и народ в состоянии полной апатии.

Эзра привез с собой полный текст Закона Божия, именуемый *Торой*, или Пятикнижием Моисеевым. Тора выросла из Десяти заповедей и дополнялась на протяжении веков. Священники записали устные предания и уставы времен Моисея, а также внесли в книгу богослужебные правила. Отныне ей предстояло служить религиозным, нравственным и гражданским кодексом Израиля.

Опасаясь влияния языческих соседей, Эзра и его продолжатели *книжники* задумали отделить иудеев от всего мира. Неукоснительное соблюдение субботы, пищевые запреты и другие обычаи преследовали одну цель – ограждение Общины.

На первый взгляд создается впечатление, что законники похоронили наследие пророков под грудой мелочных предписаний. Однако, как показало время, их крутые обособительные меры были оправданы. Именно благодаря их мощному панцирю религия Библии вышла невредимой из той битвы, которая разыгралась в Палестине при греческом царе *Антиохе Епифане*²⁷.

Греция к этому времени давно перестала быть островом демократии. Ее погубили партийная борьба, войны и распри. Повсюду народ тяготел к сильному централизованному правительству. Поэтому когда в IV веке до н. э. Александр Македонский провозгласил себя монархом, он лишь привел к логическому концу процесс, начавшийся уже за сто лет до него.

Чтобы придать царской власти высший авторитет, Александр причислил себя к сонму богов. Так поступали и его наследники, и среди них был Антиох Епифан (175–163). Этот царь, всерьез возомнивший себя сверхчеловеком, хотел спаять подвластные ему народы, насаждая среди них единую цивилизацию эллинизма, ее стиль, вкусы, религию. Предприятие Антиоха нигде не встречало преград, и только вера Израиля стала тем камнем, о который он споткнулся.

Рядовое духовенство, книжники и народ сначала оказывали ему лишь пассивное сопротивление, но когда царь осквернил Храм, устроив там жертвенник Зевсу, и начал путем террора вводить многобожие, против него вспыхнуло восстание. Оно быстро переросло в освободительную войну, возглавленную Иудой Маккавеем, полководцем из *Хасмонейского* рода.

В годы борьбы вновь прозвучало пророческое слово. Неведомый провидец, скрывшийся под именем Даниила, написал книгу, где клеймил тиранию и религиозные преследования. Автор изобразил великие державы в виде алчных зверей и предсказал, что настанет час, когда с Неба явится Избавитель и положит конец империям-хищникам. В отличие от чудовищ, олицетворявших царства мира сего, Мессия, согласно Даниилу, будет подобен человеку, «*Сыну Человеческому*»²⁸. Этот контраст указывает на коренной переворот, который ожидает мир.

Прилив воодушевления творил чудеса. Маккавей нанес армии Антиоха ряд чувствительных ударов, освободил Иерусалим от врагов и выбросил из Храма «мерзость», как называли иудеи языческий алтарь. Когда же Маккавей погиб в бою, его дело продолжили братья. В 140 году до н. э.

Симон Хасмонею был коронован и стал царем-первосвященником. Израиль добился независимости и вернулся к границам, какие имел при царе Соломоне.

Укрепились и общины за пределами страны. Эти «церкви рассеяния» служили связующим звеном между Иудеей и остальным миром. Их трудами Библия была впервые переведена на греческий язык. Ко времени Рождества Христова из четырех миллионов иудеев почти три миллиона жили в чужих землях. Впоследствии существование их очагов, разбросанных повсюду, окажет немалую услугу апостолам христианства.

²⁷ О последних трех веках ветхозаветной истории см. в кн.: Мень А. На пороге Нового Завета. Брюссель, 1983; М., 2003.

²⁸ Книга Даниила 7,13. Исследования Библии показали, что Книга Даниила написана не в VI в. до н. э., как думали прежде, а во II в. до н. э., хотя в нее были включены и более ранние материалы. О Мессии много говорится в *Книге Еноха*, написанной почти одновременно с Книгой Даниила.

Хасмонейская династия не оправдала, однако, ожиданий народа. Новые цари скоро превратились в заурядных деспотов, не желавших считаться с Законом Божиим. Произвол властей вызвал отчуждение ревнителей веры от царствующего дома. К тому же законными монархами по традиции считались лишь потомки Давида. В силу этого Хасмонеев просто терпели как временных правителей.

Душой оппозиции двору стала группа благочестивых людей, которых называли «отделившимися», или *фарисеями*. Сначала они пробовали свергнуть династию, но в 88 году до н. э. их мятеж был беспощадно подавлен. Сотни фарисеев были распяты на крестах царем Александром Яннаем.

После смерти Янная положение фарисеев упрочилось. Но постепенно они отошли от политики, всецело посвятив себя религиозной деятельности. Многие из фарисеев стали толкователями Закона и учителями, раввинами. В школах и синагогах они вели трудную, но необходимую работу: укрепляли в людях основы веры и нравственности. Непокоримая преданность Богу, прочные семейные устои, гуманность, любовь к свободе и справедливости – все это было привито народу лучшими представителями фарисейства, среди которых особенно выделялся кроткий мудрец *Гиллель*, прибывший в Иерусалим около 40 года до н. э. По его мнению, сущность Закона заключена в золотом правиле: не делай другим того, чего не желаешь себе²⁹, а все остальное Гиллель считал лишь «комментарием».

Было в законничестве и другое направление. Его вождем стал соперник Гиллеля – *Шаммай*. Если первый охотно приобщал иноплеменников к вере, то второй презрительно гнал их от себя. Шаммай придавал огромное значение так называемым «преданиям старцев». Его ученики умножали число обрядовых предписаний и любили выставлять напоказ свое благочестие.

Фарисеи пользовались большим уважением в народе. Зато *саддукеи* – священническая аристократия, связанная со двором, – относились к ним враждебно и не разделяли их воззрений. В отличие от фарисеев саддукеи считали, что со смертью для человека все кончается. Они признавали только Пятикнижие, а на писания пророков смотрели как на второстепенные³⁰. Эти богатые и надменные люди не слишком доверяли предсказаниям о Мессии и ориентировались лишь на земную политику.

Параллельно с фарисейским братством около 160 года до н. э. в Палестине возник полу-монашеский орден «Сынов света», или *есеев*³¹. Не желая иметь ничего общего с греховным миром, ессеи избрали уединенную жизнь в пустыне. Около 130 года их глава, которого они называли *Учителем Праведности*, основал колонию на берегу Мертвого моря в Кумране. Там, вдали от суеты, ессеи трудились сообща, проводя свободное время в ритуальных трапезах, молитвах и чтении Библии. В их общины, насчитывающие в целом до четырех тысяч человек (число значительное для маленькой страны), стекались всевозможные мечтатели, а также разочарованные и уставшие от жизни люди. Большинство ессеев придерживались безбрачия, хотя некоторые и сохраняли семейный образ жизни.

Уверенные в скором явлении Христа, «Сыны света» готовились достойно встретить Его приход. Они не сомневались, что в День Суда всех, кроме них, ждет погибель.

²⁹ Вавилонский Талмуд, Шаббат, 31а. О фарисеях см. приложение 3.

³⁰ Ни одного произведения, вышедшего из саддукейских кругов, не сохранилось. Сведения о них дают Флавий, Талмуд, Новый Завет и др. источники. Материалы эти собраны и проанализированы в кн.: *Скарданицкий Г.* Фарисеи и саддукеи как выразители состояния религиозной жизни иудейства перед явлением Христа. Киев, 1905. Наиболее полное собрание данных см.: Le Moyne J. *Les sadducéens*. Paris, 1972.

³¹ Есеевский орден распался после войны Иудеи с Римом (66–70 гг. н. э.), память о нем была сохранена благодаря свидетельствам античных писателей. Первые подлинные рукописи самих ессеев обнаружили только в 1947 г. в Кумране у Мертвого моря. С тех пор археологи нашли еще сотни новых манускриптов. См. приложение 1, а также кн. «На пороге Нового Завета».

Выпады сектантов против Хасмонейского дома привели к гонениям на Учителя Праведности. Его почитатели говорили, что в наказание за это монархию должна постигнуть суровая кара.

Предсказание ессеев исполнилось через полвека после смерти их вождя. В 63 году до н. э. Палестину заняли войска Помпея. Он присоединил ее к империи и оставил Гиркану II только тень верховной власти. А в 40 году Римский сенат даровал титул царя Иудеи идумейскому военачальнику *Ироду*, который после трехлетней гражданской войны вступил на престол Давида.

Между тем евреи рассеяния продолжали активно усваивать элементы греческой культуры. Наиболее образованные среди них стремились согласовать античную философию с Библией. В этом направлении особенно много сделал *Филон Александрийский*, современник Ирода. Он учил о божественной Силе, которую вслед за мудрецами Эллады называл *Логосом*, Словом.

Тайна Божества, говорил Филон, необъятна и невыразима, но когда Оно проявляет Свое могущество и благодать, то действует через Слово. Словом Суший творит и поддерживает Вселенную, в нем Он открывается смертным. Филоновская идея Логоса как посредника между Творцом и космосом помогла впоследствии излагать Евангелие на языке философов³².

Сближение иудеев с эллинистическим миром привело к тому, что многие язычники заинтересовались их религией. Отрицание идолопоклонства, здоровая нравственность, живое религиозное чувство иудеев принесли им первых новообращенных. Начали наконец сбываться слова пророков о народах, которые придут к Богу истины, добра и справедливости. Кое-где слово «иудей» стало приобретать вероисповедное значение.

Во II и особенно в I веке до н. э. *прозелиты*, то есть люди, перешедшие в иудаизм, в большом числе появлялись в разных частях Римской империи. Некоторые из них обратились под влиянием книг, написанных от лица греческой ясновидящей *Сивиллы*. Это имя было псевдонимом, которым пользовались иудейские миссионеры Египта. Они предрекали миру гибель за то, что он отдал себя во власть истуканов и деспотов. Из уст в уста передавалась весть о том, что из Иудеи выйдет Некто, предназначенный стать властелином народов.

Но между тем в действительности мировое господство все больше сосредоточивалось в руках римлян.

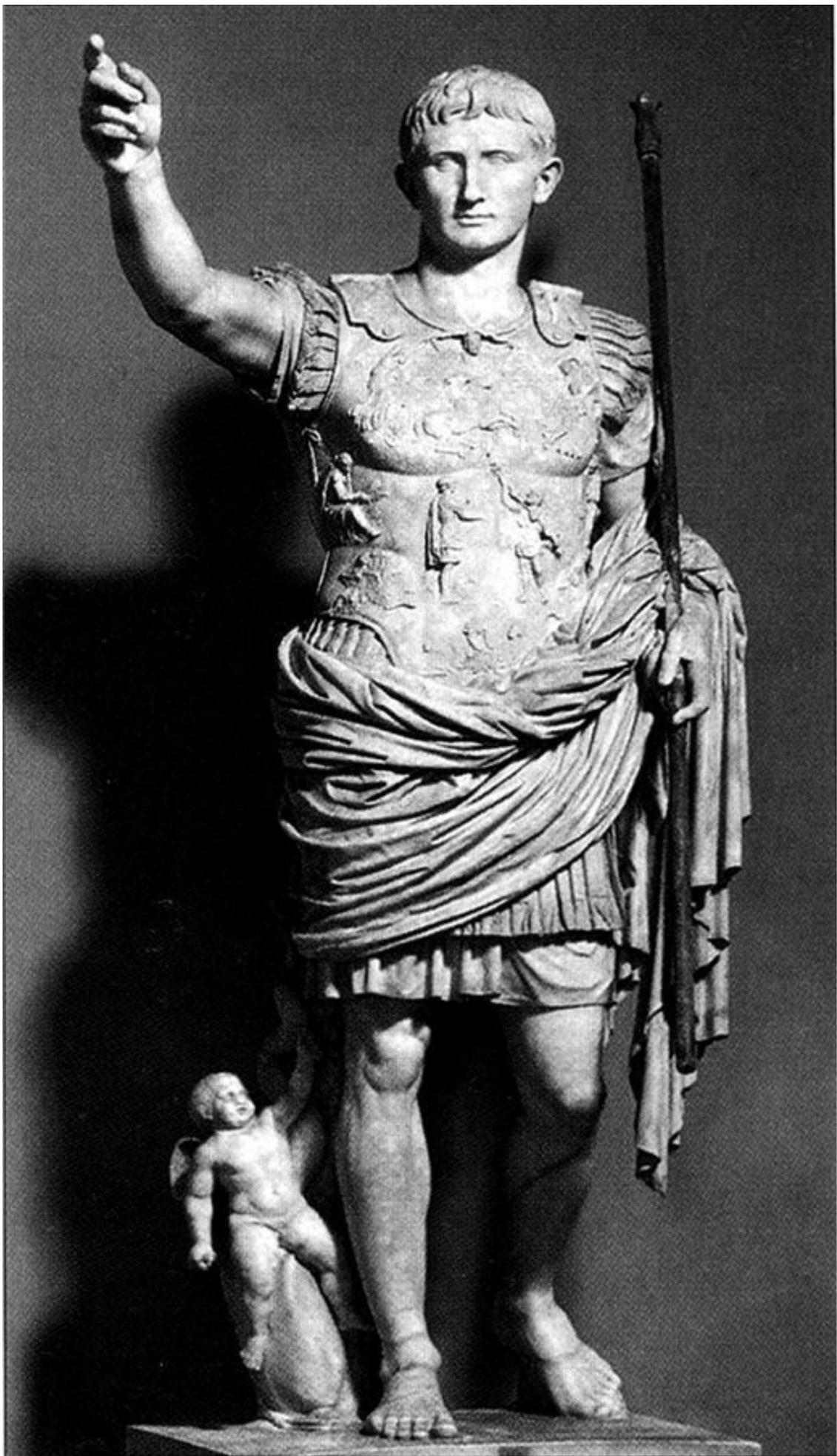
Превращение Рима в империю началось уже около 200 года до н. э. после его победы над главным конкурентом – Карфагеном. Однако при этом военная мощь оказалась пагубной для республиканского строя самой Италии. Слишком много земель приходилось держать в повиновении, слишком влиятельной стала армия, чтобы демократические элементы правления смогли сохраниться. Обещая, принуждая, подкупая, диктаторы незаметно свели к нулю большинство политических свобод. Республика была задушена, и Рим на всех парусах шел к единоличной тирании.

После гражданских войн и кровавого террора 30-х годов до н. э. племянник Юлия Цезаря *Октавиан Август* довольно легко установил самодержавный порядок. По словам Тацита, Август, «именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав народа, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба – толпу, и всех вместе – сладостными благами мира, а затем, набирая мало-помалу силу, начал подменять собой сенат, магистраты и законы»³³.

³² Полное собрание сохранившихся сочинений Филона в греческом подлиннике (с французским переводом и комментариями) опубликовано изд. Cerf. Les oeuvres de Philon d'Alexandrie, v.1–36. Paris, 1961–73. Филон оказал большое влияние на Отцов и Учителей Церкви, особенно на Климента Александрийского, Оригена, св. Василия Великого, св. Григория Нисского. См.: *Иваницкий В.* Филон Александрийский. Киев, 1911, с. 588 сл.

³³ *Тацит.* Анналы, 1,2.

Еще Юлий Цезарь запретил все союзы и организации, даже самые безобидные, режим же Августа возвел постоянный надзор за гражданами в принцип. Разыгрывая демократа, Октавиан бдительно следил за любым возможным очагом недовольства. Этой цели хорошо служила разветвленная сеть шпионов.

Статуя императора Августа

Впрочем, многие полагали, что абсолютизм – вполне умеренная плата за спокойствие, стабильность и длительный международный мир. «Век Августа» называли лучшим периодом Рима, золотым веком его культуры. При Августе Капитолий горделиво вознесся над миром, внушая почтение и страх. Римский орел раскинул крылья от Атлантики до Ближнего Востока и от Британии до африканских берегов. Город на семи холмах превращался в центр, куда «вели все дороги».

Блестящая военная техника, организация и дисциплина завоевали римлянам положение хозяев Средиземноморья. Правительственные чиновники вывозили из покоренных стран несметные богатства. Со всех концов текли они в Рим: рабы, слоновая кость и звери для цирка из Нумидии, мрамор из Греции, хлеб из Египта, стекло и пурпур из Финикии. Коммерческие караваны доставляли ковры, ткани и драгоценности из Вавилона, Аравии, Индии и даже Китая. Столица была перестроена. Говорили, что цезарь принял ее кирпичной, а оставил мраморной.

Превосходные магистрали соединили Рим с окраинами; оживились торговля и контакты между провинциями. Юридическое равенство всех, кто стал «римским гражданином», способствовало сближению народов Востока и Запада. Казалось, мечта философов-стоиков о едином государстве, где каждый человек – гражданин Вселенной, близка была к воплощению.

Неудивительно, что придворные поэты превозносили Августа и не скупились на панегирики. Сам цезарь поощрял льстецов и всеми средствами поддерживал свой авторитет. Для этого исподволь, начиная с восточных провинций, стал создаваться культ императора. Вскоре по всей державе уже действовали храмы Августа; ему пелись славословия, его провозглашали «отцом отечества», «сотером» – спасителем наций.

Зрелище поднимающейся империи с человекобогом во главе поражало современников. Заговорили уже о «нерушимом царстве», установленном на века. Однако покоренные народы не хотели мириться с этой перспективой. В конце правления Августа начались волнения во многих провинциях, где на Рим смотрели как на поработителя. Иудеи верили, что этот апокалиптический Зверь падет от меча Мессии.

Завоевания не избавили Рим от тяжелых внутренних конфликтов. Земельные владения и финансы все больше сосредоточивались в руках олигархии. Разоренные крестьяне Италии толпами шли в Рим, где кормились случайными заработками и подачками правительства. Долгие войны буквально наводнили столицу рабами (их там было около миллиона). Рабы много раз поднимали восстания, пытаясь вернуться в родные края, но эти попытки неизменно кончались расправами. Так, после разгрома гладиаторов Спартака шесть тысяч непокорных были распяты вдоль дороги от Капуи до Рима.

Не менее глубоким был и духовный кризис. Древние верования и мифы у многих стали вызывать насмешку. Религия теряла свое значение, превращаясь в составную часть гражданских обязанностей. Еще Цицерон говорил, что официальный культ нужен только для соблюдения порядка в массах.

Находились и люди, которые готовы были идти куда дальше. Поэт Лукреций видел в религии просто вредное заблуждение. В своей книге «О природе вещей» он воскрешал *материализм* старых греческих философов Демокрита и Эпикура. Согласно их доктрине, Вселенная есть не что иное, как случайное образование, порожденное пляской атомов. Рано или поздно ее ждет гибель. Лукреций уже видел повсюду симптомы мировой осени, предвещавшей конец и распад мира. Подобные идеи широко распространились не только на Западе, но также в Индии и Китае.

Однако сама природа человеческого духа не позволяла ему слишком легко примириться с бессмыслицей. Даже разуверившись во всем, люди не хотели признать жизнь случайным всплеском материи, вслед за которым наступает тьма.

Поэтому, познакомившись с религиями Востока, римляне жадно потянулись к ним. Началось подлинное завоевание Запада чужеземными культурами. Египетской Исиде стали молиться от Британии до Балкан, в Риме сооружались иудейские синагоги, храмы фригийской богине-матери Кибеле, персидскому богу Митре. Уличные проповедники возвещали истины, принесенные с берегов Ганга, из Парфии и Средней Азии. Возродились греческие мистерии, которые сулили их участникам бессмертие и познание высших миров. Оккультные учения, астрология, магия и ворожба находили последователей во всех классах общества. Погоня за чудесным вызвала рост суеверий и шарлатанства.

Видя это, люди, скептически настроенные, готовы были вообще отказаться от надежды разгадать смысл жизни. По их мнению, на вопрос «что есть истина?» ответа не существует. Словом, разброд в умах был полный. Мистические искания и бездуховность, жажда чистоты и нравственное разложение могли встретиться в одной семье. Нередко отец замыкался в стоическом презрении к суете мира, мать ходила на ночные радения сектантов, а сын изобретал новые виды удовольствий и острых ощущений.

Человек стоял на распутье и со всех сторон слышал призывные голоса: будь равнодушен к печалям и радостям жизни, погрузись в спокойное созерцание – говорили буддисты и стоики; живи согласно природе, как все существа, – учили киники и эпикурейцы; счастье в знании и размышлении – возражали им философы-естествоиспытатели; очищай себя тайными обрядами и обретешь бессмертие – уверяли наставники мистерий; храни верность единому Богу и соблюдай Его закон – возвещала религия Израиля; а римский орел, высматривая добычу, парил над этим водоворотом духа, где, как в первозданном хаосе, смешались противоборствующие начала.

Время от времени оживала надежда, что появится тот, кто выведет мир из лабиринта. Поэт Вергилий предсказывал рождение младенца, с которого начнется новая Сатурнова эра. Буддисты ждали Будду Майтрею, индуисты – очередное воплощение бога Вишну, персы – Спасителя-Саошианта, иудеи – Мессию...

В Палестине с каждым годом сгущалась атмосфера мистических чаяний. Надеялись, что вот-вот явится с неба пророк Илия и совершит помазание над Посланником Божиим. Многие думали, что Он будет великим воином, который сокрушит языческие царства. Другие же верили в конечное торжество добра над злом, света над мраком, бессмертия над смертью, верили, что «*Бог посетит народ Свой*»³⁴.

Наконец, когда все, казалось, было уже испытано и исчерпано, над темным горизонтом истории зажглась утренняя заря. В двадцатый год правления Августа в маленьком селении Назарет галилейская Дева услышала весть: «Ты родишь Сына и наречешь Ему имя ИИСУС. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца».

³⁴ Лк 1,68.

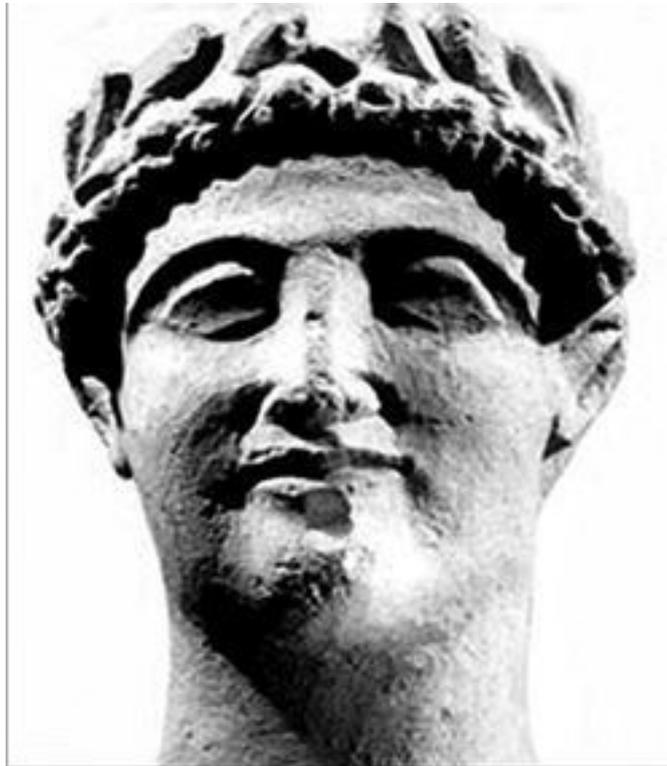
Рождество Христово

Часть первая От Вифлеема до Капернаума

Поклонение пастухов

Глава первая «Во дни царя Ирода» 4 г. до н.э

Перенесемся теперь мысленно в Иудею последних месяцев Иродова правления.

Жители Иерусалима, привыкшие, что их город часто посещают пилигримы из дальних стран, вероятно, не обратили внимания на караван чужеземцев, который двигался по его улицам зимой 750 года от основания Рима. Но вскоре о них заговорили, так как стало известно, что путешественники разыскивают царя Иудеи, причем вовсе не Ирода, а другого, недавно родившегося. «Мы видели восхождение его звезды и пришли поклониться Ему», – объясняли они. Оказалось, что это были восточные маги, обнаружившие в небе знак великого Властелина³⁵. То, что разыскивать Его они пришли в Иерусалим, удивить никого не могло. Все слышали пророчества о таинственном Человеке из Иудеи, Которому надлежало покорить мир³⁶.

«Где родившийся Царь Иудейский?» – спрашивали волхвы, но вместо ответа испуганные люди торопились пройти мимо. Нужно было хоть немного знать о положении дел в Иерусалиме тех лет, чтобы понять, насколько вызывающим и неосторожным казался сам этот вопрос. Но путники, ехавшие издалека, едва ли догадывались о своей оплошности. Вероятно, они пребывали в полном неведении относительно всего, что творилось в Иудее при Ироде.

³⁵ Мф 2,1 сл. Относительно «звезды волхвов» существуют следующие мнения: 1) это был сверхъестественный феномен, 2) комета, 3) так наз. «сверхновая» звезда, о появлении которой сообщали в те годы китайские астрономы; 4) волхвы увидели вещий знак в сближении «царских» планет Юпитера и Сатурна, которое имело место за 7 лет до н. э. Последняя гипотеза, впервые выдвинутая в XVII в. астрономом И.Кеплером, до сих пор остается наиболее популярной. Некоторые экзегеты считают весь рассказ о волхвах аллегорией, призванной показать участие язычников в рождественских событиях. Но бесспорных аргументов у сторонников этого взгляда нет. В греческом тексте Евангелия волхвы названы *магами* (mágoi). Таково было наименование жрецов иранского культа. При Ироде существовали частые контакты между Иудеей и Парфией, которая в ту эпоху владела Ираном. См.: *И. Флавий*. Древн. XVII, 2,1.

³⁶ См.: *Тацит*. История, V,13; *Светоний*. Веспасиан, 4; *И. Флавий*. Иудейская война, VI, 5,4.

Жизнь этого монарха, прозванного льстецами Великим, могла бы дать сюжет для нескольких трагедий в духе «Макбета». Захватив власть при поддержке римлян и против воли народа, он тщетно пытался завоевать популярность. За тридцать три года его царствования, внешне блестящего, враждебность к Ироду только увеличилась³⁷.

Человек жестокий и честолюбивый, постоянно терзаемый страстями, Ирод был далек от религиозных проблем, которые волновали тогда иудеев. Дворцовые интриги и женщины, войны и строительство поглощали его целиком. При нем страна вновь получила автономию. Ирод покрыл ее десятками крепостей и воздвиг в городах множество зданий в западном стиле. Он с одинаковым усердием занимался сооружением театров, ипподромов, святилищ в честь своего покровителя Августа и ремонтом иерусалимского Храма. Правда, последний был предметом особенных забот царя. В своем тщеславии Ирод хотел затмить древнего Соломона. Он гордился Храмом, в который вложил огромные средства и который превратил в одно из чудес света. Однако даже этим он не мог завоевать доверия подданных.

Отец Ирода был идумейским сановником, а мать – арабского происхождения, поэтому законных прав на корону он не имел. Как все узурпаторы, царь страдал болезненной мнительностью, и ему всюду мерещилась измена. Хасмонеи, потомки свергнутой им династии, вызывали наибольшие опасения Ирода; поэтому он использовал любой повод, чтобы избавиться от них.

Роковую роль в судьбе царя сыграло то обстоятельство, что его жена Мариамна (кажется, единственное существо, которое он искренне любил) была княжной хасмонеяского рода. В этой гордой и смелой красавице жил дух воинов, боровшихся за независимость страны. Она не умела скрывать своего презрения к мужу, а ее мать Александра, часто вмешиваясь в их жизнь, возбуждала тревогу и без того подозрительного Ирода.

Когда Александра, используя влияние египетской царицы Клеопатры, добилась для своего семнадцатилетнего сына звания первосвященника, она невольно толкнула его на гибель. Ирод заметил, что юноша стал пользоваться любовью в Иерусалиме, и не мог этого стерпеть. В 35 году до н. э. во время праздников брата Мариамны утопили ночью на глазах у царя. Его конец был представлен как несчастный случай, но сестра и мать прекрасно понимали, что произошло в действительности.

В 30 году положение Ирода было прочным как никогда. После Актийской битвы, которая принесла Октавиану полноту власти, царь Иудеи получил надежный политический ориентир. Доверие и поддержка Августа обеспечивали незыблемость его трона. Но чем удачнее шли дипломатические дела Ирода, тем невыносимей становилась жизнь в его собственном доме.

К 29 году семейная драма достигла катастрофической точки. Ненависть Мариамны стала столь явной, что царь заподозрил и ее в причастности к заговору. Однажды, подстрекаемый родственниками, Ирод в припадке ярости вынес приговор той, что была ему дороже всего. Послушные судьи быстро согласились с волей царя.

На казнь Мариамна шла, не прося пощады, и держалась с удивительным достоинством. Мать же в страхе за свою участь публично поносила ее. Эта сцена повергла в содрогание всех свидетелей последних минут царицы.

Ирод с трудом пережил роковой день. Когда все было кончено, он почти лишился рассудка. Его преследовал образ убитой, он без конца звал Мариамну по имени, кричал, чтобы ее привели к нему, напивался до бесчувствия, проводил ночи в оргиях, устраивал бешеные скачки, но призраки не оставляли его. Здоровье царя было настолько подорвано, что, казалось, он на пороге смерти.

Тем не менее Ирод поправился и с удвоенной энергией продолжал вакханалию убийств. Он казнил Александру, казнил мужа своей сестры и многих других близких и царедворцев.

³⁷ Основные данные о жизни Ирода содержатся в кн.: *И. Флавий*. Древн. XIV–XVII и Иудейская война, кн. I.

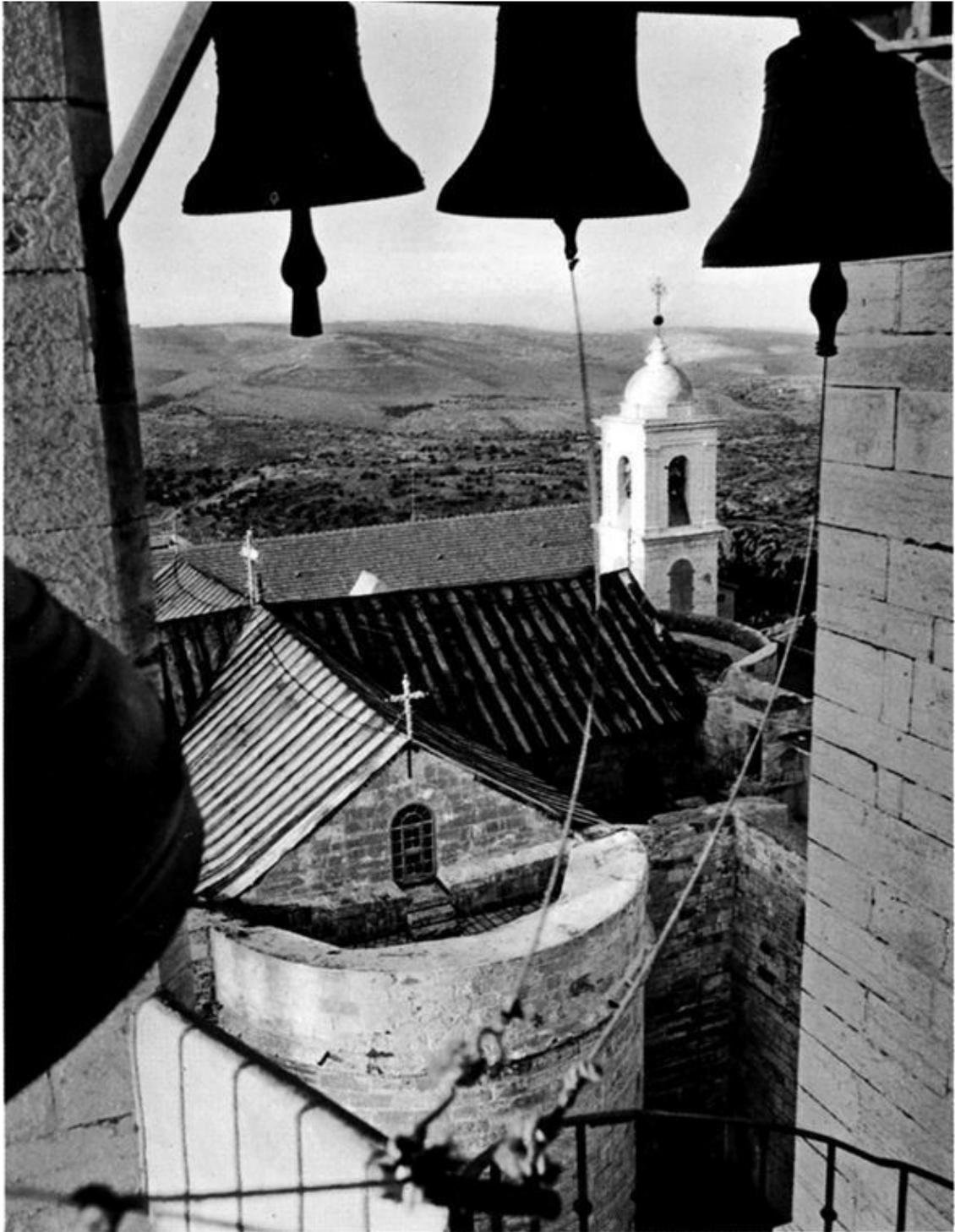
Сыновей от Мариамны, Александра и Аристула, прибывших из Рима после долгой отлучки, Ирод сначала принял радушно, но вскоре и они вызвали у него недоверие. Фальшивые письма, доносы, показания, вырванные под пытками у слуг, – все было пущено в ход в отвратительной игре, которая кончилась тем, что обоих князей повесили в Самарии.

Последние годы жизни Ирода были особенно мрачными. Хотя партия «иродиан» видела в нем идеального монарха, чуть ли не Мессию, он знал, что ненависть народа к нему только возросла. Эти настроения поддерживались в стране фарисеями, которые бойкотировали любые начинания царя. Многие из них были казнены за то, что предсказывали скорый закат преступного правления.

Легко вообразить, в какое смятение пришел семидесятилетний царь, когда узнал, что какие-то восточные послы расспрашивают в городе о «родившемся Царе Иудейском». Кто этот очередной претендент на престол? Какие силы стоят за ним?.. Самым неприятным в известии было для Ирода то, что он впервые слышал об этом очередном заговоре.

Встретившись с чужестранцами, Ирод выяснил, что речь, по-видимому, идет о Ребенке, Которого считают будущим Мессией. С такого рода посягательствами на свою власть царь не раз имел дело и понимал, что здесь нужны быстрота и решительность. Он стал выяснять у священников, где ожидалось рождение Мессии, и когда ему назвали Вифлеем, послал туда волхвов, прося их сообщить подробные сведения о новоявленном Царе Иудейском. Меньше всего Ирода заботило исполнение библейских пророчеств. Помутившийся разум старика строил планы новой расправы.

Вифлеем был расположен недалеко от столицы. Когда чужеземцы прибыли в городок, там уже давно знали о таинственном Младенце, родившемся в укрытии для овец. Местные пастухи – первые, кто видел Его, – рассказывали о необыкновенных знамениях, которые привели их в пещеру.

Вифлеем

Плотник Иосиф и Мария, родители Младенца, были выходцами из Галилеи; они появились в Вифлееме года полтора назад во время переписи, проводившейся в связи с присягой Августу³⁸.

³⁸ Лк 21,2. Иосиф Флавий указывает на 6000 фарисеев, которые отказались присягать Августу в последние годы правления Ирода (Древн. XVII,2,3). Следовательно, в это время производилась какая-то перепись населения под контролем римлян. Ее и мог иметь в виду ев. Лука. Относительно способа переписи, указанного им, см. выше, с. 349. Лк говорит, что Рождество совпало с правлением Квириния в Сирии. Квириний был легатом Сирии в первые годы н. э.; однако надписи из Тиволи и Антиохии Писидийской свидетельствуют, что он контролировал Сирию также и за несколько лет до н. э. Ввиду отсутствия

Рассказывали, что когда Мать пришла с Младенцем в Иерусалим для выполнения очистительных обрядов и посвящения первенца, Ее Сыну предсказали великое будущее. Прозорливый старец Симеон, взяв из рук юной Матери Дитя, принес благодарение Богу и сказал, что теперь может умереть спокойно, ибо видел Спасение, которое Бог «уготовал для просвещения язычников и славы Израиля». Праведник благословил изумленных родителей и добавил, обращаясь к Марии: «Вот Он лежит на падение и на восстание многих в Израиле и в знамение пререкаемое, Тебе же самой душу пройдет меч»³⁹.

Об этом пророчестве услышали многие, находившиеся в Храме. Те, кто ожидал «утешения Израилева», передавали его из уст в уста. Дошло оно, конечно, и до Вифлеема. Поэтому волхвы без труда смогли отыскать Иосифа и Марию. Войдя в их дом, они сложили у ног Ребенка свои дары и, поклонившись Ему, удалились...

Ирод безрезультатно ждал вестей: маги предпочли идти на родину другим путем, минуя Иерусалим.

Убедившись, что его план не удался, царь решил разом покончить с предполагаемой опасностью. В Вифлееме был направлен отряд солдат с распоряжением умертвить там всех младенцев моложе двух лет.

В какой степени приказ был выполнен, неизвестно. Ирод несомненно давал его в глубокой тайне. Даже Иосиф Флавий, писавший о тех временах, не упоминает о вифлеемской трагедии. Впрочем, в его глазах она была слишком незначительной в сравнении с бесчисленными зверствами Ирода.

Как бы то ни было, Тот, Кого искали убийцы, был уже далеко от города. Галилейская семья скрылась вскоре после ухода волхвов. Иосиф знал, что разумнее совсем покинуть пределы Иродовых владений, и отправился в Египет – один из ближайших центров, где жили евреи «рассеяния».

Таким образом, мы видим, что с первых же дней мир встретил Мессию ненавистью и угрозами. Но это был не весь мир. Те, кто верил и ждал, кто был чист сердцем и полон надежд, встретили Христа иначе. Вифлеемские пастухи, старец Симеон и восточные мудрецы признали в Нем грядущего Царя.

Весной того же года тяжкая болезнь приковала Ирода к постели. Его продолжали мучить страхи, он то и дело выслушивал доноскиков, несколько раз менял завещание. Царю не давала покоя мысль, что народ с нетерпением ждет его конца. Узнав, что какие-то юноши, подстрекаемые раввинами, разбили на Храме золоченого орла – эмблему Рима, он велел их немедленно арестовать и судить со всей строгостью. Невзирая на недуг, Ирод нашел в себе силы даже присутствовать на процессе. Обвиняемых приговорили к сожжению на костре, что вызвало бурю негодования в Иерусалиме.

Умиравшего царя увезли в Иерихон, где пытались лечить водами. Был момент, когда боли чуть не привели Ирода к самоубийству; его едва успели спасти. Шум и крики челяди

в древнем мире общего календаря точная дата Рождества не была известна. В VI в. монах Дионисий Малый сделал расчеты, согласно которым Рождество приходилось на 754 г. от основания Рима. Эта дата и принята для установления «новой эры». Однако дальнейшие исследования показали, что Дионисий ошибся на несколько лет. Согласно Мф 2,1; Лк 1,5 Иисус родился незадолго до смерти Ирода Великого. Между тем астрономические вычисления показали, что затмение луны, имевшее место перед смертью этого царя, произошло в марте 4 г. до н. э. В Ин 2,20 противники Иисуса говорят Ему, что Храм строился 46 лет. Начало же его перестройки относится к 20 г. до н. э. Следовательно, эти слова могли быть сказаны не ранее 26–27 гг. н. э. Лк 3,23 говорит, что в это время Иисусу было «лет тридцать», а император Тиберий правил уже 15 лет (3,1). Согласно восточному счету, 15-й год Тиберия падал на промежуток между осенью 27 г. и осенью 28 г. По Лк 3,2 в 15-й год Тиберия тетрархом Авилы, или Авилинеи, был Лисаний. Этого правителя Штраус и другие критики спутали с другим Лисанием, современником Ирода Великого. Лк же имеет в виду Лисания, правившего при Тиберии (см.: *И. Флавий*. Древн. XIX,5,1). Надпись, найденная Р.Пококком, свидетельствует, что он был тетрархом между 14 и 29 годами. Все эти косвенные данные приводят историков к выводу, что Иисус родился ок. 7–6 г. до н. э.

³⁹ Лк 2,22 сл. Слова «падение и восстание» указывают на тех, кто примет или отвергнет Мессию. «Знамение пререкаемое» означает чудо, явление, которое вызовет пререкания и споры.

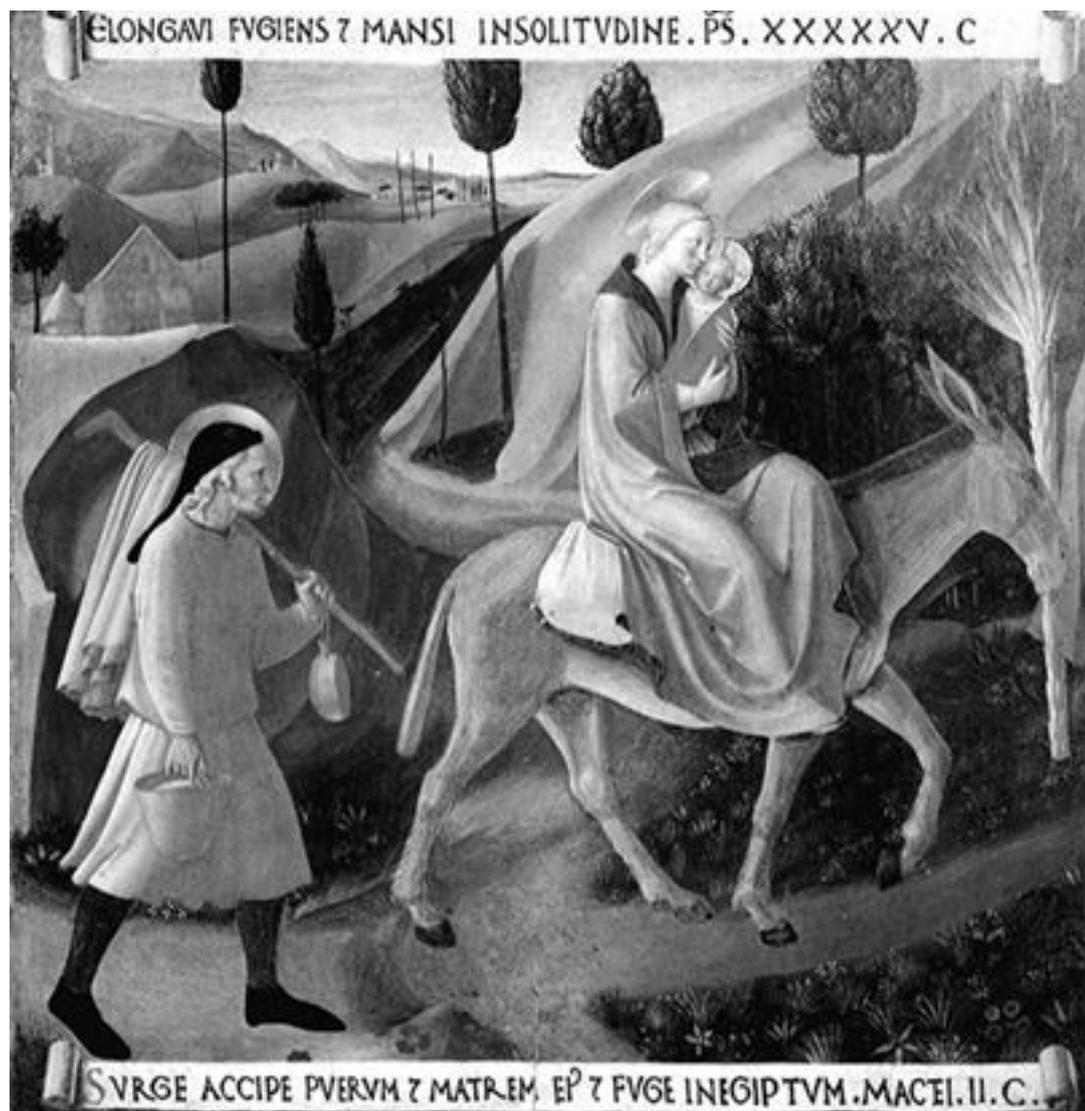
донесли до старшего сына царя, находившегося под стражей, тот решил, что отец скончался, и просил тюремщика освободить его. Но стражник донес об этом Ироду, и тот в ярости отдал приказ немедленно умертвить князя. А через пять дней смерть настигла и самого монарха.

Агония его была ужасна, он сыпал проклятиями, бредил новыми казнями. Говорят, будто он велел перерезать группу знатных заложников, чтобы хоть таким образом лишить народ радости и заставить его проливать слезы. День смерти Ирода стал впоследствии национальным праздником евреев.

Семья царя устроила ему пышные похороны. Облаченное в пурпур тело несли на золотых носилках. За ними в сопровождении гвардейцев шли его сыновья: Архелай, Антипа, Филипп и другие, родившиеся от многочисленных жен Ирода. Но не успели смолкнуть вопли наемных плакальщиц, как началась борьба за власть между наследниками⁴⁰. По завещанию Иорданская область и Галилея отходили к Антипе, земли к северу от них – Филиппу, а иерусалимский трон, Иудея и Самария – Архелаю. Однако для утверждения раздела нужно было ехать в Рим. Перед отбытием царской семьи в городе вспыхнули беспорядки; народ требовал наказать соучастников преступлений Ирода. Архелай отверг все петиции и уехал, поручив Иерусалим римскому командованию, которое жестоко расправилось с восставшими. Тем не менее страна продолжала бурлить, а к императору отправились делегаты с просьбой о полном устранении ненавистой династии.

Август одобрил завещание Ирода. Каждый из трех его сыновей получил свою долю наследства. Но Архелай, вопреки его ожиданиям, вернулся домой без царского титула. Цезарь дал ему только звание «этнарха», правителя народа, хотя при этом обещал, что сделает его царем позднее, если он докажет свою лояльность сенату.

⁴⁰ И. Флавий. Древн. XVII, 7-13.

Глава вторая

Назарет

3 г. до н. э. – 27 г. н.э

Когда известие о смерти Ирода достигло Египта, плотник Иосиф, надеясь, что опасность миновала, стал собираться на родину. Но он боялся преследований со стороны Архелая и не вернулся в Вифлеем. Он предпочел переселиться на Север, в небольшой городок *Назарет*, где еще прежде жил с Марией.

В те времена Галилея была густонаселенной областью, а географическое положение делало ее открытой всем ветрам мира. «Тут были вблизи Финикия, Сирия, Аравия, Вавилон и Египет. Острова язычников и все славные страны Европы были почти видны за блестящими водами Западного моря. Знамена Рима развевались на равнине... Фараоны и Птолемеи, эмиры и арсакиды, судьи и консулы – все боролись за обладание этой прекрасной областью. Здесь блестели копья амаликитян, тряслась земля под колесницами Сезостриса, по ней шли македонские фаланги, здесь слышались удары широких римских мечей, здесь предназначено было раздаваться крикам крестоносцев, греметь артиллерии Англии и Франции. Казалось, что на этой равнине Изреэль приходили в столкновение Европа и Азия, иудейство и язычество, варварство и цивилизация, Ветхий и Новый Завет, история прошлого и надежды будущего»⁴¹.

⁴¹ Фаррар Ф. Жизнь Иисуса Христа, ч. 1–2 8-е изд. СПб., 1900, с.120.

Добрый пастырь

Впрочем, сам Назарет стоял в стороне от этих больших исторических дорог, в евангельскую эпоху он считался захолустным селением. Сложилась даже поговорка: «Может ли быть что доброе из Назарета?» И словно для того, чтобы опровергнуть все человеческие оценки, именно этот бедный поселок стал «отечеством» Христа; в нем прошла большая часть Его жизни. Почти тридцать лет Он ходил по его каменистым улицам и поднимался тропинками на окрестные холмы. Немногие знали о действительном месте Его рождения, но даже те, кто слышал об этом, называли Его *ха-Ноури*, Назарянином.

Если бы мы могли очутиться в Назарете тех лет, то увидели бы около сотни белых домов с плоскими крышами, разбросанных на горе, обрамленной виноградниками и оливковыми рощами. С пологих возвышенностей открывается живописная панорама, на которой, вероятно, не раз покоился взор Иисуса: голубые цепи гор, зеленые долины, засеянные поля.

Многое изменилось с тех пор, но природа Галилеи осталась почти такой же, как две тысячи лет назад. Путешественники в один голос утверждают, что Назарет и его окрестности – неповторимый уголок Святой земли, его называют «горной розой» и «земным раем». Воздух высот чист и прозрачен. После зимних дождей назаретские склоны превращаются в сад; их покрывают разнообразные цветы самых нежных оттенков: лилии, горные тюльпаны, анемоны. Иисус любил цветы. Он говорил, что с ними нельзя сравнить даже украшения царя Соломона.

Весной поля Назарета оглашают трели жаворонков, далеко разносится воркование голубок, в густой синеве неба проплывают стаи розовых пеликанов. Птицы, как и цветы, стали в речах Христовых образом души, возложившей свое упование на Бога. Он приводил их в пример суетным и многозаботливым людям.

Галилеяне – здоровые, сильные, непосредственные люди – в большинстве своем занимались сельским хозяйством. Они выращивали виноград, смоковницы, оливковые деревья, пасли на лугах коз и овец, обрабатывали поля. По утрам назаретские женщины шли с кувшинами к роднику, который и поныне снабжает округу водой. К нему же ходила Дева Мария. Колодец и сейчас носит Ее имя.

Как жила Она в Назарете? Как жил Иисус? Апокрифические легенды рассказывают об этих годах множество подробностей. Но мы не можем считать их достоверными, хотя бы уже потому, что они находятся в резком противоречии с евангельским духом⁴². Матфей же и Лука, касаясь этого периода жизни Христа, предпочли сдержанный лаконизм и говорили лишь о том, что им было хорошо известно.

Только два факта, сообщаемых апокрифами, кажутся заслуживающими доверия. Они утверждают, что Иосиф умер, когда Иисусу было девятнадцать лет⁴³. Легенды же обычно склонны приводить символические числа⁴⁴. Иисуса во время Его общественного служения называли «Сыном Марии», а это значит, что Иосифа уже не было в живых. Согласно другому сказанию, Иисус, будучи подростком, пас овец⁴⁵. Интонации, которыми проникнуты Его притчи о пастухах, косвенно подтверждают это. Во всяком случае, назаретский Отрок постоянно видел людей, заботливо охраняющих свои стада.

Видел Он и виноградарей, подвязывающих лозы, сеятелей на весенних полях, жнецов с серпами, срезающих колосья. Позднее все эти картины послужили образами для Его притч. Они переносят нас в мир тихого галилейского селения, который с юных лет окружал Иисуса.

⁴² Эти легенды изобилуют историческими анахронизмами и ошибками, которые сразу же выдают подделку; в них описаны нелепые, а порой и жестокие чудеса, якобы совершенные Отроком Иисусом.

⁴³ Книга Иосифа Плотника, XIV.

⁴⁴ К их разряду относились 3, 7, 12, 40.

⁴⁵ *Иустин Гностик*. – У св. Ипполита. О философских умозрениях, XV, 26.

По субботам семья Иосифа приходила в назаретский молитвенный дом, синагогу, где народ слушал Св. Писание и беседы наставников. Чтец произносил славословия, а все присутствующие вторили ему. Иисус любил эти выражения искренней веры, и позднее в Его проповеди не раз прозвучат отголоски молитв, слышанных Им в Назарете с юных лет⁴⁶.

Но было бы неверно рисовать жизнь Галилеи в виде безмятежной идиллии. И там кипели страсти, и там мечтали о свободе. Народ находился под двойным и даже тройным гнетом: мытари выколачивали из него имперские подати, Иерусалим брал свою десятину, а местные землевладельцы притесняли крестьян. Люди, однако, верили, что рано или поздно восторжествует справедливость. Книги пророков, которые читали в синагогах, и апокалиптические писания, ходившие по рукам, вселяли надежду на скорый конец старого мира.

Когда умер Ирод, по Галилее прокатилось восстание. Его возглавил Иуда Гавлонит, предводитель партии *зелотов*, «ревнителей». Анархисты религиозного толка, Иуда и его единомышленник фарисей Садок отвергали любую власть над народом Божиим, кроме власти Самого Творца.

Толпы отчаянных галилеян, воодушевленных теократической идеей, образовали целую армию и с боем взяли город Сепфорис, где находился арсенал. Легионерам Квинтилия Вара с трудом удалось подавить мятеж. Сотни повстанцев были распяты на крестах.

В 6 году Архелай, который унаследовал пороки, но не государственные таланты Ирода, был смещен и отправлен в ссылку. Управлять его землями стал первосвященник Иерусалима, а общий контроль над областью был передан прокуратору Копонию. Как и при Помпее, ее включили в состав сирийской провинции Рима. Антипа и Филипп, хотя и сохранили марионеточную власть тетрархов, оказались в еще большей зависимости от империи.

Сразу же после низложения Архелая губернатор Сирии Квирий начал перепись населения по всей Палестине с целью установить размеры подати. Иуда Гавлонит, воспользовавшись этим, снова поднял Галилею против римлян, но скоро был убит в сражении. Его гибель не смогла, однако, угасить дух воинственного мессианизма. Правитель Галилеи Ирод Антипа, человек, больше всего на свете ценивший свой покой, терял его очень часто. Каждый раз, когда появлялся новый вождь, звавший народ к оружию, галилеяне немедленно устремлялись за ним, уповая, что в критический момент с неба сойдут ангелы и вместе с ними сокрушат римского орла. «Этих бойцов, – пишет Флавий, – никогда нельзя было упрекнуть в недостатке мужества»⁴⁷. Недаром шестьдесят лет спустя, когда армия Веспасиана шла через Галилею, ей приходилось брать штурмом почти каждую деревню.

В доме Иисуса должны были знать о восстании Иуды, так как Сепфорис находился вблизи Назарета. Быть может, там появлялись некоторые из партизан, и Сын Марии видел их. Сам Он тоже будет говорить о свободе и владычестве Божиим, но между Ним и людьми, избравшими путь насилия, проляжет пропасть. В Назарете готовился духовный переворот, смысл которого останется непонятным зелотам.

Авторы апокрифов не скупались на описание чудес, которыми в детстве якобы поражал всех Иисус. Но из Евангелий видно, что в то время Он ничем не обнаруживал превосходства над другими людьми и, напротив, как бы скрывал от посторонних Свою тайну. Лишь один раз Он дал понять родителям, что принадлежит не им, а иному, высшему миру. Это случилось в пасхальные дни, вероятно, незадолго до галилейского восстания.

⁴⁶ Некоторые синагогальные молитвы приведены в т.1 русского пер. Мишны, с.39 сл.; см. также: *Гейки К.* Жизнь и учение Христа. Пер. с англ. Т.1, М., 1983-94, 224 сл. и *Aron R.* Les années obscures de Jésus. Paris, 1960.

⁴⁷ *И. Флавий.* Иудейская война, III, 3,2; о зелотах см.: *И. Флавий.* Древн. XIV, 9,2; XVIII,1,1; Иудейская война, I,10,5; II,8,1.

Как и все набожные иудеи, Иосиф каждый год ходил в Иерусалим на праздник. Женщинам паломничество в обязанность не вменялось, но Мария, любившая Храм, всегда посещала святой город. Когда Ее Сын достиг церковного совершеннолетия, Она взяла Его с Собой.

В те дни по дорогам, ведущим к столице, тянулись пестрые вереницы людей, а над долинами звучало пение псалмов. В Иерусалим прибывали тысячи богомольцев, стража с трудом поддерживала порядок. Площадь перед Храмом была запружена толпами народа, непрестанно приносились жертвы, а вечером семьи собирались в домах для праздничной трапезы.

По окончании торжеств Иосиф и Мария отправились в обратный путь. Они шли вместе с родными и соседями, и поэтому первое время их не тревожило, что Иисуса нет с ними. Когда же они поняли, что Он остался в городе, то, охваченные смятением, поспешили в Иерусалим. Время было беспокойное, и сердце Марии сжималось от страха.

В переполненном городе Сына было найти нелегко. Иосиф и Мария долго ходили по улицам, пока не пришли в одну из галерей, окружавших Храм. Там обычно проводили время в богословских беседах и толковании Закона раввины и книжники. Среди них Мать и увидела Иисуса. Он сидел, слушая речи ученых и задавая им вопросы. Знатоки Писания изумлялись «разуму и ответам» безвестного галилейского Отрока, не учившегося в их школах...

– Дитя Мое, – воскликнула Мария, – почему Ты с нами так поступил? Вот отец Твой и Я с болью Тебя ищем.

– Что же вы искали Меня? – ответил Иисус. – Не знали вы, что Мне надлежит быть во владениях Отца Моего?

Казалось, внезапно Он стал далеким и загадочным, и Его слова вызвали у родителей замешательство. Они не поняли, что Он имеет в виду. Однако Иисус тут же поднялся и последовал за ними. Единственный раз неземной луч сверкнул из-за облака и скрылся. Он снова – обыкновенное Дитя, подобное прочим детям.

После происшествия в Иерусалиме Иисус, по словам евангелиста, жил «в повиновении» у родителей, «преуспевая в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей». Мария же «сохранила в сердце Своем» этот первый знак исполняющегося пророчества⁴⁸.

Иисус не учился в богословской школе, как Его сверстники, имевшие религиозное призвание. Он стал плотником и каменщиком и после смерти Иосифа кормил Мать трудами Своих рук⁴⁹.

Евангелист Лука говорит, что окружающие любили Иисуса; но для них Он был лишь сельским юношей, хотя, быть может, несколько странным, часто погруженным в какие-то Свои, никому не ведомые думы. Зная Его близко, сталкиваясь с Иисусом почти каждый день, жители Назарета не замечали в Нем ничего сверхъестественного. Когда Он начал проповедовать Царство Божие, это застало их врасплох и повергло в искреннее удивление. По-видимому, среди земляков у Него не было доверенных друзей. Никто из них, кроме двух-трех женщин, не последовал за Иисусом.

Неверие назарян изумляло Самого Христа⁵⁰. По Его словам, они подтвердили пословицу: «Нет пророка в своем отечестве».

У Марии и Ее Сына было в городке много родных: сестра Марии с семьей, двоюродные братья и сестры Иисуса⁵¹. Однако и эти люди в большинстве своем остались духовно далеки от

⁴⁸ Лк 2,41–52. Поясняя слова «преуспевал в премудрости и возрасте», св. Иустин говорит, что Иисус «рос, как растут все люди, отдавая должное каждому возрасту» (св. *Иустин*. Диалог с Трифоном Иудеем, 88).

⁴⁹ Слово *τέκτων* означает одновременно плотника и каменщика. Ср. обилие образов, заимствованных из труда строителя, в речах и притчах Христовых (Мф 7,26; 16,18; 21,42; Лк 6,48; 14,28; Ин 2,19).

⁵⁰ Мк 6,6.

⁵¹ Уже одно то, что перед смертью Иисус поручил Свою Мать ученику (Ин 19,25–27), свидетельствует, что Он был Ее единственным сыном (см.: Hilarius Pictaviensis, In Matt., IX, 92). Остается неясным, кто были Иаков, Иосия, Симон и Иуда,

Него. Их тесный мир ограничивался своей улицей, домом, работой. Позднее, узнав о проповеди и делах Иисуса в Капернауме, братья Его были встревожены и решили, что Он обезумел.

Душевное одиночество Иисуса отражают и не записанные в Евангелии Его слова: «Те, кто рядом со Мной, Меня не поняли»⁵². Единственным близким существом оставалась только Мать.

Евангелисты мало говорят о Ней; но даже если бы они не сказали о Марии ни единого слова, это не умалило бы величия Матери Мессии. Он рос у Нее на глазах, Она давала Ему первые материнские уроки, Она была единственной свидетельницей совершавшегося в Нем чуда.

Марии было открыто, что Ее Сын – Помазанник Господень, но нам сейчас трудно понять, как много нужно было духовных сил, чтобы сохранить веру в это; ведь мы смотрим в другой перспективе. Если же представить себе будничную назаретскую жизнь, то можно догадаться, что между Благовещением и Воскресением Мария прошла долгий путь испытаний.

Франсуа Мориак, тонкий знаток человеческой души, сделал попытку увидеть этот путь. «Ребенок становился юношей, взрослым человеком. Он не был велик, Его не называли Сыном Всевышнего; у Него не было престола, но лишь табуретка у огня в бедной хижине. Мать могла бы усомниться, но вот свидетельство Луки: „Мария сохраняла все в сердце Своем...” Она хранила пророчества в сердце и не говорила о них никому, быть может, даже Своему Сыну»⁵³.

Становление любой личности, а особенно – необыкновенной, всегда загадка, тем более не дано нам проникнуть в тайну души Иисуса. Можем ли мы знать, о чем думал Он, работая в маленькой мастерской, о чем молился? Одно только кажется бесспорным: Он был свободен от конфликтов, которые с детских лет терзают человека; над Ним не имели власти демонические стихии. Если и знал Он внутреннюю трагедию, то рождали ее лишь одиночество, сострадание, боль от соприкосновения с миром зла, а не муки греха и борьбы с темными инстинктами. Об этом свидетельствует все, что известно о характере Иисуса.

Даже такой враждебный христианству ученый, как Давид Штраус, после длительных размышлений над Евангелием признал, что гармоничность духа Иисусова была не следствием внутреннего кризиса, а результатом естественного раскрытия заложенных в Нем сил. «Все характеры, – писал Штраус, – очищенные борьбой и сильными потрясениями, например, Павел, Августин, Лютер, сохранили неизгладимые следы такой борьбы, их образ дышит чем-то суровым, резким, мрачным. Ничего подобного нет у Иисуса. Он сразу предстает перед нами как совершенная натура, повинующаяся только своему собственному закону, признающая и утверждающая себя в своем сознании, не имеющая нужды превращаться и начинать новую жизнь»⁵⁴.

В Нем не было чувства греховности, которое присуще каждому святому, не было ничего ущербного. Пусть даже часто Он оставался непонят и одинок, это не омрачало просветленности Его духа; Иисус постоянно был с Тем, Кого Он называл Своим Отцом.

Вероятно, в свободные от труда часы Иисус, как и позднее, в годы проповедничества, любил уходить в уединенные места, где среди тишины звучал в Нем небесный голос. Там, на холмах Назарета, незаметно готовилось будущее мира...

названные в Евангелии «братьями» Иисуса (Мк 6,3), – сыновьями ли сестры Девы Марии (Ин 19,25) или детьми Иосифа от первого брака, как утверждают апокрифы (напр., Книга Иосифа Плотника, II). Быть может, и те и другие назывались «Его братьями». В греческом и еврейском языках слово «брат» может означать разную степень родства.

⁵² Эти слова сохранились в апокрифических «Деяниях Петра» (гл. X). По мнению видного современного специалиста по Новому Завету И. Иеремияса, они скорее всего подлинны.

⁵³ Mauriac F. La vie de Jésus. Paris, 1961, p.33.

⁵⁴ Штраус Д. Жизнь Иисуса. Т. I, М., 1907, с.195. О Штраусе см. в приложении «Миф или действительность?»

Кто мог знать об этом в то время? Римские политики не подозревали, что придет день, когда их потомки преклонят колена перед Плотником из далекой восточной провинции.

Великие и малые события сменяли друг друга. Германцы нанесли легионам поражение в Тевтобургском лесу; поочередно вспыхивали мятежи на Дунае и Рейне, в Галлии и Фракии. Умер Август, причислявший себя к сонму богов, а его наследником стал сумрачный и подозрительный Тиберий. Умерли Овидий, Тит Ливий, Гиллель. Родился Плиний Старший; философ Сенека вернулся в Рим из Египта. В Иудею был назначен пятый прокуратор Понтий Пилат.

В Назарете же внешне все, казалось, протекало без перемен. Однако долгий подготовительный период жизни Иисуса близился к концу. Ему было около тридцати лет, когда, полный духовных и телесных сил, Он уже только ждал знака, чтобы бросить в мир первые семена Благой Вести.

И знак был дан.

Глава третья

Предтеча. Иисус в пустыне

27 г

Однажды группа людей, состоявшая из духовенства и книжников, вышла за ворота Иерусалима и отправилась по дороге, ведущей к берегам Иордана. Предпринять путешествие их побудил слух о молодом пустынноике *Иоанне*. За короткое время о нем стало известно по всей стране. Посольству было поручено выяснить, каковы притязания этого человека, чему он учит и не является ли он опасным возмутителем народа.

Иоанн называл себя «гласом вопиющего»⁵⁵, что само по себе говорило о многом.

Пять веков назад, когда кончились дни изгнания и иудеи смогли вернуться из Вавилона, великий учитель веры Исайя Второй сложил гимн о Богоявлении. В нем описано пасхальное шествие через бесплодную пустыню, которая расцветает перед лицом Господним, превращаясь в сад. Впереди – глашатай. Он призывает расчистить путь Идущему⁵⁶.

С тех пор мессианские надежды связывались с этим видением. Ожидали, что предтечей Избавителя станет сам пророк Илия, который вновь будет послан на землю.

⁵⁵ Т. е. голосом глашатая, вестника.

⁵⁶ Ис 40,3.

Иоанн Креститель

Жившие у Мертвого моря ессейские монахи уверяли, что роль глашатаев выпадет именно на их долю⁵⁷. Но им казалось, что мир слишком глубоко погряз в беззакониях и только «Сыны света» достойны встретить Мессию. Обитатели Кумрана смотрели на себя как на единственных избранных. История мира, по мнению ессеев, не удалась, и все, кроме них, обре-

⁵⁷ См.: Кумранский устав, VIII, 12–14.

чены. Они жили за стенами своих поселков, пунктуально соблюдая обряды и веря, что только с ними будет заключен Новый Завет, предсказанный пророком Иеремией⁵⁸.

Конечно, и среди сектантов попадались люди, которых заботил жребий «сынов тьмы». Не каждый из них мог радоваться гибели мира или спокойно примириться с ней. Один из кумранских богословов писал: «Разве не все народы ненавидят Кривду?.. Разве не из уст всех народов раздается голос Истины?»⁵⁹ Но тут же он с горечью признавал, что на деле никто не следует правде Божией. А если так, то рассчитывать грешникам не на что. Святые должны оставаться на страже. Что им за дело, если нечестивцы получают по заслугам?..

Проповедь Иоанна, вероятно, привела ессеев в замешательство. Им не в чем было упрекнуть его, и тем более не могли они причислить отшельника к «сынам тьмы». Иоанн вел жизнь аскета, еще более строгую, чем кумранцы. Он одевался в грубую пастушескую власяницу из верблюжьей шерсти, хранил назорейские обеты, то есть не стриг волос и не пил вина. Его пищу составляли сушенная на солнце саранча и дикий мед⁶⁰. Однако этот пустынный не разделял холодного самодовольства ессеев, не отвернулся от мира, а стал проповедовать «всему народу израильскому».

Иоанн происходил из священнического сословия. Он рано потерял родителей, и его вырастили чужие люди. Весьма вероятно, что он был усыновлен не кем иным, как ессеями, которые нередко брали сирот на воспитание⁶¹. Но когда Иоанну исполнилось тридцать лет, Бог призвал его покинуть пустыню. Ему было открыто, что на него возложена миссия стать «гласом вопиющего», предшественником Избавителя.

⁵⁸ См. с. 28.

⁵⁹ Книга Тайн, 8-11.

⁶⁰ Мф 3,4; Мк 1,6; св. *Иустин*. Диалог с Трифоном Иудеем, 88; св. *Епифаний*. Панарион, 30. См. также славянскую версию «Иудейской войны» Иосифа Флавия, II,2. Назорейями или назиритами назывались в древности лица, которые посвящали себя Богу и давали обет воздерживаться от вина и не стричь волос. (См.: Числ 6,1-21; Суд 13.) С названием г. Назарета (евр. *Ноцэрет*) слово «назорей» (*назири́т*) не имеет ничего общего.

⁶¹ *И. Флавий*. Иудейская война, II,8. О связи Иоанна с ессеями см.: *Михаил* (Чуб), еп. Иоанн Креститель и община Кумрана. – ЖМП, 1958, № 8; *Daniélou J.* Jean-Baptiste, témoin de l'Agneau. Paris, 1964, p.42.

Река Иордан

Из пустыни Иоанн пришел в соседнюю с ней долину Иордана, где и начал свою проповедь. «Покайтесь, – говорил пророк, – ибо близко Царство Небесное!» Его слова упали на подготовленную почву и сразу же нашли широкий отклик. К реке толпами шли люди из окрестных городов и сел. Шли книжники и солдаты, чиновники и крестьяне. Впечатление от речей и самого облика пророка было огромным. Он говорил о Суде над миром, и, казалось, все вокруг Иоанна дышало предчувствием близости великих событий.

Символом вступления в мессианскую эру Иоанн избрал обряд погружения в воды Иордана, реки, которая издревле считалась рубежом Святой земли. Подобно тому как вода оmyвает тело, так и покаяние очищает душу. Когда язычник присоединился к ветхозаветной

Церкви, над ним совершали *тевилу*, омовение⁶². Пророк же требовал этого от самих иудеев в знак того, что они родились для новой жизни. Поэтому Иоанна называли *ха-Матби́л*, *Креститель*⁶³.

Многих израильтян задевало, что им предлагают пройти через омовение, словно они – новообращенные иноверцы. Разве принадлежность к народу Божию не освящает сама по себе? Но Креститель, не колеблясь, объявил подобный взгляд заблуждением. Когда он увидел на берегу книжников, он заговорил с ними резко и сурово: «Отроде змеиное! Кто указал вам бежать от будущего гнева? И не думайте говорить сами себе: „Отец у нас Авраам“, ибо говорю вам, что Бог может из камней этих воздвигнуть Себе детей Авраама»⁶⁴. Не рождение делает сынами Завета, а верность заповедям Господним.

Иоанн упрекал в легкомыслии и тех, кто рассчитывал, что одного обряда *тевилы* уже достаточно для прощения грехов. Он требовал переоценки всей жизни, искреннего раскаяния. Перед крещением люди «исповедовали грехи свои»⁶⁵. Но и этого было мало. Нужны были реальные результаты внутренней перемены. «Сотворите, – говорил пророк, – достойный *плод покаяния!*.. Уже топор лежит при корне деревьев; итак, всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубается и бросается в огонь»⁶⁶.

Чего же хотел Иоанн? Призывал ли он народ бежать от мира и запереться в монастырских стенах? Это звучало бы вполне естественно в устах аскета. Но Креститель хотел большего: чтобы люди, оставаясь там, где живут, сохраняли верность слову Божию.

По свидетельству Иосифа Флавия, Иоанн учил народ «вести чистый образ жизни, быть справедливыми друг к другу и благоговейными к Предвечному»⁶⁷. Подчеркивая важность этических норм Закона, Креститель тем самым следовал традиции древних пророков. Мало говоря о ритуалах, он ставил на первое место нравственный долг человека: «У кого две рубашки, пусть поделится с неимущим, у кого есть пища, пусть так же поступает»⁶⁸. Пророк не предлагал солдатам бросать свою службу и говорил, что для них важнее избегать насилия и наущничества. Ко всеобщему изумлению, он не осудил даже презираемое ремесло сборщиков налогов – мытарей, но требовал только, чтобы они не вымогали больше положенного⁶⁹.

В то же время по отношению к сильным мира сего Иоанн вел себя настолько независимо, что скоро вызвал недовольство. По преданию, Креститель однажды посетил Иерусалим и там выступил против членов Совета. Когда его спросили, кто он и откуда, Иоанн сказал: «Я человек, и жил там, где водил меня Дух Божий, питая меня кореньями и древесными побегами». На угрозу расправиться с ним, если он не перестанет смущать толпу, Иоанн ответил: «Это вам надо перестать творить ваши низкие дела и прилепиться к Господу Богу своему». Тогда оказавшийся в собрании ессеи по имени Симон презрительно заметил: «Мы ежедневно читаем священные книги, а ты ныне вышел из леса, как зверь, и смеешь учить нас и соблазнять людей своими мятежными речами»⁷⁰. После этого Креститель больше никогда не приходил в столицу.

⁶² Мишна, Песахим, VIII,8.

⁶³ Еврейское слово *тевила́*, – по-гречески *βαπτισμα* – означает погружение, омовение; по-русски оно обычно переводится как крещение.

⁶⁴ Мф 3,7–9. Здесь игра слов «банайя» и «абнайя» – сыновья и камни.

⁶⁵ Мф 3,6.

⁶⁶ Мф 3,8,10.

⁶⁷ *И. Флавий*. Древн. XVIII,5,2.

⁶⁸ Лк 3,10 сл.

⁶⁹ Собирая имперскую подать, мытари обычно наживались за счет населения.

⁷⁰ См. славянскую версию «Иудейской войны» Флавия, II,2. Присутствие ессеев на Совете было вполне возможным. Некоторые из них жили в городах и пользовались влиянием. Ирод покровительствовал им. Одного из ессеев, Менахема, он даже сделал главой раввинского Совета (*И. Флавий*. Древн. XV,10,5; Мишна, Хагига, II,2).

Иоанн обычно жил близ Бетании, или Бетавары, – речной переправы, где и крестил проходящий к нему народ⁷¹. Вскоре вокруг него образовалась община, которой Иоанн дал свои правила и молитвы. По имени мы знаем только двух из учеников Крестителя – Андрея из Вифсаиды и юношу Иоанна, сына Зеведеева. Оба были рыбаками и пришли с берегов Галилейского моря⁷².

Как смотрели иоанниты на учителя? Скорее всего, они видели в нем эсхатологического Пророка, чей приход ожидался многими⁷³. Но у некоторых сложилось убеждение, что сам Креститель и есть обетованный Мессия.

Влияние Иоанна возрастало с каждым днем. В своих речах он стал затрагивать и Ирода Антипу, которому принадлежала Иорданская область. В результате, пишет Флавий, тетрарх «начал опасаться, как бы власть Иоанна над массами не привела к каким-нибудь беспорядкам»⁷⁴.

Был встревожен и Синедрион, и именно поэтому на Иордан были отправлены священники с полномочиями от него.

– Кто ты? Не Мессия ли? – задали они вопрос Крестителю.

– Я не Мессия, – отвечал тот.

– Что же? Ты Илия?

– Я не Илия.

– Пророк?

– Нет.

– Тогда кто же ты, чтобы дать нам ответ пославшим нас? Что ты говоришь о самом себе?

– Я глас вопиющего: «В пустыне выпрямите дорогу Господу», как сказал пророк Исая.

– Что же ты крестишь, – спросили его, – если ты не Мессия, и не Илия, и не Пророк?

И тогда они услышали ответ, полный смирения и веры, который ясно определил призвание Иоанна как *Предтечи* Христа:

– Я крещу водою, посреди же вас стоит Тот, Кого вы не знаете, Идущий за мною, Который впереди меня стал, Кому я недостойн развязать ремень обуви Его... Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницы, а мякину сожжет огнем неугасимым⁷⁵.

Все поняли, что это значит. Мир должен пройти через огонь правды Божией, Иоанн же – лишь предвестник очистительной грозы.

О Мессии говорили уже давно, но только иорданский учитель возвестил, что дни Его прихода наконец *наступили*. Слушая Предтечу, народ постоянно «находился в ожидании». Многие знали, что Избавитель долго будет скрываться неузнанным, поэтому слова Иоанна: «Он стоит среди вас» – заставляли учащенно биться сердца.

В это самое время на берегу среди толпы появился Человек из Назарета.

Приход Его едва ли привлек внимание, тем более что Он вместе с другими готовился принять крещение от Иоанна. Однако, когда Он подошел к воде, всех поразили странные слова пророка, обращенные к Галилеянину: «*Мне* надо креститься от Тебя».

⁷¹ Название Бетавара (Бэфвара, см. Суд 7,24) означает «Место переправы», а Бетания (Вифавара), как этот поселок назван в древнейших рукописях Ин, означает «Место корабля» (или лодки) – Ин 1,28. Не смешивать с Вифанией (Бетани), которая находилась около Иерусалима: название ее, по-видимому, означает «Дом бедняка» (Ин 11.1).

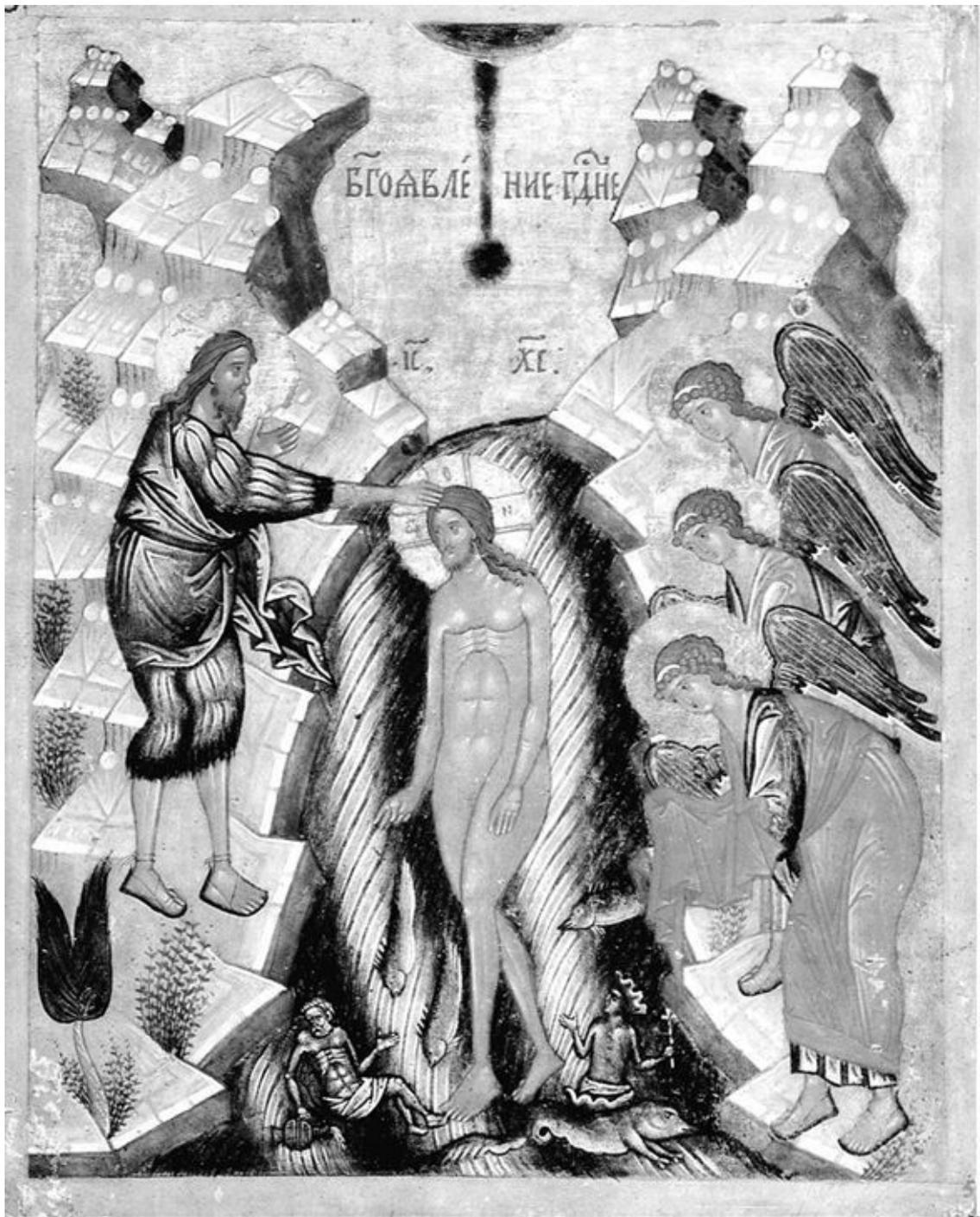
⁷² См.: Ин 18,15. Очевидно, Креститель выделял Андрея и Иоанна из числа своих учеников; см.: Ин 1,38.

⁷³ См.: Втор 18,15. Об этом пункте иудейской эсхатологии см.: *Трубецкой С.* Учение о Логосе в его истории. М., 1906, с.282–284.

⁷⁴ *И. Флавий.* Древн. XVIII,5,2.

⁷⁵ Ин 1,19 сл.; Лк 3,16–17; Мф 3,11–12.

Знал ли Иоанн еще прежде или только теперь почувствовал, что перед ним не простой человек, а Некто, больший его самого? Ответ Иисуса: «Допусти сейчас, ибо так подобает нам исполнить всякую правду» – ничего не объяснил окружающим⁷⁶. Хотел ли Он сказать, что «нам», людям, нужно начинать с покаяния? Хотел ли дать пример? Или смотрел на крещение как на акт, знаменующий начало Его миссии? Во всяком случае для Иоанна эти слова имели определенный смысл, и он согласился совершить обряд.

⁷⁶ Мф 8,14–15. Согласно Лк, мать Иоанна была родственницей Девы Марии, из чего можно было бы предположить, что Предтеча знал Христа с детства. Но этому противоречат слова пророка: «я не знал Его» (Ин 1,31). По-видимому, родители Иоанна умерли рано и, возмужав в пустыне, он не был знаком с Сыном Марии. Во всяком случае, слова «я не знал Его» показывают, что пророк, если даже и слышал об Иисусе, в Его мессианскую тайну посвящен не был.

Крещение Господне

Это была символическая встреча. Отшельник во власянице, с почерневшим от солнца, изможденным лицом, с львиной гривой волос, воплощал собой тернистый путь дохристианской религии, а новое Откровение приносил Человек, Который внешне, казалось, ничем не отличался от любого простолюдина из Галилеи.

В тот момент, когда Иисус стоял в реке и молился, произошло нечто таинственное. Впоследствии Иоанн говорил своим ученикам: «Я увидел Духа сходящего, как голубь, с неба, и Он пребыл на Нем. И я не знал Его, но Пославший меня крестить водою, Тот мне сказал: „На ком увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Он есть крестящийся Духом Святым“. И я увидел и засвидетельствовал, что Он есть Сын Божий»⁷⁷.

После крещения Иисус тотчас же покинул Бетанию и углубился в пустыню, лежащую к югу от Иордана. Там, в окрестностях Мертвого моря, среди голых безжизненных холмов, где молчание нарушалось лишь плачем шакалов и криками хищных птиц, Он провел в посте более месяца. По словам евангелистов, в те дни на пороге Своего служения Он был «искушаем дьяволом».

Предстало ли Иисусу видение, как это обычно любят изображать художники, пытался ли кто-нибудь из обитателей пустыни увлечь Его на ложный путь, или все свершалось в душе Христовой незримо? Об этом не мог рассказать никто, кроме Самого Иисуса. Но Он поведал ученикам только суть происходившего⁷⁸. Сатана предложил Мессии три собственных способа завоевать мир. Первый заключался в том, чтобы привлечь массы обещанием земных благ. Накорми их, «сделай камни хлебами», и они пойдут за Тобой куда угодно, говорил искушитель. Но Иисус отказался прибегнуть к подобной приманке: «Не хлебом единым жив человек...»

В другой раз Назарянин стоял на высокой горе. У ног Его лежали пепельные зубцы скал, за которыми угадывались «царства мира сего». Где-то далеко двигались непобедимые римские легионы, плыли по морю корабли, волновались народные толпы. Что правит ими, что царит над миром? Не сила ли золота, не власть ли меча, не стихия ли эгоизма, жестокости и насилия? Кесарь потому лишь повелевает народами, что признал владычество темных начал в человеке. «Тебе дам всю эту власть, – сказал сатана, – и славу их, потому что мне предана она, и я, кому хочу, даю ее». Стань таким, как повелители империй, и люди будут у Твоих ног. Подобного Мессию-воина ждали иудейские zeloty. Однако Иисус не уступил соблазну меча; не для того пришел Он, чтобы идти по стопам поработителей. «Отойди от Меня, сатана, – был Его ответ, – написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Из пустыни Иисус направился в Иерусалим. Но и там дух зла не отступал от Него. «Бросься вниз», – предложил он, когда Христос стоял на одной из высоких храмовых площадок; ведь толпа, увидев человека, который упал на камни и остался невредим, наверняка сочтет Его великим чародеем. Но и путь кричащего чуда, по которому пошли как ложные мистики, так и поклонники «технических чудес», не мог быть принят Иисусом. Свою силу Он всегда будет стараться скрывать, избегая духовного насилия над людьми.

Евангелия говорят, что побежденный сатана отступил от Христа «до времени». Иными словами, искушения не ограничивались этими переломными днями Его жизни.

Возвращаясь в Галилею, Иисус на некоторое время снова остановился в Бетании. Когда Иоанн увидел Его, он сказал, обращаясь к окружавшим его людям: «Вот Агнец Божий, Кото-

⁷⁷ Ин 1,32–34.

⁷⁸ Мк 1,12–13; Лк 4,1–13; ср. Мф 4,1–11.

рый берет грех мира»⁷⁹. Слово «Агнец» напоминало о пророках, которых преследовали и убивали, а в Книге Исаяи Агнцем был назван Служитель Господень, Чьи муки совершатся ради искупления грехов человечества.

Креститель повторил свое свидетельство и в кругу близких учеников, после чего Андрей и Иоанн стали искать встречи с Иисусом⁸⁰. Однажды, увидев Его, они робко пошли за Ним, не зная, как начать разговор. Иисус обернулся и спросил:

– Чего вы хотите?

– Равви, где Ты живешь? – спросили они, немного растерявшись.

– Пойдемте и увидите.

Они пришли с Ним в дом, в котором Он остановился, и пробыли с Иисусом весь день. Мы не знаем, о чем беседовали они, но на следующий день Андрей отыскал своего брата Симона и с восторгом заявил: «Мы нашли Мессию...»

Поразительная весть мигом распространилась среди галилеян, которые пришли на Иордан. Некоторые колебались. Уж очень все было непохоже на предсказанное. Один из земляков Андрея, Нафанаил, недоверчиво качал головой: Мессия из Назарета? Но ему ответили просто: «Пойди и посмотри». Нафанаил согласился, и первые же слова Назарянина пронзили его душу. Намек, обнаруживший прозорливость Иисуса, рассеял все сомнения.

– Равви, Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев! – воскликнул Нафанаил.

– Истинно, истинно говорю вам, – сказал в ответ Иисус, – увидите небо отверстым и ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому.

Он не произнес слова «Мессия», однако выражение «Сын Человеческий» было им понятно; оно означало, что новый Учитель – Тот, Кого все давно с нетерпением ждали.

Скорее всего, эти простосердечные люди решили, что найденный ими Царь скрывается лишь до поры до времени, но придет час, и вокруг Него сплотятся смелые люди, силы небесные возведут Его на престол, а они, узнавшие Христа, стяжают славу в мессианском Царстве...

Итак, на Север Иисус пришел уже не один, а в сопровождении приверженцев.

⁷⁹ Ин 1,29 сл. Из общего контекста Ин явствует, что это свидетельство Предтечи было произнесено перед уходом Иисуса в Галилею и, следовательно, уже *после* пребывания Его в пустыне. Фактически IV Евангелие начинает рассказ с событий, происходивших после крещения Христова и Его искушения от дьявола.

⁸⁰ Ин 1,35 сл.

Глава четвертая Галилея. Первые ученики Весна 27 г

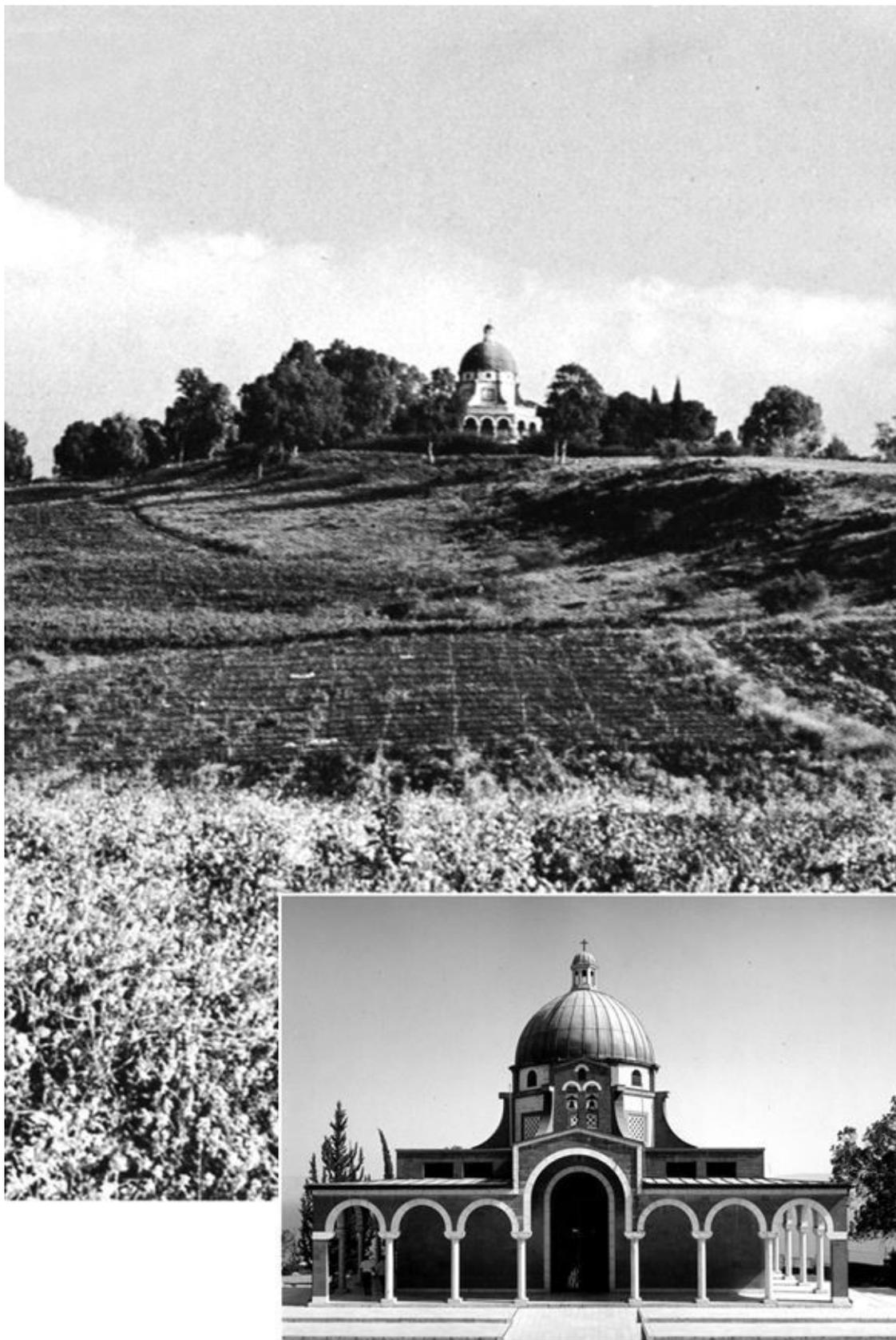
Вначале могло показаться, что проповедь Христова была лишь продолжением миссии Иоанна Крестителя. Оба говорили о близости Царства Божия, оба звали народ к покаянию и приняли в качестве обряда водное крещение⁸¹. Тем не менее некоторое различие между двумя учителями стало заметным сразу. Если Иоанн ждал, пока к нему соберутся слушатели, то Иисус сам шел к людям. Он обходил города и селения; по субботам Его речь звучала в молитвенных домах, а в остальные дни – где-нибудь на холме или у моря под открытым небом. Иной раз толпа бывала настолько велика, что Иисус садился в лодку и оттуда обращался к расположившемуся на берегу народу.

Живя в Галилее, Учитель неизменно вставал рано и часто встречал восход на уединенных вершинах⁸². Там ученики находили Его и просили продолжать беседы с пришедшими. День Иисуса был заполнен напряженным трудом: до самой темноты за Ним по пятам следовали больные, ожидая облегчения недугов, верующие жадно ловили Его слова, скептики задавали нелепые вопросы или вступали с Ним в споры, книжники требовали разъяснения трудных мест Библии. Порой Иисусу и Его ученикам некогда было поесть. Однако в Евангелиях только дважды говорится, что Учитель сильно устал⁸³. Обычно же мы видим Его неутомимым и полным энергии. «Пища Моя, – говорил Он, – творить волю Пославшего Меня и совершать Его дело».

⁸¹ Мф 3,2; ср.: Мф 4,17; Ин 3,26.

⁸² Мф 14,23; Мк 1,35; Лк 5,16.

⁸³ Мк 4,38; Ин 4,6.

Здесь впервые прозвучали Заповеди блаженства

Нас не должно удивлять, что не сохранилось изображений Христа, сделанных Его современниками. Ведь не существует достоверных портретов ни Будды, ни Заратустры, ни Пифа-

гора, ни большинства других религиозных реформаторов, а в Иудее вообще не было принято изображать людей.

Первохристиане не сохранили памяти о внешних чертах Иисуса; им прежде всего был дорог духовный облик Сына Человеческого. «Если мы и знали Христа по плоти, – говорил ап. Павел, – то теперь уже не знаем»⁸⁴.

Самые ранние фрески, где лик Иисуса представлен таким, каким он окончательно установился в церковном искусстве, относятся ко II или даже III веку. Трудно сказать, насколько этот образ связан с устной традицией. Но во всяком случае Учитель, совершавший долгие переходы под знойным солнцем Палестины, руки Которого знали тяжелый физический труд, едва ли походил на Христа итальянских мастеров. Он одевался не в античную тогу, а в простую одежду галилеян – длинный полосатый хитон и верхнюю накидку; голова Его, вероятно, была всегда покрыта белым платком с шерстяной перевязью⁸⁵.

В русской живописи XIX века наиболее достоверен внешний облик Христа у Поленова, но его картины не передают той духовной силы, которая исходила от Сына Человеческого⁸⁶.

Именно ее и запечатлели евангелисты. В их рассказах чувствуется покоряющее воздействие Иисуса на самых разных людей. Он почти молниеносно завладел сердцами Своих будущих апостолов. Храмовые стражи, которых послали задержать Назарянина, не смогли выполнить приказ, потрясенные Его проповедью. Было в Нем нечто, заставлявшее даже врагов говорить с Ним почтительно. Книжники называли Его Равви, Наставник. У Пилата один вид и немногие слова Иисуса вызвали против воли тайное уважение.

Какая-то волнующая загадка, необъяснимая притягательность создавали вокруг Него атмосферу любви, радости, веры. Но нередко учеников охватывал рядом с Иисусом священный трепет, почти страх, как от близости к Непостижимому. При этом в Нем не было ничего жреческого, напыщенного. Он не считал ниже Своего достоинства прийти на свадьбу или делить трапезу с мытарями в доме Матфея, посещать фарисея Симона, Лазаря. Меньше всего Он походил на отрешенного аскета или угрюмого начетчика. Святоши говорили о Нем: «Вот человек, который любит есть и пить вино»⁸⁷.

Рассказывают, что один средневековый монах проехал мимо живописного озера, не заметив его. Не таков Иисус. От Его взгляда не ускользают даже житейские мелочи; среди людей Он дома.

Глубоко человечным рисуют Христа евангелисты. На глазах Его видели слезы, видели, как Он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, любит цветы. Речь Его дышит снисходительностью к слабостям человека, но Своих требований Он никогда не смягчает. Он может говорить с нежной добротой, а может быть строг, даже резок. Подчас в Его словах мелькает горькая ирония («отцеживают комара и проглатывают верблюда»). Обычно кроткий и терпеливый, Иисус беспощаден к ханжам; Он изгоняет из Храма торговцев, клеймит Ирода Антипу и законников, упрекает в маловерии учеников. Он спокоен и сдержан, порой же бывает охвачен священным гневом. Тем не менее внутренний разлад чужд Ему. Иисус всегда остается Самим Собой. За исключением нескольких трагических моментов, ясность духа никогда не покидает Христа. Находясь в гуще жизни, Он одновременно как бы пребывает в ином мире, в единении с Отцом. Близкие люди видели в Нем Человека, Который желает лишь одного: «творить волю Пославшего Его».

Христос далек от болезненной экзальтации, от иступленного фанатизма, свойственных многим подвижникам и основателям религий. Просветленная трезвость – одна из главных черт

⁸⁴ 2 Кор 5,16.

⁸⁵ См. приложение «Иконография Христа и загадка Туринской плащаницы».

⁸⁶ См.: Ремезов А. Жизнь Христа в трактации современного русского художника. Серг. Посад, 1915.

⁸⁷ Лк 7,34.

Его характера. Когда Он говорит о вещах необыкновенных, когда зовет к трудным свершениям и мужеству, то делает это без ложного пафоса и надрыва. Он мог запросто беседовать с людьми у колодца или за праздничным столом, и Он же мог произнести потрясшие всех слова: «Я – Хлеб жизни». Он говорит об испытаниях и борьбе, и Он же повсюду несет свет, благословляя и преображая жизнь.

Писателям никогда не удавалось создать убедительный образ героя, если портрет его не оттенялся недостатками. Исключение составляют евангелисты, и не потому, что были непревзойденными мастерами слова, а потому, что они изображали непревзойденную Личность.

Нельзя не согласиться с Руссо, утверждавшим, что выдумать евангельскую историю было невозможно. По мнению Гете, «все четыре Евангелия подлинны, так как на всех четырех лежит отблеск той духовной высоты, источником которой была личность Христа и которая является божественной более, чем что-либо другое на земле»⁸⁸.

В противоположность отшельникам Кумрана Иисус не отворачивался от мира, не прятал от него сокровищ духа, а щедро отдавал их людям. «Когда, – говорил Он, – зажигают светильник, не ставят его под сосуд, но на подсвечник, и светит всем в доме»⁸⁹. Слово Божие должно быть «проповедано на кровлях» – такова Его воля.

Древнееврейский язык к тому времени превратился в литературный. Для разговоров же обычно пользовались арамейским наречием. Именно его Христос употреблял, беседуя с народом. Об этом свидетельствуют арамейские слова и выражения, сохранившиеся в Новом Завете⁹⁰.

В Своей проповеди Иисус прибегал к традиционным формам священной библейской поэзии. Нередко слова Его звучали величественным речитативом, напоминая гимны древних пророков. Кроме того, Он следовал приемам книжников: выражался афоризмами, ставил вопросы, не пренебрегал и логическими доводами. Особенно любил Иисус примеры из повседневной жизни – *притчи*. В них наиболее полно запечатлелось Его учение.

Притчи издавна были известны в Израиле, но Иисус сделал их основным способом выражения Своих мыслей. Он обращался не к одному интеллекту, а стремился затронуть все существо человека. Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Христос нередко предоставлял самим слушателям делать выводы из Его рассказов. Так, избегая абстрактных слов о человеческом братстве, Он приводит случай на иерихонской дороге, когда пострадавший от разбойников иудей получил помощь от иноверца-самарянина. Подобные истории западали в душу и оказывались действеннее любых рассуждений.

Побережье Галилейского моря, куда пришел Иисус, впоследствии сильно пострадало от войн; только сравнительно недавно этот край стал обретать прежний облик. В евангельские же времена Геннисарет отличался, по словам Флавия, «изумительной природой и красотой»⁹¹. Фруктовые сады, пальмы и виноградники окаймляли голубые воды. За оградами росли акации, олеандры, миртовые кустарники с белыми цветами. Урожай снимали в течение всех месяцев. Озеро давало обильный улов. Днем и ночью его поверхность была усеяна рыбацкими лодками.

Есть глубокий смысл в том, что проповедь Евангелия оказалась тесно связанной с этой страной. Весть о Царстве Божиим впервые прозвучала не в душных, пыльных столицах, а у

⁸⁸ Эккерман И. Разговоры с Гете. Пер. с нем. М., 1934, с.847.

⁸⁹ Мф 5,15.

⁹⁰ См., напр., пасха, маммона, эпфатах (эффафа), талита кум (талифа куми), Авва, корван, бар, рака. Предсмертный вопль Христа есть арамейский вариант строки из Пс 21. Необходимость учить вере на арамейском языке была осознана уже книжниками, которые создавали арамейские переводы Библии (таргумы). О Гиллеле сказано, что он «изъясняет на языке простого народа» (Талмуд, Баба Меция, 104а). Впрочем, все это не означает, что древнееврейский был забыт. Его учили все, кто получал образование и читал Библию. На нем продолжали писать книги и слагать молитвы.

⁹¹ И. Флавий. Иудейская война, III,10.

берегов лазурного озера, среди зеленеющих рощ и холмов, напоминая о том, что красота земли есть отражение вечной красоты Неба.

Капернаум. Развалины синагоги. Внизу ее реконструкция

Вдоль Геннисарета тянулся ряд небольших приморских городков, из которых Иисус отдал предпочтение *Капернауму*. Евангелисты даже называют Капернаум «Его городом». Там, рядом с синагогой, построенной римлянином-прозелитом, жил Он в доме Симона, брата Андрея; отсюда Иисус шел проповедовать, направляясь по берегу в Вифсаиду, Хоразин, Магдалу, отсюда ходил на праздники в Иерусалим и туда возвращался. В Капернауме люди стали свидетелями Его первых исцелений и видели, как Он одним словом остановил конвульсии одержимого, который кричал: «Оставь! Что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! Знаю Тебя, Кто Ты, Святой Божий!..»

Родные Иисуса, узнав о Его проповеди и чудесах, решили, что Сын Марии «вышел из себя». Они поспешили в Капернаум, желая силой увести Иисуса обратно в Назарет; но им так и не удалось проникнуть в дом, который буквально осаждался народом.

С тех пор Марии было уже тягостно оставаться среди назарян, которые смотрели на Иисуса как на безумца. Было высказано предположение, что она переселилась на время в Кану, где какие-то люди, вероятно, родственники, дали Ей приют⁹².

Однажды, когда в их семье справляли свадьбу, туда был приглашен Иисус с учениками, и Мать смогла вновь увидеть Его⁹³.

В самый разгар скромного торжества, к великому огорчению и стыду хозяев, кончилось вино. Очевидно, все лавки уже закрылись, и нечем было угощать собравшихся. Мария, заметив это, обратилась к Сыну: «Вина нет у них».

На какую помощь Она надеялась? Или просто ждала слов ободрения? Кажется непонятным и ответ Иисуса, произнесенный как бы со вздохом: «Что Мне делать с Тобой? Час Мой еще не пришел» – так примерно можно передать смысл Его слов. Тем не менее Мария поняла, что Он все же готов как-то помочь, и сказала слугам: «Сделайте все, что Он вам скажет». Иисус велел налить воды в большие каменные сосуды, предназначенные для омовений, и, почерпнув из них, нести распорядителю пира. Слуги в точности исполнили странное приказание, и когда распорядитель попробовал напиток, то, поразившись, сказал жениху: «Хорошее вино всегда подают сначала, а ты сберег его до сих пор...»

⁹² Ин 2,1. Из Каны Мария последовала за Сыном в Капернаум (Ин 2,12), но, вероятно, оставалась там недолго. В последний раз перед долгой разлукой Она видела Иисуса, скорее всего, в Кане (Ин 4,46). Ее не было среди женщин, сопровождавших Христа во время Его проповеди.

⁹³ Ин 2,1-11.

Брак в Кане Галилейской

Так проявление власти Христа над природой началось не устрашающими знамениями, а за праздничным столом, под звуки свадебных песен. Он употребил ее, чтобы не омрачился день веселия, как бы невзначай. Ведь Он пришел дать людям радость, полноту и «избыток» жизни⁹⁴.

Галилейские рыбаки были глубоко поражены происшедшим в Кане. Евангелист Иоанн говорит, что именно с этого момента они по-настоящему уверовали в Иисуса. И когда однажды, найдя их на берегу, Он позвал их следовать за Собой, они без колебаний оставили свои сети и отныне целиком принадлежали только Учителю.

Новообразованная община, которую несколько лет спустя стали называть «Назорейской», в отличие от орденов Будды или св. Франциска, не была нищенствующей. Она располагала средствами и была даже в состоянии оказывать помощь бедным. Деньги поступали от

⁹⁴ Ин 10,10.

учеников и принадлежали всему братству. Этот принцип был позднее усвоен иерусалимской Церковью⁹⁵.

Вероятно, все первые последователи Иисуса были молоды. Старшинство принадлежало рыбаку родом из Вифсаиды – *Симону бар-Ионе*⁹⁶. Его имя стоит в начале каждого списка апостолов. Когда Учитель о чем-либо спрашивал учеников, Симон обычно отвечал за других. Христос дал ему прозвище *Кефа́*, камень, что по-гречески звучит как *Пётрос*⁹⁷. Смысл этого имени Иисус объяснил Своему ученику позднее. Порывистый темперамент сочетался в Симоне с робостью. Но он больше остальных учеников был привязан к Наставнику, и эта любовь помогла Петру побеждать свойственное ему малодушие.

Симон жил в Капернауме с братом, женой и ее матерью. Иисус постоянно пользовался их гостеприимством и лодкой Петра. Дом Симона надолго стал Его домом.

Петра привел к Учителю его брат *Андрей*, о котором мы знаем так же мало, как и об *Иакове*, сыне рыбака Зеведея. Зато другой сын Зеведея, *Иоанн*, младший из апостолов, обрисован в Евангелиях полнее. Вероятно, он походил на свою мать Саломею, энергичную, искренне верующую женщину, которая впоследствии тоже присоединилась к Иисусу. Слушая проповеди Крестителя, Иоанн проникся убеждением в близости Царства Мессии. Юноша «некнижный и простой», он, однако, был, по-видимому, знаком с учением *есеев*, что углубило в нем апокалиптическую настроенность. Он хотел видеть в Иисусе громовержца, Который будет поражать молниями Своих врагов. Иоанн и Иаков втайне мечтали занять первые места у трона Христова. Иисус называл обоих братьев *Бенегерес*, «сынами грозы»⁹⁸. Пылкий Иоанн стал Его любимым учеником.

В Капернауме у берега находилась таможня. Посетив ее, Иисус встретил там мытаря Левия, по прозвищу *Матфей*, и сказал ему: «Следуй за Мной». Матфей не только сразу же присоединился к назаретскому Учителю, но и привел к Нему других мытарей. Позднее этот человек, вероятно, первым начал записывать слова Христовы⁹⁹.

Кроме четырех геннисаретских рыбаков и Матфея в ближайший круг приверженцев Иисуса вошли *Нафанаил бар-Талмай*¹⁰⁰ из Каны, его друг *Филипп*, житель Вифсаиды, лучше других владевший греческим языком, *Симон Зелот*, который оставил ради Христа партию воинствующих экстремистов, рыбак *Фома*¹⁰¹, а также *Иуда Фаддей* и *Иаков Алфеев*. Все они происходили из Галилеи, южанином был только уроженец города Кериота *Иуда бар-Симон*¹⁰². Последнему Иисус поручил хранение денежных средств Своей общины. Тем самым Он, быть может, хотел подчеркнуть Свое доверие к *Иуде*.

⁹⁵ См.: Мф 20,20; Лк 8,3; Мк 14,5; 15,40,41. О зажиточности семьи Иоанна, мать которого помогала общине, говорит хотя бы тот факт, что Зеведей (Завди) имел наемных работников (Мк 1,20). Есть все основания полагать, что общность имущества первой Церкви в Иерусалиме (Деян 2,44–45) была установлена по образцу апостольского братства. Название «назореи» (евр. *ноцри́м*) как обозначение христиан впервые появляется в Деян 24,5. Свое происхождение оно, вероятно, ведет от слова *ха-ноцри́* (Назарянин). Замечание Мф 2,23 объясняется, быть может, созвучием слов *ха-ноцри́* и *не́цер* (отрасль); ср. Ис 11,1.

⁹⁶ Т.е. сыну Ионы (в некоторых рукописях «сын Иоанна», 'Iwǽnnou).

⁹⁷ В синодальном переводе – Кифа.

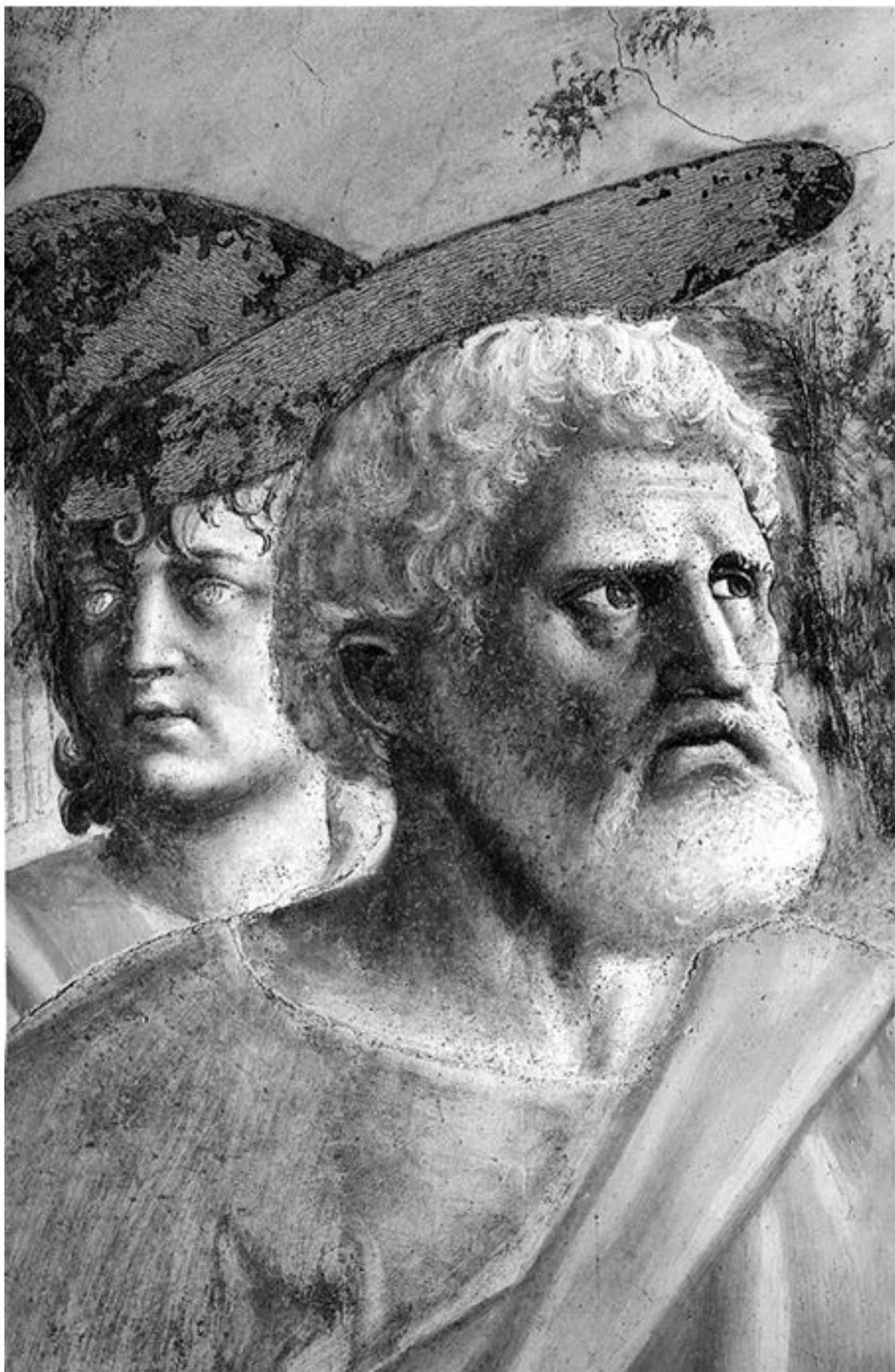
⁹⁸ Это арамейская транскрипция слова «Воанергес» (Мк 3,17). Причина прозвища может быть объяснена эпизодами вроде того, что приводится у Лк 9,51–56. «Некнижным простецом» называет Иоанна Лука (Деян 4,13). На знакомство апостола с кругом есеевских идей указывают все писания, носящие его имя.

⁹⁹ Мф 9,9; Мк 2,13–15; Лк 5,27–29. Мк называет мытаря Левием (*Левий*), сыном Алфея (*Халмай*), а Лк просто Левием. Из этого можно заключить, что Матфей (*Матайя*, т. е. дар Господень) было его прозвищем. О Матфее как евангелисте см. приложение 1.

¹⁰⁰ *Бар-Талмай* – греч.: Варфоломей.

¹⁰¹ *Томá* (арам.), или *Диди́м* (греч.), т. е. Близнец, – вероятнее всего, прозвище. Согласно преданию, имя апостола было *Иуда*.

¹⁰² Мф 10,2–4; Мк 3,16–19; Лк 6,14–16; Деян 1,13. У Мф Петр назван *πρώτος*, первый, см. об этом ниже, с. 425. Некоторые различия в этих списках связаны с тем, что иудеи нередко носили по несколько имен; иногда же вместо имени употреблялось «отчество» (напр., Варфоломей, или Бартоломей, означает «сын Толомая»). Прозвище *Иуды Симонова* – *Искарот* (*иш-Кериот*) означает, по-видимому, «человек из Кериота».

Симон Петр

Имя этого человека давно стало символом низости и вероломства. Однако сомнительно, чтобы Христос желал приблизить к Себе морального уroda, существо, нравственно безнадежное. Вероятно, представления Иуды о деле Учителя были превратными, но в этом он мало отличался от Петра и других апостолов. Всем им было трудно преодолеть иллюзии, прочно укоренившиеся в сознании. Многие ученики отошли от Иисуса, когда стало ясно, что Он не таков, каким они воображали Мессию. Драма Иуды также была связана с потерей веры в Учителя. Но разочарование родило в нем чувство озлобленности и толкнуло на предательский шаг. Быть может, таким образом он желал отомстить за разрушенные честолюбивые планы. Во всяком случае, считать, что Иудой руководила только алчность, значит неправомерно упрощать евангельскую трагедию.

Все евангелисты утверждают, что эти люди, которых Иисус приблизил к Себе, первое время плохо понимали Его Самого и Его цели. Подчас им было трудно уловить даже простую мысль Учителя. Это, конечно, должно было огорчать Иисуса, но Он терпеливо воспитывал учеников и радовался каждый раз, когда что-то прояснялось для них. «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, – восклицал Иисус в такие моменты, – что Ты скрыл это от мудрых и разумных и открыл это младенцам!»¹⁰³ Если бы Благая Весть была сначала вручена «мудрецам», возникла бы опасность, что ее суть останется затемненной. Так произошло сто лет спустя, когда новую веру приняли восточные оккультисты и переплели христианство с гностической теософией. В подлинной же чистоте Евангелие смогли сохранить именно простецы, чуждые гордости и «лидерства», не отравленные сухой казуистикой и метафизическими теориями, люди, которые внесли в учение Иисуса минимум своего. Личность, мысль, воля Господа были для них единственным и самым дорогим сокровищем¹⁰⁴.

Иисус любил эту духовную семью и ставил Свою связь с ней выше кровного родства. Когда во время большого скопления народа Учителю сообщили, что снаружи у дверей Его ждут Мать и братья, Он указал на учеников: «Вот Мать Моя и братья Мои...»

Постепенно молва о галилейском Наставнике и Целителе распространилась по всей округе. За Иисусом постоянно следовали толпы. Стоило Ему удалиться, чтобы побыть одному, как ученики находили Его: «Все ищут Тебя». И тогда Иисус снова и снова шел к ожидавшим Его.

Но были и в этой подвижнической жизни редкие дни или, вернее, часы покоя. Когда думаешь о них, невольно представляется вечер на берегу Геннисарета. Солнце заходит за городом. Массивный силуэт синагоги резко выделяется на фоне заката. Ветер чуть шевелит тростник и ветки деревьев. На востоке раскинулись фиолетовые холмы. Издали доносится пение возвращающихся домой рыбаков.

Иисус сидит на прибрежных камнях, глаза Его обращены к затихшей глади воды. Появляются Симон и другие ученики. Они молча останавливаются, боясь потревожить Учителя. А Он сидит неподвижно, погруженный в молитву, озаренный тихим вечерним светом. Понимают ли, догадываются ли ученики, глядя в этот момент на Иисуса, что в Нем откроется им то Высшее, что создает и движет Вселенную?..

Короткие южные сумерки, и вот уже над морем загораются звезды. Все идут в дом Симона. Комната освещена колеблющимся огнем глиняной лампы; у стола собрались Учитель и ученики. Женщины подают скромный ужин. Иисус произносит благодарственную молитву

¹⁰³ Мф 11,25.

¹⁰⁴ Невольно может возникнуть вопрос: если апостолы столь долго не понимали многих сторон учения Христа, то как они смогли донести его до следующего поколения верующих? Существуют два дополняющих друг друга ответа: 1) люди Востока издавна отличались тренированной памятью и способны были веками хранить устную традицию, 2) вполне вероятно, что кто-либо из учеников (в частности, Матфей) записывал слова Христовы и из этих записей сложились первые *Логии*, сборники Его изречений. При этих двух условиях вполне возможно сохранение подлинного Евангелия Иисуса.

и преломляет хлеб. Он говорит о Царстве, ради которого нужно смело и решительно оставить все; тот же, кто «взялся за плуг и оборачивается назад», для дела Божия непригоден.

У Симона, наверно, есть много вопросов, но он робеет, хотя готов идти за своим Господом на край света. Глаза Иоанна сверкают; в его уме проносятся видения всемирного Суда и образ Сына Человеческого, увенчанного короной Давида...

Иисус продолжает говорить.

Над Капернаумом спускается ночь.

Развалины дома Симона Петра в Капернауме

Глава пятая Благая весть

Учение Христово есть Благая, или Радостная, Весть. Так его называл Он Сам: *Бесора́* по-еврейски, по-гречески *Евангелие*.

Он принес миру не новые философские доктрины, не проекты общественных реформ и не познание тайн потустороннего. Он в корне изменил само отношение людей к Богу, открывая им тот Его лик, который прежде лишь смутно угадывался. Благая Весть Иисуса говорит о высшем призвании человека и о радости, которую дарует ему единение с Творцом.

Неисчерпаемое богатство Евангелия в кратких чертах обрисовать нелегко, поэтому мы остановимся лишь на главном.

Небесный Отец и богосыновство

Ветхий Завет чаще всего говорил об отношении между Богом и народом. Евангелие же выдвигает на первое место отношение между Богом и душой человека.

Проповедь Иисуса обращена не к «массам», не к безликому муравейнику, а к личности. В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. Поэтому Христос придает такое значение отдельным судьбам. В любом человеке заключен целый мир, бесконечно ценный в очах Божиих.

Если Иисус и пользовался словом «стадо», то в Его устах оно звучало совсем иначе, нежели в наши дни. Для Его слушателей оно ассоциировалось с предметом любви и постоянной заботы: на овец смотрели почти как на членов семьи. «Добрый пастырь, – говорил Иисус, – каждую овцу зовет по имени» и готов «положить за нее жизнь».

Когда книжники удивлялись, почему Учитель общается с людьми сомнительной репутации, Он отвечал им притчей:

«Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не покидает девяносто девяти в пустыне и не идет за пропавшей, доколе не найдет ее? И найдя, он берет ее на плечи, радуясь; и, придя к себе в дом, созывает друзей и соседей, и говорит им: „Порадуйтесь со мною, потому что я нашел овцу мою пропавшую”. Говорю вам, что так на небесах радость будет больше об одном грешнике кающемся, чем о девяносто девяти праведниках, которые не нуждаются в покаянии. Или какая женщина, имеющая десять драхм, если потеряет одну драхму – не зажигает светильника, и не метет дома, и не ищет усердно, доколе не найдет? И найдя, она созывает подруг и соседок и говорит: „Порадуйтесь со мной, потому что я нашла драхму, которую потеряла”. Так, говорю вам, бывает радость перед ангелами Божиими об *одном грешнике кающемся*»¹⁰⁵.

Говоря о Сущем, Иисус подразумевал «Бога Авраама, Исаака и Иакова», то есть Бога, открывавшегося в религиозном сознании Ветхого Завета; и, подобно библейским пророкам, Евангелие Христово учит не столько о Боге «в Самом Себе», сколько о Боге, обращенном к миру и человеку.

Из всех имен, которыми Творец называется в Писании, Иисус предпочитал слово *Отец*. В Его молитвах оно звучало как *Авва*. Так по-арамейски обращались дети к своим отцам.

Выбор этот глубоко знаменателен.

«Отцом» в мировых религиях верховное Начало именовали нередко. Но обычно Его представляли в виде деспотичного и властного повелителя. Такой взгляд, несущий на себе печать страха людей перед бытием и перед земными владыками, сказался даже на ветхозаветном мышлении. Когда иудей произносил слово «Отец», оно, как правило, ассоциировалось у него с понятием о суровом Господине и Покровителе всего народа.

Только Иисус говорит об Отце, Которого может обрести *каждая* человеческая душа, если захочет этого. Евангелие приносит людям дар богосыновства. На тех, кто примет его, исполнятся обетования Христа. Они узнают, что с Создателем Вселенной можно говорить один на один, как с «Аввой», как с любящим Отцом, Который ждет ответной любви.

Любовь Божия не навязывает себя, она оберегает человеческую *свободу*. Господь подобен хозяину дома, который зовет всех к себе на пир и для которого гости – великая радость. Еще яснее выразил Христос эту мысль в притче о своевольном сыне.

Молодой человек потребовал от отца причитающуюся ему долю наследства и уехал в чужую страну. Расставаясь с ним, отец не произнес ни одного слова упрека. Он не хотел вынужденной любви и поэтому не удерживал сына. Когда же юноша промотал все, что имел, и вернулся назад нищим, надеясь стать хотя бы последним слугой в доме, отец не только принял его, но и устроил пир в честь возвращения блудного сына.

Это вызвало зависть и досаду старшего брата.

– Вот я столько лет служу тебе, – сказал он, – и никогда заповеди твоей не преступал, и мне ты никогда не дал козленка, чтобы повеселиться мне с друзьями моими. А когда пришел сын твой этот, проевший твое имение с блудницами, ты заколол для него откормленного теленка.

¹⁰⁵ Лк 15,1-10.

Колодец Иакова

– Дитя мое, – возразил отец, – ты всегда со мною, и все мое – твое, но надо было возвеселиться и возрадоваться тому, что брат твой этот мертв был и ожил, пропадал и нашелся¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Лк 15,11–32. Читающий эту притчу должен учитывать, что слушатели Христа жили патриархальным укладом, при котором желание сына уйти из дома отца рассматривалось как грех против 4-й заповеди.

Вдали от Бога нет подлинной жизни; уходя от Него, человек пожинает горькие плоды греха, но Господь всегда готов принять кающегося – таков смысл рассказа. Небесную волю в нем символизирует не требовательный господин, грозный царь или строгий судья, но человек, уважающий свободу другого, отец, который любит и прощает. Этот образ наиболее точно соответствует откровению Христа о Боге. Как отец терпеливо ожидал сына, сидя у порога, так и Господь ищет свободной любви человека.

Однажды женщины привели к Иисусу детей, чтобы Он благословил их. Ученики, боясь утомить Его, не позволили им войти в дом. Но Учитель сказал: «Пустите детей, не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное». А когда ученики спросили Христа, кто больший в Царстве Божиим, Он позвал ребенка, поставил среди них и, обняв его, сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не станете как дети, не войдете в Царство Небесное»¹⁰⁷. Открытость и доверчивость детской души есть образ *доверия* человека к своему Божественному Отцу¹⁰⁸. Вот почему Иисус любил детское слово «Авва».

«Послал, – говорит ап. Павел, – Бог Духа Сына Своего в сердца наши, Духа, взывающего: Авва, Отче! Так что ты уже не раб, но сын»¹⁰⁹. Тот, кто познал счастье богосыновства, открывает мир как бы заново. Он вырвался из мертвенных тисков случайности. Господь близок к нему и знает каждый его шаг, «все волосы на голове его сочтены».

Доверие должно быть беспредельным; оно исключает «служение двум господам». Если человек поглощен погоней за суетным, то он отдает свое сердце во власть идола Маммоны (как по-арамейски именовалось богатство). «Какая польза, – говорил Иисус, – человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»¹¹⁰

Вручив себя Отцу, душа одолевает *заботу* – не ту повседневную заботу, которая необходима, а тягостную, навязчивую, помрачающую разум озабоченность.

Если Отец печется даже о малых птицах, если одарил дивной красотой цветы, то неужели Он забудет о детях Своих? Ведь они для Него дороже всех творений.

Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?»
или: «что нам пить?» или: «во что одеться?»,
ибо всего этого ищут язычники;
знает Отец ваш небесный,
что вы нуждаетесь во всем этом¹¹¹.

Жизнь вблизи Отца изгоняет страх и неуверенность. Молясь, дети Божии открывают Ему свои мысли, надежды и скорби. «Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете, стучите, и отворят вам»¹¹².

Если, как говорится в притче Христовой, даже бессердечный судья не смог отказать бедной вдове, которая неотступно просила его, то откажет ли любящий Отец тем, кто обращается к Нему с мольбой? В молитве важна уверенность, что человек будет услышан.

¹⁰⁷ Мф 18,1–4; 19,13–15; Мк 9,33–37; Лк 9,46–48.

¹⁰⁸ Само еврейское слово *эмуна* (вера) означает не уверенность в какой-то отвлеченной истине, а доверие к Богу, верность Ему. От этого же корня слово *аминь*, верно.

¹⁰⁹ Галат 4,6–7; ср. Рим 8,15. Из этих слов явствует, что богосыновство есть нечто *приобретаемое*. Показательно, что в иудейской религиозной литературе слово «Авва» в обращении к Богу не употребляется. (см.: *Guillet J. The Consciousness of Jesus. New York, 1972, p.206*).

¹¹⁰ Мф 16,26; Мк 8,36.

¹¹¹ Мф 6,31–32.

¹¹² Мф 7,7; Лк 11,9.

Есть ли между вами такой человек,
у которого сын его попросит хлеба,
а он подаст ему камень?
Или рыбы попросит,
а он подаст ему змею?
Итак, если вы, будучи злы,
умеете давать дары благие детям вашим,
тем более Отец ваш, Который на небесах,
даст благо просящим у Него¹¹³.

Язычники полагали, что сами боги нуждаются в приношениях. Ветхому Завету эта мысль была глубоко чужда. Вся природа и так принадлежит Творцу. Самый драгоценный дар Ему – сердце человека. Обряды имеют смысл лишь тогда, когда выражают любовь к Создателю. Поэтому и Иисус не отвергал обычая приносить жертвы на алтаре. Он даже указывал, что делать этого нельзя, не примирившись с братом¹¹⁴. Однако примечательно: евангелисты нигде не говорят, что Христос Сам участвовал в жертвоприношениях. Храм для Него был прежде всего «домом молитвы».

Но ни храмовое действо, ни даже совместная молитва не могут заменить общения с Богом наедине, сокровенной беседы с Отцом.

Богу не нужна дань формального поклонения, не нужна респектабельная религиозность, подчиняющаяся обычаю. Иисус предупреждает:

Когда молитесь, не будьте, как лицемеры,
которые любят молиться в синагогах
и стоя на углах улиц,
чтобы показать себя людям...
Ты же, когда молишься,
войди во внутренний покой твой;
и, затворив дверь твою,
помолись Отцу твоему,
Который втайне;
и Отец твой, видящий втайне,
воздаст тебе.
Молясь же, не разглагольствуйте, как язычники;
ибо они думают,
что в многословии своем будут услышаны.
Итак, не уподобляйтесь им,
ибо знает Отец ваш,
в чем вы имеете нужду¹¹⁵.

Если мы и просим чего-либо у Бога, то лишь потому, что исповедуем перед Ним все, что лежит на сердце.

¹¹³ Мф 7,9; Лк 11,11.

¹¹⁴ Мф 5,23–24. Из рассказа о дидрахме (Мф 17,24–27) явствует, что Христос давал положенную денежную жертву на Храм; однако Он считал это не принудительной обязанностью, а свободной жертвой.

¹¹⁵ Мф 6,5–6.

Молиться Иисус учит простыми словами, с любовью и доверием:

ОТЕЦ НАШ, КОТОРЫЙ НА НЕБЕСАХ! Мы дети Твои, и у Тебя наша отчизна.
ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ. Пусть пребудет в нас благоговение к Твоей священной тайне.
ДА ПРИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ, ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ И НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ. Мы ждем, чтобы Ты воцарился во всем Своем Творении, чтобы исполнился Твой замысел и Ты один стал нашим Царем и Господом.
ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ СЕГОДНЯ. Поддержи нашу жизнь сейчас, ибо мы верим, что о завтрашнем дне Ты позаботишься.
И ПРОСТИ НАМ ДОЛГИ НАШИ, КАК И МЫ ПРОСТИЛИ ДОЛЖНИКАМ НАШИМ. Сыновний долг, который мы так плохо платим Тебе, есть ответная любовь. Научи нас любить и прощать друг друга, как Ты любишь и прощаешь нас.
И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ, НО ИЗБАВЬ НАС ОТ ЛУКАВОГО. Огради нас от зла, идущего извне и от нас самих.
ИБО ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВО И СИЛА И СЛАВА ВОВЕКИ. Аминь¹¹⁶.

Заметим, что на первое место в этой молитве ставятся не человеческие желания, а воля Господа. Обращаясь к Нему, люди не должны искать только своего. Сын готов всегда и во всем полагаться на Отца.

Слова «да придет Царство Твое» указывают, что во всей полноте оно еще не наступило. Христос прямо говорит, что в «веке сем» на земле господствуют демонические силы. Сатана донныне остается «князем мира сего»¹¹⁷.

Христос не объяснял, откуда явилось зло, и, следовательно, считал достаточным то, что открыто в Ветхом Завете. Человек призван не столько размышлять о зле, сколько бороться с ним. В Евангелии проблема зла – практическая проблема, жизненная задача, поставленная перед теми, кто ищет согласия с Божиим замыслом.

Заповедь любви

Зло, с которым человек соприкасается теснее всего, живет в нем самом: воля к господству, подавлению и насилию – с одной стороны, и слепая мятежность, ищущая самоутверждения и безграничного простора инстинктам, – с другой. Эти демоны дремлют на дне души, готовые в любой миг вырваться наружу. Их питает ощущение своего «я» как единственного центра, имеющего ценность. Растворение «я» в стихии общества, казалось бы, ограничивает

¹¹⁶ Мф 6,9-13; Лк 11,2-4. Эта молитва была широко распространена среди христиан задолго до появления евангельского текста. Вариации, которые отличают ее у Мф и Лк (в синодальном переводе они сглажены), закрепились, вероятно, уже тогда. Вопрос о том, какая форма более ранняя, остается открытым, хотя многие экзегеты отдают предпочтение Лк. Молитва имеет ряд параллелей и в иудейских текстах.

¹¹⁷ Ин 12,31; 14,30; 16,11.

бунт индивидуума, но при этом – нивелирует, стирает личность. Выход из тупика был дан в библейской заповеди: «Возлюби ближнего, как самого себя». Она призывает к борьбе против звериных эгоцентрических начал, за признание ценности другого «я», к борьбе, которая должна создать высшего человека, «новое творение». Только любовь способна победить сатану.

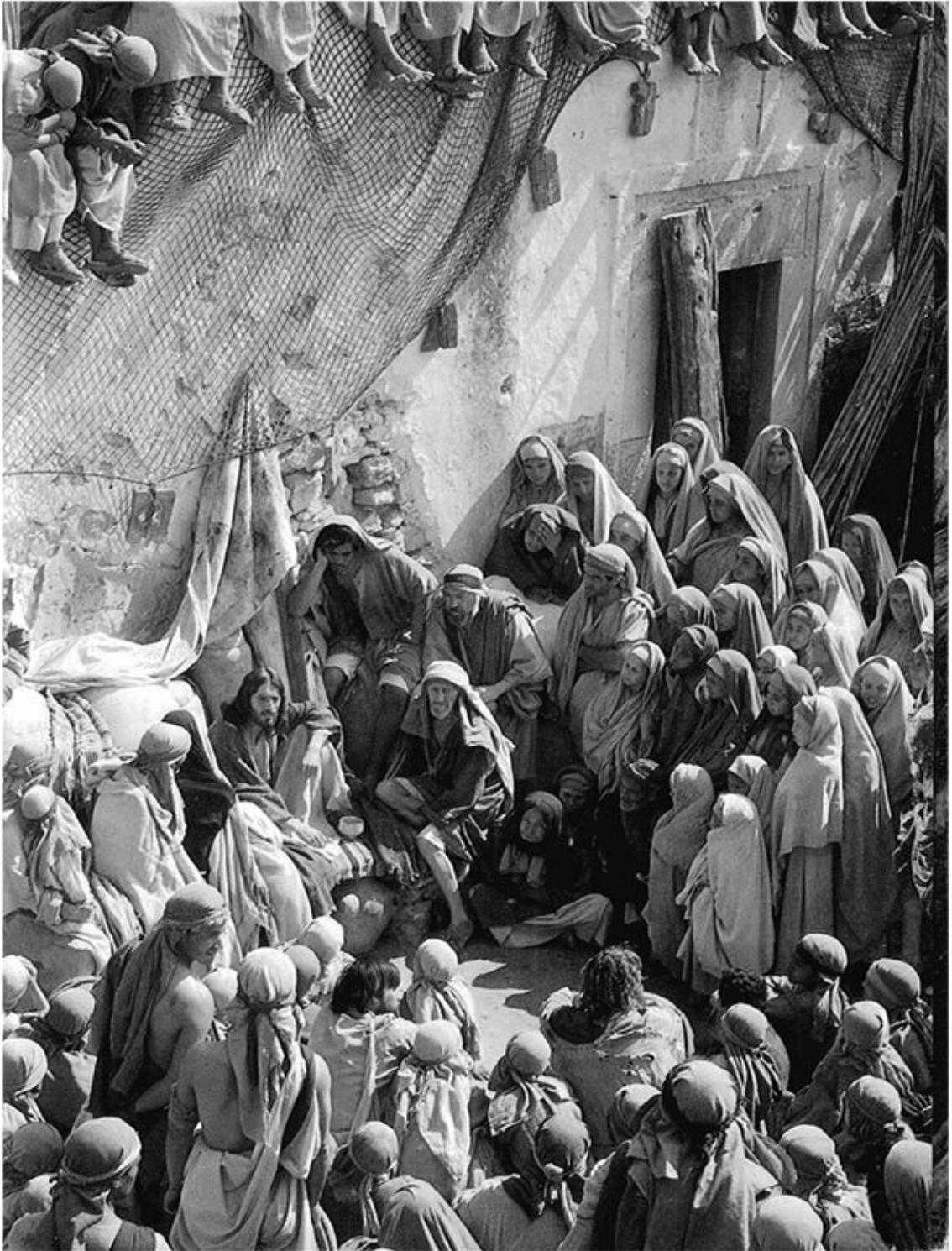
Пусть в окружающем человека мире и в нем самом многое восстает против заповеди о любви; силу для ее исполнения люди найдут у Того, Кто Сам есть Любовь, Кто открылся в Евангелии Иисуса как милосердный Отец.

Подлинная вера неотделима от человечности. Люди, которые забывают об этом, похожи на строителей, соорудивших дом без фундамента, прямо на песке. Такое здание обречено рухнуть при первой же буре¹¹⁸.

Как основу нравственности Иисус сохранил предписания Декалога. «Если хочешь войти в жизнь, соблюдай заповеди», – говорил Он богатому юноше. Кроме того, Он одобрил принцип Гиллея: «Не делай другому того, что не любо тебе самому», однако придал этому изречению оттенок большей активности и действенности. «Во всем, как хотите, чтобы люди поступали с вами, так с ними поступайте и вы»¹¹⁹.

¹¹⁸ Мф 7,25; Лк 6,47–49.

¹¹⁹ Мф 7,12.

Проповедь Христа

Евангелие далеко от негативного морализма с его формальной схемой «добродетели», которая сводится к одним запретам. Блаженный Августин писал: «Люби Бога, и тогда поступай, как хочешь», то есть отношение к людям должно органично вытекать из веры. Познавший Отца не может не любить и Его творение. Более того, Иисус прямо говорит: «То, что вы сделали одному из братьев Моих меньших, – то сделали Мне». Он будет судить не по «убеждениям» людей, а по их делам. Тот, кто служит ближнему, служит Богу, пусть даже он этого не осознает.

А как должны поступать ученики Христовы, если сталкиваются с проступками других людей?

Многие иудейские учителя высказывались против греха осуждения¹²⁰. Иисус всецело одобряет это.

Ожидая прощения от Господа, нужно учиться прощать самому. Хорошо ли поступит тот человек, который, получив от царя прощение большого долга, сам окажется безжалостным кредитором и бросит своего товарища в долговую тюрьму?

При виде слабостей ближнего мы должны не выносить ему приговор, а сострадать, памятуя о собственной греховности. «Не судите, – предостерегает Иисус, – чтобы и вы не были судимы, ибо каким судом судите и какою мерою мерите, так и отмерено будет вам. Что ты смотришь на соринку в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не замечаешь?»¹²¹.

Фарисеи привыкли смотреть свысока на «невежд в Законе». Слово «ам-ха-арец», деревенщина, было у них синонимом нечестивца. С таким человеком они не желали иметь ничего общего. Вместе с ним нельзя было молиться, сесть за стол и – даже накормить его в случае нужды. «Невежда не боится греха, ам-ха-арец не может быть праведным», – говорили ученые¹²². Иисус в этом отношении был полной их противоположностью. Он скорее предпочитал иметь дело с простыми людьми. Более того, все отверженные, все парии общества находили в Нем друга и заступника. Мытари, которых не признавали за людей, и уличные женщины нередко оказывались в числе тех, кто окружал Его. Это шокировало добропорядочных книжников, кичившихся своей праведностью. Слыша их нарекания, Иисус говорил: «Не здоровым нужен врач, а больным. Пойдите и научитесь, что значит: „милосердия хочу, а не жертвы“. Я пришел призвать не праведных, но грешных»¹²³.

Искреннее раскаяние Христос ставил выше успокоенности тех, кто считал себя угодным Богу. Однажды Он рассказал о двух людях, молившихся в Храме. Один – благочестивый фарисей – благодарил Бога за то, что он «не таков, как прочие люди», часто постится, жертвует на Храм и непохож на «этого мытаря». А мытарь стоял вдали, не смея поднять глаз, бил себя в грудь и сокрушенно повторял: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» «Говорю вам, – заключил Иисус притчу, – этот пришел в дом свой оправданным, а не тот. Ибо всякий возносящий себя, смирен будет, а смиряющий себя, вознесен будет»¹²⁴.

Впрочем, раскаяние не должно ограничиваться только словами. Недаром Иоанн Креститель говорил о «плодах покаяния». И снова Иисус приводит пример из повседневной жизни: «У человека было двое детей, и он, подойдя к первому, сказал: „Дитя мое, иди сегодня работай в винограднике“. Он же ответил: „Иду, господин“ – и не пошел. И, подойдя ко второму, он сказал то же. И тот ответил: „Не хочу“, а после раскаялся и пошел. Кто из двух исполнил волю отца?»¹²⁵.

Когда Иисус посетил дом Матфея, где собрались его товарищи, мытари, это вызвало взрыв негодования. На Учителя посыпались упреки. Как может Он делить трапезу с подобными личностями? Однако Иисус еще раз напомнил, что всякая душа заслуживает заботы и сострадания. Забывающие об этом похожи на старшего брата из притчи о блудном сыне, который не радовался возвратившемуся скитальцу.

¹²⁰ «Не суди ближнего своего, – говорил Гиллель, – пока не будешь в его положении» (Авот, II,4).

¹²¹ Мф 7,1–3; Мк 4,24; Лк 6,37–38; 41–42.

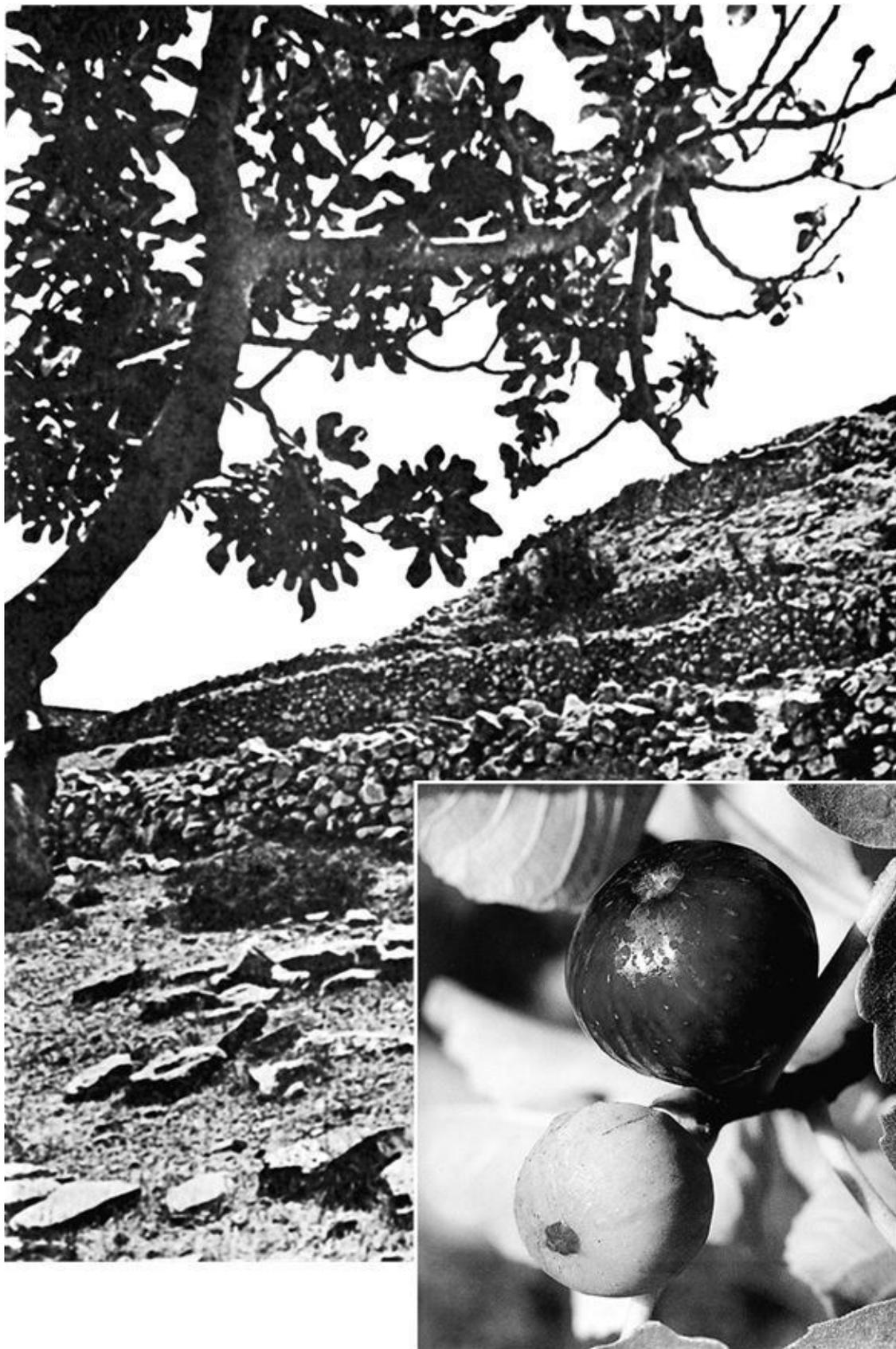
¹²² Авот, II,6.

¹²³ Мф 9,12–13.

¹²⁴ Лк 18,9–14.

¹²⁵ Мф 21,28–31.

Приближая к Себе грешников, Христос хотел пробудить в них раскаяние и жажду новой жизни. Нередко Его доброта и доверие совершали подлинные чудеса.

Смоковница

Как-то раз Учитель проходил через Иерихон. У ворот города Его встречало множество народа. Каждому хотелось, чтобы Иисус остановился в его доме. Один из иерихонцев, по имени Закхей, «начальник мытарей», пытался протиснуться через толпу, надеясь хотя бы одним глазом взглянуть на Учителя, но маленький рост мешал ему. Тогда, забыв о приличиях, он забежал вперед и взобрался на дерево, мимо которого должен был пройти Господь.

Иисус действительно приблизился к этому месту и, подняв глаза, заметил человека, сидевшего на смоковнице. «Закхей, – неожиданно сказал Иисус, – спустись скорее! Сегодня Мне надо быть у тебя».

Не помня себя от радости, мытарь побежал домой встречать Господа, а окружающие стали роптать: «Он остановился у такого грешного человека!»

Но шаг Учителя возымел действие.

– Господи, – сказал Закхей, встречая Его, – половину того, что имею, я даю нищим, а если что у кого несправедливо вынул, возьму вчетверо.

– Ныне пришло спасение дому сему, – ответил Христос, – потому что и он сын Авраамов. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее¹²⁶.

В Капернауме некий фарисей Симон пригласил Иисуса к себе. Во время обеда в комнату вошла женщина, известная в округе своим распутным образом жизни. В руках ее был алебастровый сосуд с драгоценным благовонием; став молча подле Учителя, она заплакала, потом припала к Его ногам, орошая их миром и вытирая распущенными волосами. Слышала ли она слова Иисуса о прощении грешников? Хотела ли отблагодарить Его за милосердие к падшим? Но сцена эта неприятно поразила хозяина. «Если бы Он был пророк, – брезгливо подумал фарисей, – то знал бы, какого сорта женщина прикасается к Нему». Между тем Иисус проник в его мысли.

– Симон, Я имею нечто сказать тебе.

– Скажи, Учитель.

– У некоего заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят. Так как им нечем было заплатить, он простил обоим. Кто же из них больше возлюбит его?

– Полагаю, что тот, кому он больше простил.

– Ты правильно рассудил, – ответил Иисус и пояснил, для чего привел эту притчу. Он указал на разницу между Симоном, который считал себя безупречным и для которого беседа с Иисусом была лишь поводом поспорить, и женщиной, сознающей свое падение. Она потянулась к Тому, Кто может простить ее и спасти от прежней жизни.

Когда же Христос прямо обратился к блуднице со словами: «Прощены твои грехи» – все присутствующие возмутились еще больше. Станный Пророк задал им новую загадку. Разве может отпускать грехи кто-нибудь, кроме Бога? Откуда у этого Назарянина право говорить с такой властью?¹²⁷

Но они пришли бы в еще большее негодование, если бы услышали, как толкует Иисус священные заповеди Закона.

¹²⁶ Лк 19,1-10. Из слов Закхея можно заключить, что и прежде, прислушиваясь к укорам совести, он занимался благотворительностью. Его обещание относится к злоупотреблениям, связанным с его профессией сборщика налогов.

¹²⁷ Лк 7,36–50. Рассказ о женщине, помазавшей ноги Иисуса благовониями, приводится в Евангелиях в нескольких вариантах (Мф 26,6-13; Мк 14,3–9; Ин 12,1–8). Некоторые экзегеты думают, что в данном случае предание по-разному рассказывает об одном и том же событии. Но более вероятно, что были два «помазания» – одно в доме фарисея Симона, а другое в Вифании.

Старое и новое

Многие поколения иудейских богословов пытались точно определить число заповедей, содержащихся в Торе, а некоторые из них полагали, что есть заповеди, которые выражают самую основу веры¹²⁸. Поэтому один из книжников решил узнать мнение Иисуса и тем самым получить ясное представление о взглядах галилейского Наставника.

– Учитель, – спросил он, – какая заповедь первая из всех?

– Первая есть, – ответил Христос, – «Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Бог единый, и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумом твоим, и всею крепостью твоею»¹²⁹. И вот вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Нет другой заповеди, большей этих. На этих двух заповедях держатся Закон и Пророки¹³⁰.

– Прекрасно, Учитель, – вынужден был согласиться книжник. – Истинно Ты сказал, что Он один и нет другого, кроме Него; и любить Его всем сердцем, и всем разумением, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, больше всех всесождений и жертв¹³¹.

Отвечая книжнику, Христос определил Свое отношение к древнему Моисееву Закону, и из Его слов становится понятным, почему Он хотел сохранить его. Когда речь заходила о Писании, Иисус говорил прямо:

Не подумайте, что Я пришел
упразднить Закон или Пророков;
Я пришел не упразднить, но *исполнить*¹³².
Ибо истинно говорю вам:
пока не пройдут небо и земля,
ни одна иота или ни одна черта не пройдет в Законе,
пока все не сбудется...
Если ваша праведность не будет
больше праведности книжников и фарисеев,
не войдете в Царство Небесное¹³³.

Таким образом, Христос учил о Библии как о божественном Откровении и признавал необходимость живого церковного предания, которое раскрывало бы ее смысл. Именно поэтому Он говорил народу о фарисеях: «Все, что они скажут вам, исполняйте». Но если книжники часто прибавляли к Закону сотни мелочных правил, то Иисус возвращал Ветхий Завет к *его истокам*, к Десяти заповедям Синая, к подлинному Моисееву наследию, сохраненному пророками. Притом Он относился бережно и к внешним предписаниям, не желая соблазнять «малых сих» и порывать с традицией. «Никто, – замечал Иисус, – испив старого (вина), не захочет молодого, ибо говорит: старое лучше»¹³⁴. Тем не менее, толкуя Тору, Он переносил центр тяжести из сферы церемоний в область духовно-нравственную. Более того, Он углублял и дополнял этические требования Закона.

¹²⁸ Талмуд, Макот, 24.

¹²⁹ См. выше с. 21.

¹³⁰ «Закон и Пророки» – синоним Ветхого Завета.

¹³¹ Мф 22,35–40; Мк 12,28–33; Лк 10,25–28.

¹³² *Πληρώσαι* – наполнить, восполнить, завершить, придать полноту; от *πλήρωσις* – полнота. См. приложение 3, с. 394 сл.

¹³³ Мф 5,17 сл., ср. Лк 16,17.

¹³⁴ Лк 5,39. О нежелании Иисуса Христа соблазнять людей резким отвержением традиций свидетельствуют Его слова у Мф 17,27.

Если Закон воспрещал убийство, то Иисус призывает изгонять из сердца ненависть – корень преступления. Если Закон осуждал нарушение верности брака, то Иисус говорит об опасности порочных чувств. Если Закон требовал соблюдения клятвы, то Иисус вообще считает ее излишней:

Да будет же слово ваше
«да – да», «нет – нет»,
а что сверх этого – от лукавого¹³⁵.

В языческих кодексах кара часто была более тяжелой, чем само преступление. Ветхий Завет положил в основу закон справедливости: «Око за око – зуб за зуб». Иисус отделяет уголовное право от нравственности, где действуют иные принципы. Людям свойственно ненавидеть врагов, но дети Божии должны побеждать зло добром. Им следует бороться с мстительными чувствами. Мало того, они должны желать добра своим обидчикам. Это высший подвиг и проявление подлинной силы духа, уподобление Самому Творцу.

Любите врагов ваших
и молитесь за гонящих вас,
чтобы стать вам сынами Отца вашего,
Который на небесах,
потому что солнце Свое Он возводит над злыми
и добрыми
и изливает дождь на праведных и неправедных.
Ибо, если возлюбите любящих вас, какая вам
награда?
Не то же ли самое делают и мытари?
И если приветствуете только братьев ваших,
что особенного делаете?
Не то же ли самое делают и язычники?
*Итак, будьте совершенны,
как совершен Отец ваш Небесный*¹³⁶.

Вот – захватывающая дух высота, куда Христос призывает человека.

Закон считал «ближним» только соплеменника и единоверца. Но Христос не ограничивает это понятие столь узкими пределами. Когда один книжник спросил Его: «Кто мой ближний?», вместо ответа Он рассказал об иудее, который попал однажды в руки грабителей.

¹³⁵ Мф 5,21–37. Следует отметить, что *новой*, в точном смысле слова, Христос назвал только заповедь о самоотверженной любви (Ин 13,34). Те же комментаторы, которые считают, что вне Евангелия речь шла лишь о *поступках* человека, а не о его внутренних побуждениях, игнорируют данные источников (ср., напр., Быт 4,5–7). Даже такой краткий кодекс, как Декалог, говорит о сердечном грехе (зависти). В Талмуде сказано: «Страсть вначале – как бы чужой, после – гость, и наконец хозяин дома» (Сукка, 52). Отметим также, что евангельский взгляд на клятву совпадает с ессеиским (см.: *И. Флавий*. Иудейская война, II,8,6).

¹³⁶ Мф 5,44–48. Слова Христа о непротивлении злу иногда истолковывались (напр., Л.Толстым) в смысле полной пассивности. Между тем мы видим, что Сам Христос такой пассивности не проявлял. Он изгнал бичом торгующих в Храме; Он протестовал, когда слуга первосвященника ударил Его по лицу; Он говорил о великой любви тех, кто «положит свою жизнь» за ближних (Ин 15,13). Поэтому Его слова о снесении оскорбления следует понимать как призыв побеждать зло добром; ср. Рим 12–21. В этом пункте Евангелие согласно с учением лучших из законников: «Подражайте свойствам Божиим: как Он милосерд, будьте и вы милосердны» (Сота, 14), «плати добром за зло» (Шемот Рабба, 22).

Ослабев от ран, лежал он у дороги и с горечью видел, как священник и храмовый служитель равнодушно прошли мимо него. Меньше всего он ожидал сочувствия от самарянина, ехавшего вслед за ними. Мог ли этот иноплеменник и еретик оказаться лучше жреца и левита? Однако тот остановился и, не спрашивая ни о чем, помог пострадавшему: перевязал его раны, довез на своем муле до гостиницы и заплатил за него вперед.

– Кто из этих троих, – спросил Иисус книжника, – думается тебе, оказался ближним попавшему в руки разбойников?

– Сотворивший ему милость, – не мог не признать тот.

– Иди и ты поступай так же.

Христос заставил его самого прийти к мысли, что «братом» и «ближним» может быть любой человек¹³⁷.

Он постепенно приучал Своих последователей и к новому, непривычному для них взгляду на язычников. Так, Он не скрыл Своей радости, узнав об эллинах, которые искали с Ним беседы, а накануне Своих страданий Христос скажет, что Его Евангелие должно быть «проповедано во свидетельство всем народам».

Когда римлянин, офицер капернаумского гарнизона, прося Иисуса исцелить его слугу, сказал, что достаточно лишь одного Его слова, Христос заметил: «Я и в Израиле не нашел такой веры», а потом добавил: «Говорю вам, что многие придут с Востока и Запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, сыны же Царства низвергнуты будут во тьму внешнюю»¹³⁸. Эти слова звучали как вызов тем, кто считал только израильтян достойными любви Божией.

Неприятие «чужаков», в какие бы одежды оно ни рядилось, есть инстинкт, который преодолевается людьми с величайшим трудом. Евангелие же недвусмысленно призывает бороться с национальной исключительностью и тем самым продолжает проповедь Амоса, Исаяи и Иоанна Крестителя.

Выдвигая на первое место духовную сущность Закона, Христос вернул первоначальный смысл и предписанию о *субботе*.

Человек наших дней не всегда может оценить значение этой заповеди. Привыкнув к установленным дням отдыха, мы забываем, чем была для древних суббота. Она не позволяла повседневным заботам захлестнуть душу, предоставляя время для молитвы и размышления; она давала перерыв в труде всем: и свободным, и рабам, и даже домашним животным.

Однако была здесь и оборотная сторона. Многие набожные люди, храня святость «седьмого дня», стали придавать ему преувеличенное значение.

Во время Маккавейской войны группа повстанцев предпочла умереть, «не бросив камня», чем сражаться в субботу, и была поголовно истреблена. Тогда вдохновитель борьбы за веру священник Маттафия решил действовать иначе. «Будем биться в субботу», – сказал он. И среди фарисеев не раз звучали голоса протеста против утрирования законов о покое. «Суббота вручена вам, а не вы – субботе», – говорил один из них¹³⁹. И все же уставные запреты продолжали расти, затемняя цель благословенного Божиего дара. Педанты буквально парализовали жизнь в субботу. Особенно усердствовали ессеи. Они считали, например, что если человек или животное упали в яму в субботу, вытаскивать их можно только на другой день¹⁴⁰.

¹³⁷ Лк 10,25–37.

¹³⁸ Ин 12,20; Мф 8,5-13; Лк 7,1-10.

¹³⁹ Иома, 85а; 1 Мак 2,32–41.

¹⁴⁰ См. кумранский текст, именуемый «Дамасским документом», X–XI. Позднейшие учителя иудейства пытались дать субботним запретам богословское обоснование в том смысле, что человек, соблюдая праздничный покой, отказывается от любых действий, связанных с его властью над природой. Тем самым он исповедует свою зависимость от Создателя. Однако ничто не указывает на существование подобной идеи в евангельскую эпоху.

Христос видел в подобных взглядах искажение духа Моисеевой заповеди. «Суббота создана для человека, а не человек для субботы», – говорил Он.

Однажды в субботу ученики Иисусовы, проголодавшись, стали срывать колосья, перетирать их и есть зерна. Фарисеи сочли это разновидностью молотбы и спросили: «Почему ученики Твои нарушают субботу?» Тогда Учитель напомнил им, что и Давид, когда остался со своей дружиной без пищи, взял жертвенные хлебы, а ведь их полагалось есть только священникам. Царь поступил правильно, потому что человеческая нужда важнее обрядовых запретов¹⁴¹.

Несколько раз Иисус совершал исцеления в субботу и тем вызвал протесты законников. Они стали пристально следить за Ним, чтобы публично бросить Ему упрек в неуважении к Закону. Напрасно Он ссылался на то, что и некоторые важные обряды в субботу не отменяются, напрасно объяснял им, что помощь людям всегда есть дело Божие. Он спрашивал фарисеев: «Разве кто из вас, у кого сын или вол упадет в колодец, не вытащит его в день субботний?»¹⁴² Они не могли найти убедительных возражений, однако стояли на своем.

Иногда Иисус намеренно вызывал богословов на спор. В синагогу пришел человек с парализованной рукой, надеясь получить исцеление от Учителя. Был праздничный день, и ревнители Закона ждали: как поступит Назарянин? Он же велел больному выйти на середину и задал присутствовавшим вопрос: «Дозволяется ли в субботу делать добро или зло? Спасти жизнь или погубить?». «Они, – пишет евангелист Марк, – молчали. И, обведя их гневным взглядом, скорбя об огрубении сердец их, говорит человеку: „Протяни руку твою!“ И он протянул, и восстановилась рука его. И, выйдя, фарисеи тотчас же вместе с иродианами вынесли против Него решение, чтобы погубить Его»¹⁴³.

Наибольшее негодование вызывали слова Иисуса: «Сын Человеческий – господин и субботы». Из них следовало, что Ему принадлежит власть судить о Законе.

Может показаться, будто Иисус, поступая так, посягал на церковную традицию и исключал для правоверных всякую возможность принять Его учение. На самом же деле основы этой традиции *не были нарушены* Христом. Ветхий Завет признавал авторитет *личного Откровения*. Все пророки учили именно в силу такого исключительного дара и посланничества¹⁴⁴. Наступление эры книжников не означало, что прекратилось действие Духа Божия. Поэтому-то в Талмуде такое огромное значение придавалось мнениям отдельных учителей. Нередко их высказывания ставились наравне с Торой и *даже выше ее*. Согласно Тосефте¹⁴⁵, допускалось, чтобы раввин отменял *часть* постановлений Закона¹⁴⁶.

Следовательно, проповедь Христа не шла вразрез с принципами ветхозаветного учительства даже тогда, когда Он прямо настаивал на *отказе* от некоторых правил Торы. В частности, это касалось ритуальных ограничений в пище. Эти законы были введены в древности для отделения ветхозаветной Церкви от иноверцев. Но с каждым поколением они усложнялись, став под конец трудновыполнимой системой табу¹⁴⁷.

¹⁴¹ Мф 12,1–6; Мк 2,23–28; Лк 6,1–5.

¹⁴² Лк 13,15; 14,5; Мф 12,11. Обрезание совершается несмотря на субботу – учили раввины (Тосефта к Шаббат, 15).

¹⁴³ Мк 3,1–6. «Иродиане» действовали в данном случае как представители светской власти (Ирода Антипы).

¹⁴⁴ Ср.: Амос 7,10–15.

¹⁴⁵ Древний сборник раввинских толкований.

¹⁴⁶ Санхедрин, XI,3; Тосефта к нему 14,13. Иудеи в ту эпоху уже фактически отказались от соблюдения многих параграфов уголовного кодекса, содержавшегося в Пятикнижии. Эти законы отражали уровень древневосточного правового сознания и в более поздние эпохи перестали соответствовать потребностям дня. Едва ли можно считать, что судебник Пятикнижия есть во всех своих подробностях плод божественного Откровения (см. выше приложение 3). Целый ряд уголовных принципов Торы заимствован из месопотамских и др. судебных кодексов. См., в частности, параллели между кодексом вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) и законами, приведенными в 20–23 гл. Исхода, указанные в кн.: Волков И. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914, с.70 сл.

¹⁴⁷ В качестве примера можно привести запрет «варить козленка в молоке матери его» (Исх 34,26). Происхождение его некоторые связывают с тем, что это блюдо было готовится во время какого-то ритуала пастухов-язычников (см.: Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. Пер. с англ. М.—Л., 1931, с.341 сл.). В раввинской же традиции запрет стали относить уже

Хотя деление пищи на «чистую» и «нечистую» исходило из Библии, Иисус со всей решительностью объявил его устаревшим. «Нечистыми» могут быть только мысли, побуждения и поступки людей.

Слушайте и разумеете:
не то, что входит в уста человека,
оскверняет человека,
а то, что исходит из уст...
Ибо из сердца исходят злые мысли,
убийства, прелюбодеяния,
блудодаяния, кражи, лжесвидетельства и хулы.
Это оскверняет человека¹⁴⁸.

Столь ясно выраженная мысль оказалась непосильной даже для людей, ближе всех стоявших к Иисусу. Много лет спустя Петр все еще испытывал страх перед нарушением законов о «нечистой пище»¹⁴⁹.

Так же мало значения Иисус придавал ритуальному мытью рук, которое считалось обязательным у набожных иудеев. Что касается постов, то Он хотел, чтобы люди не ставили их себе в заслугу. В древнейшие времена пост был знаком скорби, но в евангельскую эпоху его рассматривали как признак благочестия.

Ученикам Крестителя казалось странным, что Иисус не заставлял Своих последователей соблюдать посты, как это делал их наставник. «Могут ли сыны чертога брачного поститься, когда с ними жених?» – возражал им Иисус. Ведь аскеза есть *средство*, а не цель; цель – это близость к Богу. Те же, кто находится рядом с Сыном Человеческим, достигли ее, и поэтому пост им не нужен. Впрочем, Он не порицал аскезы и Сам постился, когда был в пустыне. Знал Он, что и для учеников Его наступят трудные дни, когда пост станет им необходим¹⁵⁰.

Так в толковании Ветхого Завета проступали контуры Нового. В свете Евангелия бледнели и теряли значение многие старые правила и обряды. Они отживали свой век, хотя законники всеми силами противились этому, отождествляя Истину с религиозно-национальным строем одного народа. «Никто, – говорил Иисус, – не ставит заплату из новой ткани на ветхой одежде. Пришитый кусок ее разорвет, и дыра будет хуже. И не наливают вино молодое в мехи ветхие, иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но наливают вино молодое в мехи новые, и сохраняется то и другое»¹⁵¹.

Старое не отбрасывается полностью, но рядом с ним возводится иное здание, которому прежнее служит лишь преддверием. Иисус не лишает религию формы, но всегда указывает на первенство любви, веры, внутреннего духовного устройства.

Был еще один пункт, в котором Евангелие противопоставлялось Ветхому Завету. Закон признавал за мужем право оставлять жену по любому, порой самому ничтожному поводу. Это было отражением патриархального права, царившего на Востоке. Хотя в Библии высоко ставились любовь и женская честь, а мать окружалась почитанием, положение женщины, согласно Закону, немногим отличалось от принятого в других странах. Муж именовался *баал*, госпо-

ко всякому смешению мяса и молока. Их не только нельзя было готовить вместе, нельзя было даже ставить на стол рядом посуду, употребленную для молока и для мяса.

¹⁴⁸ Мф 15,10–11; 19–20; ср. Рим 14,14.

¹⁴⁹ Деян 10,9–15.

¹⁵⁰ Мф 9,14–15; Мк 2,18–20.

¹⁵¹ Мф 9,16–17; Мк 2,21–22.

дин; жена была почти его собственностью, наряду со слугами и домашним имуществом. Этим объясняется параграф Закона, облегчающий мужу расторжение брака.

Книжники, догадываясь, что Иисус смотрит на развод иначе, вовлекли Его в дискуссию. Ответ Учителя касался бы не только Закона, но и политики, поскольку задевал самого тетрарха. Антипа оставил свою жену, чтобы жениться на Иродиаде. Иоанн Креститель пострадал именно за то, что осудил поступок правителя.

Иисус в категорической форме отверг мысль, будто Моисеев Закон *одобряет* развод. По Его словам, Моисей в данном случае сделал уступку «жестокосердию» людей¹⁵².

Иисус начертал перед Своими слушателями идеал брака. Брак установлен Творцом и, вопреки ходячему мнению, не является лишь служебным средством для рождения детей. Когда «двое становятся одной плотью»¹⁵³, это есть чудо, божественный дар, которым обладают только люди. «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает». Супружеское единство может быть разрушено лишь неверностью.

Этот принцип даже ученикам показался невыполнимым. В таком случае вообще лучше не жениться, решили они. «Не все вмещают слово это, но кому дано», – ответил Иисус. Как и Моисей, Он видел несовершенство и слабость человека, однако не намерен был ради этого снижать идеал. Допускал Он и безбрачие, которое рассматривал как особое призвание¹⁵⁴. В то же время многие из Его апостолов, в частности Петр и Филипп, были женаты. Первые христиане именовали семью «домашней Церковью». Сам Христос отказался от брака не для того, чтобы унижить его, а прежде всего потому, что целиком принадлежал Отцу и Своему посланничеству. Его любовь обнимала каждого человека.

¹⁵² Это очень важное свидетельство, идущее против народного убеждения, будто *вся* Тора получена Моисеем непосредственно с Неба. См. приложение 3.

¹⁵³ Слово «плоть» в Библии обычно обозначает всего человека.

¹⁵⁴ Мф 19,3-12; Мк 10,2-12.

Вход в Силоамскую купель

Новое отношение к женщине Христос утвердил еще в самом начале Своего служения.

Идя в Галилею из Иерусалима, Он проходил через земли самарян¹⁵⁵. Знойным полднем, утомившись после пути, Иисус сел отдохнуть у старого колодца, из которого местные жители с незапамятных времен брали воду. Ученики, оставив Его, отправились раздобыть пищи.

В их отсутствие к источнику подошла самарянка с кувшином. Она очень удивилась, когда Странник попросил у нее напиться. Ведь иудеи, подобно нынешним старообрядцам, считали недопустимым пользоваться одним сосудом с иноверными. В ответ Незнакомец сказал, что Сам может дать ей «живой воды», напившись которой она не будет больше испытывать жажды.

¹⁵⁵ Ин 4,4-34.

Простодушная женщина поняла эти слова буквально. – Господин, – сказала она, – дай мне этой воды, чтобы мне не жаждало и не приходило сюда черпать.

– Иди, позови мужа твоего и приходи сюда.

– У меня нет мужа.

– Хорошо ты сказала: «у меня нет мужа», ибо было у тебя пять мужей и тот, который у тебя теперь, тебе не муж. Это ты правду сказала.

Самарянка поняла, что Собеседнику открыта печальная повесть ее жизни. Ей тут же пришло в голову задать Ему вопрос о старой расправе между самарянами и иудеями.

– Господин, вижу, что Ты пророк. Отцы наши на этой горе поклонялись Богу, а вы говорите, что в Иерусалиме то место, где должно поклоняться¹⁵⁶.

– Верь Мне, женщина, что приходит час, когда не на этой горе и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы поклоняетесь тому, чего не знаете, мы поклоняемся тому, что знаем; ибо спасение от иудеев. Но приходит час, и теперь есть, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо и Отец ищет, чтобы такими были поклоняющиеся Ему. Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

– Знаю, что Мессия грядет, – ответила она. – Когда придет Он, то возвестит нам все.

– Это Я, говорящий с тобою, – сказал Иисус...

В этот момент к колодцу подошли ученики. Их поразило, что Учитель беседует с самарянкой. Она же, взволнованная, поспешила в город, чтобы рассказать о встрече соплеменникам.

– Равви, ешь! – предложили ученики.

– У Меня есть пища, которую вы не знаете.

Они переглянулись. Кто мог накормить Его в этом негостеприимном месте? Но еще больше удивились они, узнав, что не им, а этой простой женщине, к тому же блуднице и еретичке, Он впервые прямо сказал о Себе как о Мессии и посвятил ее в сущность вечной религии духа...

Для Сократа женщина была лишь тупым назойливым существом, а Будда не разрешал своим последователям даже смотреть на женщин. В дохристианском мире женщины чаще всего оставались молчаливыми рабынями, жизнь которых была ограничена изнурительным трудом и домашними заботами. Не случайно в одной из иудейских молитв были слова: «Благодарю Тебя, Боже, что Ты не создал меня женщиной...».

Христос возвращает женщине отнятое у нее человеческое достоинство и право иметь духовные запросы. Отныне ее место не только у семейного очага. Поэтому среди ближайших последователей Иисуса мы видим немало учениц, преимущественно галилеянок. Евангелия сохранили имена некоторых из них: Мария из Магдалы, которую Господь исцелил от «семи бесов»; мать Иоанна и Иакова – Саломея; сестра Девы Марии – Мария Клеопова; Сусанна; Иоанна – жена Хузы, домоправителя Антипы¹⁵⁷. Самые состоятельные из них оказывали поддержку маленькой общине.

Однако Иисус не хотел, чтобы их роль ограничивалась этим.

При посещении Иерусалима Он сблизился с семьей некоего Элеазара, или Лазаря, который жил близ города в поселке Вифания с сестрами Марфой и Марией. Учитель любил их дом, под кровом которого нередко находил отдых. Однажды, когда Он пришел к ним, Марфа начала хлопотать об угощении, а Мария села у ног Учителя, чтобы слушать Его слова. Видя это, старшая сестра обратилась к Нему:

¹⁵⁶ Самаряне считали законным местом богослужения не Иерусалим, а гору Гаризим, где в IV в. до н. э. построили храм. В 130 г. до н. э. он был разрушен хасмоняями.

¹⁵⁷ Мк 16,9; Лк 8,2–3; Ин 19,25; Мф 20,20.

– Господин, Тебе дела нет, что сестра меня одну оставила служить? Скажи ей, чтобы она мне помогла.

– Марфа, Марфа, – ответил Иисус, – заботишься ты и беспокоишься о многом, а одно только нужно. Мария же благую долю избрала, которая не отнимется от нее¹⁵⁸.

Поучительно, что даже противники Иисуса, хотя и видели Его в окружении женщин, не осмеливались клеветать на Него. Это одна из поразительных черт евангельской истории. «Тот, Кто однажды покорит ветер и море, – пишет Франсуа Мориак, – обладал властью воцарять великий покой в сердцах... Он умирал начинающиеся сердечные бури, ибо иначе в Нем поклонялись бы не Сыну Божию, а человеку среди людей»¹⁵⁹.

Впоследствии, когда настал час испытания, первые женщины-христианки не покинули Господа, как прочие ученики. Они были на Голгофе в момент Его смерти, проводили Учителя до места погребения, и им первым была открыта пасхальная тайна...

Евангелие разрушило преграды, издавна разделявшие людей. Тем, кто соблюдал обряды Закона и кто не знал их, иудеям и чужеземцам, мужчинам и женщинам – каждому оно открывало дорогу в Царство Христово, где становилась второстепенной принадлежность к нации, сословию, полу, возрасту. Созерцая это чудо, апостол Павел восклицал: «Здесь нет эллина и иудея, нет обрезания и необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всех – Христос!»¹⁶⁰.

Земная жизнь и жизнь вечная

Уверенность в том, что существует иная жизнь, которая продолжается и после распада тела, была свойственна людям с глубокой древности. Такие мыслители, как Платон и Посидоний, впервые дали этому взгляду философское обоснование. Они утверждали, что наш земной путь есть лишь прелюдия вечности. Платон даже называл умение готовиться к смерти главной добродетелью мудреца¹⁶¹.

Ветхозаветная религия в этом смысле представляла собой исключение. Очень долго она не находила ответа на вопрос о посмертной участи человека. В результате иудеи вынуждены были заимствовать понятие о загробном мире у других народов. Халдеям и гомеровским грекам он рисовался в виде подземной области, где тени умерших влечат полусонное существование. По этому образцу в Ветхом Завете было создано представление о *Шеоле*, Преисподней. Настоящее же «продолжение жизни» видели главным образом в потомках¹⁶².

До тех пор, пока личность еще не отделяла себя от целого, от племени, человек мог мириться с идеей родового бессмертия. Но с углублением индивидуального сознания она стала вызывать протест. Вопль Иова – потрясающее свидетельство о религиозном кризисе, через который пришлось пройти Израилю. Праведники страдают, а злые торжествуют. Где же искать правду Божию? Только в потустороннем? Но этого соблазна Ветхий Завет избежал. Отказаться от веры в справедливость и благодать Сущего было тоже немислимо. Значит, благая воля Творца должна быть неисповедимым образом явлена здесь, на земле...

Таково было состояние умов в Израиле, когда около IV века до н. э. он в первый раз услышал благовестие о вечной жизни. Но не «бессмертие души» открылось ему, а грядущее

¹⁵⁸ Лк 10,38–42. Этот эпизод, между прочим, показывает, что и синоптики знают о посещении Иисусом Иудеи до Страстной недели, хотя прямо об этом говорит лишь Иоанн (см. приложение 1, с. 368).

¹⁵⁹ Mauriac F. La vie de Jésus, Paris, 1961, p.41.

¹⁶⁰ Кол 3,11.

¹⁶¹ См.: Мень А. Дионис, Логос, Судьба. Брюссель, 1972, гл. XX; М., 2002.

¹⁶² См.: Втор 32,22; Пс 87,6-13; Иов 10,21–22; 26,5; 30,23–24; 38,17.

возрождение, *воскресение* целокупного человека, когда и дух, и плоть, и все творение Божие смогут стать причастными вечности¹⁶³.

Иудейские богословы освоились со столь новым для них представлением не сразу. Автор Евангелия от Матфея и Иисус, сын Сирахов, так и не смогли принять его. Только во II веке до н. э. оно превратилось в догмат иудаизма, составную часть его церковного предания. Впрочем, саддукеи решительно отказались переосмыслить взгляд на посмертие и сохранили прежнее понятие о Шеоле.

Иисус Христос полностью подтвердил веру в воскресение из мертвых. Однако, постоянно указывая на реальность «будущего века» и на победу Бога над тлением, Он не проповедовал спиритуализма, для которого земная жизнь – призрак.

Евангелие учит не только о потустороннем, а и о том, как нам должно жить сегодня.

Бессмертие, воскресение, Царство Божие неотделимы от того, что совершается в этом мире. Если человек станет пренебрегать своим земным служением, это будет изменой его призванию. С другой стороны, тех, кто все силы отдает только материальному, ждет неминуемая катастрофа.

Жизнь коротка. В любой момент от нас могут потребовать отчета. Чтобы напомнить об этом, Иисус рассказал притчу о богаче, который помышлял лишь о том, чтобы в его житницах было больше зерна. Однажды, в урожайный год, он задумал построить себе новые амбары, но именно тогда пробил его смертный час, и все хлопоты пошли прахом. «Таков, – заключает Иисус, – собирающий сокровища себе, а не в Бога богатеющий»¹⁶⁴.

Алчность, погоня за земными благами делает человека ущербным; забывая о нетленных сокровищах духа, он обворовывает себя. Нет ничего страшнее этой слепоты.

Горе вам, богатые... Горе вам, пресыщенные ныне!..
Горе вам, смеющиеся ныне!
Ибо восплачете и возрыдаете...
Не собирайте себе сокровищ на земле,
где моль и тля разрушают
и где воры подкапывают и крадут,
но собирайте себе сокровища на небе,
где ни моль, ни тля не разрушают
и где воры не подкапывают и не крадут;
ибо, где сокровище твое, там будет и сердце твое¹⁶⁵.

Христос призывал к внутренней независимости от тленных вещей. «Истина делает вас свободными», – говорил Он¹⁶⁶.

¹⁶³ Пс 72; Ис 25,8; 26,14–19. Эти части книги написаны, по мнению большинства библеистов, в IV–III вв. до н. э. В Книге Даниила (12,2 сл.) и во 2 Маккавейской Книге (7,9) вера в Воскресение уже возмещается как нечто давно принятое. Ср.: Лк 14,14; Ин 11,24; Мишна, Санхедрин, X,1. Существовало представление о двух этапах Воскресения: сначала «восстают» праведники, а затем все человечество. Этот взгляд был принят и в ранней Церкви (ср. Откр 20,6). (см.: Мень А. На пороге Нового Завета, гл. XIII–XVI).

¹⁶⁴ Лк 12,16–21.

¹⁶⁵ Лк 6,24 сл.; Мф 6,19–21.

¹⁶⁶ Ин 8,32. На вопрос, является ли Евангелие аскетическим мироотрицающим учением или оно приемлет мир, однозначного ответа дать нельзя. «Христианское приятие мира, – говорит еп. Кассиан, – вытекает из представления о Боге как Творце и Промыслителе (ср. Деян 16,15–17; 17,24–28). Ап. Павел учил, что Бог познается через созерцание творения (Рим 1,20). Аскетической практике еретиков дуалистического толка он противопоставлял положение: „всякое творение Божие благо“ (1 Тим 4,4), потому и благо, что Божие. Без этой предпосылки о благе созданного Богом мира перестает быть понятным и земное служение Христово, и Его учение, запечатленное в Евангелии. Если мир есть зло, какой смысл имели бы Его чудеса:

Во времена пророков вокруг них группировались люди, которые презирали стяжательство и называли себя «духовными бедняками». Они не были нищими в обычном смысле слова, но праведниками, желавшими освобождения от целей суетности¹⁶⁷.

Таковыми же, по словам Христа, должны быть и Его ученики. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Они «нищие», ибо сознают, что нуждаются в благодатных дарах Духа и полны надежды получить эти дары.

Однажды к Иисусу подошел юноша из знатной семьи и, низко поклонившись, сказал:

– Учитель благой, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

– Что ты Меня называешь благой? – сказал Иисус. – Никто не благ, кроме одного Бога¹⁶⁸.

Ты знаешь заповеди: «Не убей, не прелюбодействуй, не обманывай, почитай отца и мать».

– Учитель, все это я сохранил от юности моей. Чего еще недостает мне?

Иисус пристально посмотрел на молодого человека, который сразу Ему понравился, и сказал:

– Одного тебе недостает. Если хочешь быть совершенным, иди, все, что имеешь, продай и отдай нищим, и будешь иметь сокровище на небе; и приходи, и *следуй за Мной*.

Юноша оказался очень богатым, и оставить привычный образ жизни было для него слишком большой жертвой. Призыв застал его врасплох.

Стараясь пробудить его совесть, Иисус сказал:

– Как можешь ты говорить, что исполнил Закон и Пророков? Ведь в Законе сказано: «люби ближнего, как самого себя», – а вот множество твоих братьев, детей Авраамовых, одеваются в жалкие лохмотья и умирают с голода, а твой дом ломится от богатства, откуда ничего не исходит для них¹⁶⁹.

Но юноша так и ушел, погруженный в печальные мысли.

– Дети, – сказал после этого Иисус ученикам, – как трудно будет имеющим богатство войти в Царство Божие. Легче верблюду пройти через игольное отверстие, чем богатому в Царство Божие.

Эти слова встревожили их. Ведь и сами они рассчитывали на привилегии и награды при дворе Мессии. Непосредственный Петр выразил общее беспокойство. В отличие от молодого богача они бросили все и пошли за Иисусом. На что же теперь можно им надеяться?

Иисус ответил многозначительной и загадочной фразой: всякий, кто оставил ради Него и Евангелия мать, отца, детей, дом, в будущем обретет во сто раз больше «домов, матерей и братьев»...

Христос потребовал от богатого юноши «раздать все», потому что намеревался сделать его своим апостолом. Другим же людям: фарисею Никодиму, начальнику синагоги Иаиру, Иосифу Аримафейскому, Иоанне, жене Хузы, – Он не предлагал жить в бедности. Следовательно, она вовсе не являлась обязательным условием спасения. Тем не менее Иисус часто говорил об опасности стяжания. Он видел зло не в самом имуществе, а в порабощении сердца.

насыщение голодных, исцеление болящих? Христос любил мир... Но приятие мира в христианстве оставляет место и для его отвержения. Если я отрекаюсь от мира для всецелого служения Богу, это значит, что я высшей ценности приношу в жертву низшую. Речь идет не об осуждении мира, а о иерархии ценностей. Низшая ценность, которой я предпочитаю высшую, не перестает быть ценностью. Аскетический опыт Церкви получает свой истинный смысл только при условии положительной оценки мира» (*Кассиан, еп.* Царство Кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949, с. 6, 8).

¹⁶⁷ См.: Мень А. Вестники Царства Божия, гл. IV.

¹⁶⁸ Христос отклонил титул «благой», сдерживая чрезмерную почтительность юноши, поскольку в его глазах Он был лишь человеком.

¹⁶⁹ Мф 19,16–22; Мк 10,17–31; Лк 18,18–30. Последняя фраза Иисуса отсутствует в канонических Евангелиях. Она взята из древнего Евангелия от Назарян. Иеремиас относит ее к разряду достоверных аграф (см.: *Jeremias J. Les paroles inconnues de Jésus.* Paris, 1970, p.47–50).

То, чем человек владеет, он должен употреблять для помощи другим. «Блаженнее давать, нежели брать», – говорил Иисус¹⁷⁰. Служение ближним здесь, на земле, есть долг Его ученика. Этим еще раз подчеркивается посюсторонний характер евангельской этики. Люди будут судимы по своим делам. Господь прежде всего спросит их не «как веруеши», а как они поступали с братьями: накормили ли голодных, посетили ли больных и попавших в беду?¹⁷¹ Социальный вопрос для Христа – вопрос нравственный. Вот почему апостолы и Отцы Церкви так горячо протестовали против угнетения неимущих¹⁷². Вот почему в истории христианских народов измена Евангелию, отход от его заветов под предлогом надежд на загробную жизнь получили впоследствии неизбежное возмездие, а принципы свободы, справедливости и братства оказались начертанными на враждебных Церкви знаменах...

Не следует, однако, думать, будто Христос предлагал какую-то конкретную программу переустройства общества. Он дал людям свободу *самим* создавать такие проекты исходя из Его учения. Поэтому, когда два брата попросили Иисуса быть арбитром при разделе наследства, Он возразил: «Кто поставил Меня судить или делить вас?»¹⁷³. Верящие Ему и без прямых указаний смогут найти путь. «Ищите прежде Царства Божия и правды его, и все остальное приложится вам». По той же причине Христос не касался и политических проблем эпохи, а говорил о том, что актуально во все времена.

Царство Божие

Что же такое Царство Божие, весть о котором занимает столь важное место в проповеди Иисуса?

Сторонники вульгарного мессианизма связывали это понятие с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле: солнце умножит свой свет, реки – живительную воду, плоды будут необыкновенной величины. Пророки же верили, что воцарение Бога изгонит всяческое зло и преобразит Вселенную. В апокалиптической литературе последних веков до нашей эры переплетались оба воззрения¹⁷⁴. А то, что начало Царству положит приход Мессии, было общим чаянием почти всех иудеев.

Иисус говорит о Царстве Небесном как о Своем Царстве. Всем державам мира, всем видам человеческого Града Он противопоставляет владычество Господне. Царство Божие «не от мира сего», оно выше всего преходящего; сокрушая власть сатаны, оно несет на землю законы Неба.

Эту духовную реальность нельзя ставить в один ряд с каким-либо земным счастьем. Земное счастье хрупко: немного нужно, чтобы развеять его, как сон; но и оно укрепляется и приобретает новый смысл в лучах евангельской радости, которая учит бесстрашию, вселяет уверенность и надежду.

Даже люди, которые, казалось бы, сломлены обстоятельствами жизни или своими грехами, преодолев искус силой веры, обретут блаженство в обетованной земле Царства Божия. Ее наследуют миротворцы и сострадательные, чистые сердцем и гонимые за правду. Там утешатся плачущие, обогатятся «нищие духом», насытятся алчущие Истины¹⁷⁵.

¹⁷⁰ Деян 20,35.

¹⁷¹ Мф 25,31–46.

¹⁷² Иак 5,1–6. См.: *Зейтель И.* Хозяйственно-этические взгляды Отцов Церкви. Пер. с нем. М., 1913; *Булгаков С.* Очерки по истории экономических учений. М., 1918, с.122 сл.

¹⁷³ Лк 12,14.

¹⁷⁴ 1 Енох 84,2; 90,30; 92,4; 103,1; Вознесение Моисея, 10,1–10. См.: *Смирнов А.*, прот. Мессиянские ожидания и верования иудеев около времени Иисуса Христа, Казань, 1899, с. 418 сл.

¹⁷⁵ Мф 5,3–12. Как было уже сказано выше, идея «духовной нищеты» восходит к Ветхому Завету, где слова *анавим* и *эбионим* (бедняки) были часто синонимами праведников, возложивших все упование на Бога. Само выражение «нищие духом»

Таким образом, благая весть Христова есть весть о *спасении*, о приобщении мира к божественной жизни как высшей его цели.

Когда фарисеи, много размышлявшие о «конце времен», спросили Иисуса о явлении Царства, Он ответил им: «*Не приходит Царство Божие приметным образом*, и не скажут: вот оно здесь или там. Ибо вот Царство Божие внутри вас»¹⁷⁶. Оно незримо уже присутствует среди людей, если в их душах *воцаряется* Господь. Оно приносит вступающим в него не забвение, а светлое, радостное чувство близости небесного Отца.

Со временем же настанет день, когда Слава Царства будет явлена, как молния, которая «исходит от востока и светит до запада». Говоря об этом, Иисус прибежал порой к образному языку апокалиптических книг, а некоторые Его слова были поняты учениками в том смысле, что день Славы совсем близок.

Однако гораздо чаще Иисус недвусмысленно учил о *долгом, постепенном* приближении Царства и сравнивал его с процессом созревания¹⁷⁷.

Таково Царство Божие:
оно подобно человеку,
который бросит семя в землю,
и спит, и встает ночью и днем,
и семя всходит и тянется вверх,
он сам не знает как;
земля сама собой дает плод;
сперва зелень, потом колос,
потом полное зерно в колосе.
Когда же созреет плод,
он тотчас посылает серп,
потому что настала жатва...
Подобно Царство Небесное
зерну горчичному,
которое взял человек
и посеял на поле своем.
Хотя оно и меньше всех семян,
но, когда вырастет, оно больше овощей
и становится деревом,
так что птицы небесные прилетают
и выют гнезда в ветвях его¹⁷⁸.
Подобно Царство Небесное закваске,
которую взяла женщина и положила в три меры муки,
доколе не вскисло все¹⁷⁹.

впервые встречается в кумранских текстах (Свиток Войны, 14,7). См.: Gelin R. Les pauvres de Yahvé. Paris, 1954, p. 92–97.

¹⁷⁶ *Ἡ βασιλεία του Θεού εντός υμῶν ἐστιν*. Лк 17,20–21. Другой перевод – «среди вас». В учении пророков о Царстве Божием есть также два аспекта. С одной стороны, оно ожидается в грядущем (Соф 3,15; Мих 4,1–4; Ис 2,1–4), а с другой – оно пребывает от века (Ис 6,5; Иез 8,19; Пс 92,1; 95,10).

¹⁷⁷ Эта сторона евангельского учения тщательно рассмотрена английским экзегетом Чарлзом Доддом. См. его «The Parables of the Kingdom» (London, 1935).

¹⁷⁸ См. ниже с. 356.

¹⁷⁹ Мк 4,26–32; Мф 13,31–33; Лк 13,18–21.

В свете этих притч можно думать, что и сегодня история христианства переживает скорее всего только начало. Для осуществления замыслов Божиих две тысячи лет не более чем миг. Процесс роста происходит медленно. Закваска действует не сразу.

Небесный дар не дается праздным. Поэтому Иисус требует неустанной борьбы. «Царство Божие, – говорит Он, – усилием берется»¹⁸⁰. Все значительное редко достигается без жертвы, без отказа, без труда, а ради Царства никакой подвиг нельзя считать чрезмерным. Человек должен искать, действовать, выбирать.

Входите узкими вратами,
ибо широки врата и просторен путь,
ведущий в погибель,
и многие идут им.
Ибо узки врата и тесен путь,
ведущий в жизнь,
и немногие находят его¹⁸¹.

Предание сохранило и другие слова Христовы, указывающие на неизбежность выбора:

Кто близ Меня, тот близ огня,
кто далек от Меня – далек от Царства¹⁸².

Единение с Отцом превосходит все ценности и идеалы, все священные и благородные цели человечества.

Обретая его, мы обретаем все.

Если соблазнит тебя рука твоя, —
отруби ее;
лучше тебе без руки войти в жизнь,
чем с двумя руками пойти в геенну,
в огонь неугасимый¹⁸³.
Подобно Царство Небесное
зарытому в поле сокровищу,
которое человек, найдя, скрыл,
и от радости идет и продает все, что имеет,
и покупает поле то.
Еще подобно Царство Небесное купцу,
ищущему хорошую жемчужину.
Найдя одну многоценную жемчужину,
он пошел и продал все, что имел, и купил ее¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Мф 11,12.

¹⁸¹ Мф 7,13–14; Лк 13,23–24.

¹⁸² Евангелие от Фомы, 86.

¹⁸³ Мф 5,30; Мк 9,43–47.

¹⁸⁴ Мф 13,44–46.

«Не хорошо человеку быть одному», – учит Библия. Люди созданы как существа, нуждающиеся друг в друге. И само дело Божие они должны осуществлять совместно. Древнее обетование было обращено к ветхозаветной Церкви, то есть к Общине верных. Она была избрана, чтобы стать «народом святым и царством священников», братством людей, посвятивших себя Богу. Когда же народ Завета оказывался недостойным этого призвания, пророки возлагали надежду на тех, кто устоял, кого они называли *Шеар*, *Остаток*. Но Иисус уже говорит не просто об остатке, а созидает как бы новый народ Божий¹⁸⁵.

Некоторые богословы высказывали мнение, будто у Христа не было намерения основывать Церковь и что оно было приписано Ему лишь позднее. Но в Евангелиях многое говорит против этой точки зрения. Можно ли считать случайным, что Иисус избрал именно двенадцать апостолов? Несомненно, Он видел в них своего рода родоначальников Общины Нового Завета, подобно тому как древний Израиль вел происхождение от двенадцати патриархов. Христос говорит о престолах, на которых воссядут двенадцать Его учеников «судить», то есть возглавлять, Израиль¹⁸⁶. Знаменательно, что после измены Иуды апостолы сочли необходимым выбрать на его место другого, чтобы сохранить число двенадцать. Кроме них Иисусом было выбрано семьдесят апостолов, и это тоже знаменательно. По традиции считалось, что все народы земли произошли от семидесяти предков¹⁸⁷.

Само слово «церковь»¹⁸⁸ Иисус употреблял редко, вероятно потому, что в те дни оно определенно связывалось с ветхозаветной Общиной. Церковь же Христова полагала основание для *новой* духовной общности, хотя и построенной на почве Ветхого Завета. Иисус дает ей собственные законы, отличные от законов, принятых в земных царствах («Между вами же да не будет так...»). Он ободряет ее: «Не бойся, малое стадо, ибо благоволил Отец ваш дать вам Царство»¹⁸⁹.

Из малых ручьев Церковь должна превратиться в широкую реку. «Вы соль земли, – говорит Христос, – вы свет мира. Не может укрыться город, расположенный на верху горы»¹⁹⁰.

Поэтому первое дело Церкви Христовой – благовестие. Но в этом ее ожидают немалые трудности. Порабощенность суетой, искушения, легкомыслие, леность души будут противодействовать возрастанию Царства. Однако всегда найдутся люди, «алчущие и жаждущие правды». Благовестников должны радовать даже те, кто отнесется к ним без вражды. Им следует избегать замкнутости и сектантской гордыни.

Однажды Иоанн Зеведеев сказал Иисусу:

– Учитель! Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и препятствовали ему, потому что он *не следовал за нами*.

– Не препятствуйте ему, – ответил Господь, – не может человек сотворить чудо именем Моим и вскоре сказать на Меня злое, ибо, кто не против нас, тот за нас¹⁹¹.

Многие люди, даже стоящие вне Общины, не потеряны для Царства. «Тот, кто далек от вас сегодня, будет завтра близок»¹⁹².

¹⁸⁵ Ис 4,3–4; 10,20, ср.: Рим 9,27; Гал 6,16.

¹⁸⁶ Мф 19,28; Лк 22,30; ср. Иак 1,1. По-видимому, 24 старца, сидящие у престола Божия (Откр 4,4), в Апокалипсисе Иоанна обозначают родоначальников ветхозаветной и новозаветной Церкви. Ср. Откр 21,14, где сказано о «двенадцати апостолах Агнца». В Послании Варнавы об апостолах говорится: «их двенадцать во свидетельство колен Израилевых, которых тоже двенадцать» (8).

¹⁸⁷ Лк 10,1 сл. Во время праздника Кушей в Храме приносили 70 жертв по числу народов мира.

¹⁸⁸ По-арамейски *кехала*, по-гречески *εκκλησία*.

¹⁸⁹ Лк 12,32.

¹⁹⁰ Мф 5,13 сл.

¹⁹¹ Мк 9,40; Лк 9,50.

¹⁹² Текст из оксиринского папируса см.: *Jeremias J. Op.cit.*, p.95; Мк 9,38–40; Лк 9,49–50.

По-разному встречали и Сына Человеческого, а ведь «ученик не больше Учителя». Разве не были столь многие глухи к Его призыву? Но это не остановило Его. Пусть «званные» в Царство Божие отказались прийти, Он терпеливо продолжал отыскивать тех, кто пойдет за Ним.

Однажды, когда Иисус посетил некоего фарисея, кто-то из гостей, слушая Его слова, воскликнул: «Блажен тот, кто вкусит хлеба в Царстве Божиим!» Тогда Иисус рассказал притчу: «Сделал человек большой ужин и позвал многих. И послал раба своего в час ужина сказать приглашенным: „приходите, уже готово“. И начали все, как один, извиняться. Первый сказал ему: „я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее. Прошу тебя, извини меня“. И другой сказал: „я купил пять пар волов и иду испытать их. Прошу тебя, извини меня“. И третий сказал: „я женился и потому не могу прийти“. И придя, раб сообщил это господину своему. Тогда, разгневавшись, сказал хозяин дома рабу своему: „выйди поскорее на улицы и переулки города и введи сюда нищих, и увечных, и слепых, и хромых“. И сказал раб: „Господин, сделано то, что ты приказал, и еще есть место“. И сказал господин рабу: „выйди на дороги и к околицам, заставь людей войти, чтобы наполнился дом мой. Ибо говорю, что никто из мужей тех приглашенных не вкусит моего ужина”»¹⁹³.

Памятуя о том, что далеко не все люди готовы откликнуться на призыв, ученики Христовы должны следовать своему Учителю, Который поступал подобно крестьянину, бросающему зерна во вспаханную землю.

Вот вышел сеятель сеять.
И, когда сеял, некоторые зерна упали при дороге,
и прилетели птицы и поклевали их.
Другие же упали на камень,
где у них не было земли,
и тотчас взошли, ибо земля у них была неглубока.
Когда же солнце взошло, они были опалены им
и, не имея корня, засохли.
Другие же упали в терние,
и поднялось терние, и заглушило их.
Другие же упали на землю добрую и дали плод:
какое – сто,
какое – шестьдесят,
какое – тридцать¹⁹⁴.

На евангельской ниве может вырасти и бурьян. Но это не должно смущать истинных учеников Христовых. Им нужно лишь хранить трезвость и бдительность.

Остерегайтесь лжепророков,
которые приходят к вам в одежде овечьей,
а внутри – волки хищные.
По плодам их узнаете их.
Разве собирают с терния виноград
или с репейника смоквы?..
Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!»
войдет в Царство Небесное,

¹⁹³ Лк 14,15–24.

¹⁹⁴ Мф 13,3–9; Мк 4,1–20; Лк 8,4–15.

но исполняющий волю Отца Моего,
Который на небесах¹⁹⁵.

Сорняки проникнут в Церковь незаметно, и подчас их будет трудно отличить от настоящей пшеницы Божией. «Подобно Царство Небесное человеку, посеявшему доброе семя в поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницей плевелы, и ушел. А когда взошла зелень и дала плод, тогда явились и плевелы. И придя, рабы домохозяина сказали ему: „Господин, не доброе ли семя посеял ты на своем поле? Откуда же в нем плевелы?“ Он сказал им: „Враг-человек это сделал“. Рабы же ему говорят: „Так хочешь, мы пойдем выберем их?“ Он говорит: „Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не вырвали с корнем вместе с ними и пшеницу, дайте им всем расти до жатвы, и во время жатвы я скажу жнецам, выберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу соберите в житницу мою”»¹⁹⁶.

Только суд Божий произведет окончательный отсев и отделит доброе от злого. Суд же, как и Царство, уже начался. По слову Евангелия, он «состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет»¹⁹⁷. В результате возникает цепь кризисов и катастроф, вызванных столкновением правды Божией и человеческого зла. Последний Суд станет огненным очищением мира, когда руда истории будет переплавлена для Царства. Это новое рождение, трудное, как и всякие роды, принесет плод – обновленную тварь...

Подобно Царство Небесное большой сети,
закинутой в море и собравшей рыб всякого рода.
Когда она наполнилась, ее вытащили на берег
и, сев, собрали хорошее в сосуды,
а плохое выбросили вон.
Так будет и в конце века:
выйдут ангелы и отделят злых от праведных
и бросят их в печь огненную:
там будет плач и скрежет зубов¹⁹⁸.

Эти притчи подводят нас к теме, которая издавна составляла мучительный вопрос для христианской мысли. Что имел в виду Иисус, говоря о «муке вечной»?

Тот факт, что образы «огня», «геенны», «червя» взяты Им из иудейской апокалиптики, мало что поясняет¹⁹⁹. Однако Христос не прибегнул бы к ним, если бы за ними не крылась определенная реальность. Слова об «изгнании во тьму» не подразумевают, конечно, пространства или «места», где пылает физический огонь. Этот символ, передающий атмосферу отверженности, содержит лишь намек на состояние вне Бога, вне света и истинного бытия.

Но главное: может ли Бог любви, возвещенный Христом, бесконечно карать за грехи временной жизни? Неужели могущество зла столь велико, что оно будет существовать всегда, даже тогда, когда «во всем» воцарится Господь? Впрочем, ведь наши нынешние понятия о времени едва ли применимы к вечности. Не обещает ли Слово Божие, что «времени уже не будет»?

¹⁹⁵ Мф 7,15 сл.; Лк 6,43–46.

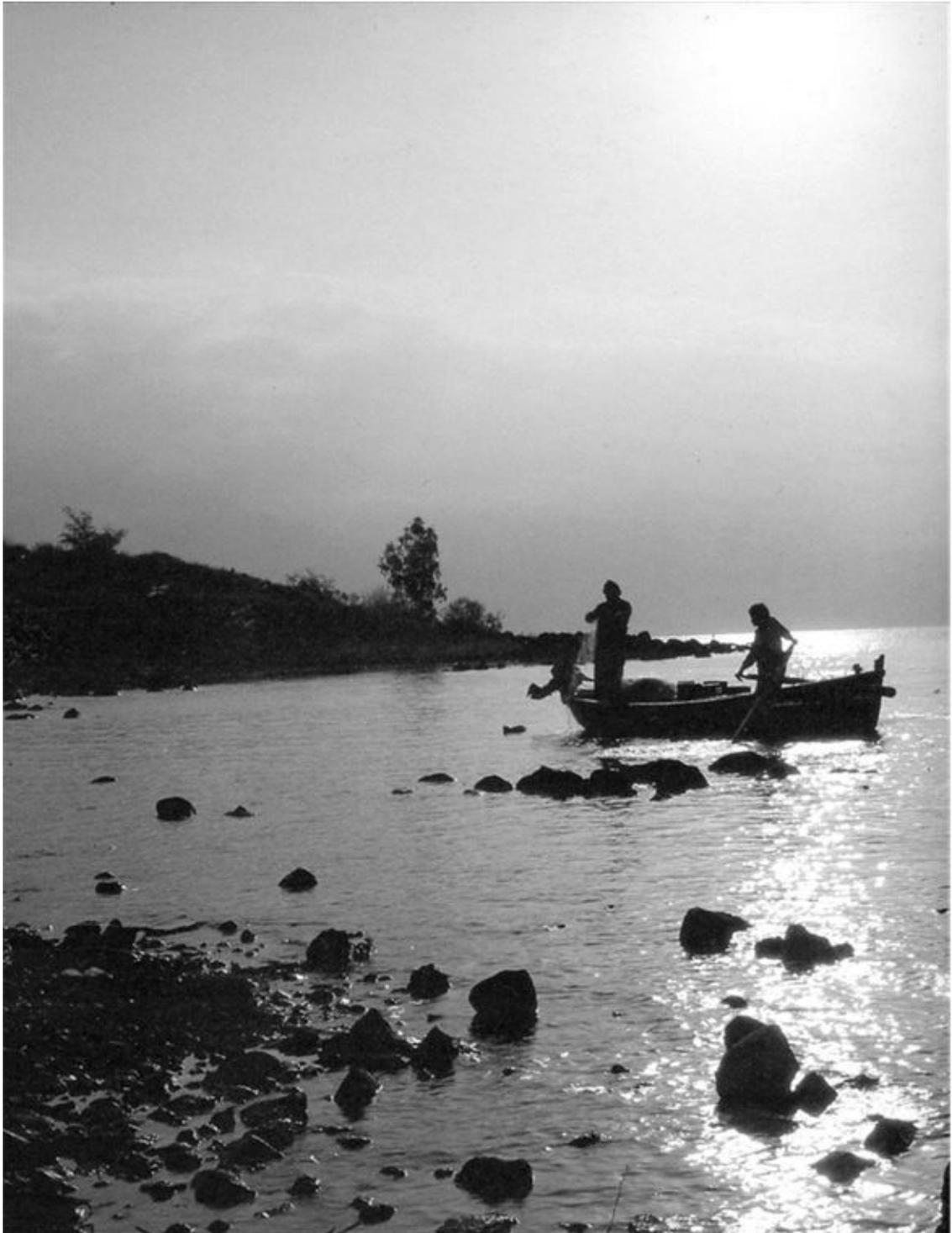
¹⁹⁶ Мф 13,24–30.

¹⁹⁷ Ин 3,19.

¹⁹⁸ Мф 13,47–50.

¹⁹⁹ Геенна, или Генном, – овраг у стен Иерусалима, где некогда приносились языческие жертвы. Впоследствии это место превратили в свалку, где постоянно поддерживался огонь. Геенна стала символом нечистоты, истребляемой Богом (1 Енох 27,2,3; Вознесение Моисея, 10,10).

Человеку пока не дано проникнуть в эту тайну. Но весь Новый Завет свидетельствует против той мысли, будто геенна – некая реальность, противоположная Царству. Она есть «смерть вторая», небытие, уход в ничто. «Жизнь» в эсхатологическом смысле слова есть только «жизнь вечная», Царство Божие.

Геннисаретское озеро. Рыбная ловля

Толкователи уже давно заметили, что притчу Христову о разделении на «овец и козлищ», на добрых и злых, нельзя понимать буквально, ибо грань между светом и тьмой чаще всего

проходит через сердце *одного и того же* человека²⁰⁰. Однако чем больше в нем света, тем полнее сохранится его личность, после того как огонь Суда выжжет все нечистое²⁰¹.

Величие человека как образа и подобия Творца в том, что он может стать участником созидания Царства. Когда победа над злом будет полной, тогда осуществится то, о чем грезили, чего жаждали и что приближали миллионы разумных существ. Все самое прекрасное, созданное ими, войдет в вечное Царство. Наступит эра сынов Божиих, которую лишь в отдаленных подобиях описывала Библия.

Однако уже и теперь, в этом несовершенном, полном ужаса и страданий «веке» сила и слава Грядущего могут быть обретены. Иисус говорил, что Его ученики увидят Царство еще в этой жизни. Оно пришло на землю в лице Сына Человеческого, в Его благовестии, в Его торжестве над смертью и явлении Духа.

Призывный свет Царства горит вдали, но в то же время отблески его рядом с нами: в простых вещах и событиях жизни, в радости и скорби, в самоотверженности и одолении соблазнов. Предчувствие его – в звездах и цветах, в весенней природе и золоте осени, в кипении прибоя и ливнях, в радуге красок и музыке, в смелой мечте и творчестве, в борьбе и познании, в любви и молитве...

«А Я говорю вам...»

Возможно ли, посильно ли для людей то, к чему зовет Евангелие? Ведь человек, даже полюбив идеал, часто не находит в себе сил подняться до него. Другое могучее притяжение владеет им, пригибая к земле; и человек служит Маммоне, носит на шее камень заботы, проводит отпущенные ему драгоценные дни погрязая в мелочах. Ему более внятен голос того, кто искушал Иисуса в пустыне: он готов жить «хлебом единым», он требует чудес, он опьянен насилием. К Богу человек приходит с сердцем, полным корысти и себялюбия, и странно звучат над нашим мятущимся и заблудшим миром слова: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен...»

Кто же может проложить путь к Царству? Кто подведет к нему человека?

В Ветхом Завете люди верили, что только Всемогущий творит невозможное. Когда Он пребывает среди Своего народа, Он очищает его, даруя ему духовные силы. Раввины называли это мистическое Присутствие *Шехина́* – незримое излияние Божественного, приходящего в мир. «Если двое или трое собрались для изучения Закона, – говорили мудрецы, – Шехина обитает среди них»²⁰². Это была тайна, у порога которой останавливались величайшие мудрецы Израиля. Ведь близость Божия непереносима для человека. Только побеждающая все преграды любовь Сущего может соединять несоединимое.

Но вот люди слышат слово Иисуса Назарянина: «Где двое или трое собраны во имя Мое, Я там среди них...»²⁰³.

Кто же Он, ставший Себя на место Шехины Господней? Он называет Себя Сыном Человеческим, как нередко называли простых смертных, но при этом Сам Учитель ясно свидетельствует, что на Нем исполнились обетования пророков:

²⁰⁰ См. ниже с. 246.

²⁰¹ Трудность понимания слов Христовых о «мукe вечной» связана с тем, что слово «вечность» (*ола́м*) в еврейском языке имеет несколько значений. Мнение ряда богословов, согласно которому в грядущем даже зло будет преобразено и спасено, вызывало законные возражения (см.: *Булгаков С., прот.* Невеста Агнца. Париж, 1945, с.493 сл.). Из Писания можно заключить, что зло с наступлением полноты Царства уничтожается, переходит в небытие, которое в Апокалипсисе названо «второй» и последней смертью (20,14). Ее нельзя считать разновидностью существования, ибо истинная «жизнь» пребывает лишь в Боге.

²⁰² Авот, III,2.

²⁰³ Мф 18,20.

Блаженны очи, видящие то, что вы видите.
Ибо говорю вам:
многие пророки и цари
хотели увидеть то, что вы видите,
и не видели,
и услышать то, что вы слышали,
и не слышали²⁰⁴.

Значит – Мессия? Долгожданный Утешитель Израилев? Однако может ли даже Мессия отпускать грехи, как делает Иисус? Может Он быть «выше Храма»? Почему называет Он Себя «господином субботы» и отменяет то, что завещали отцы и сам Моисей?

Все видели, что Иисус проповедует «как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи». В Капернауме с первых же дней жители города «изумлялись учению Его, ибо слово Его было со властью». Но откуда, спрашивали они, эта власть, превышающая авторитет признанных богословов и хранителей церковного предания? Как понимать Его слова: «А Я говорю вам...»? Каким правом отменяет Он постановления Торы и противопоставляет Себя ей?

Трудно заподозрить, будто мудрым, кротким, полным смирения и любви Учителем владеет пустое самообольщение. Что же в таком случае значит притязание быть «возлюбленным Сыном Отца»? Конечно, и всех верных Он называет «сынами», однако недвусмысленно дает почувствовать, что Его сыновство – иное. Иисус никогда не говорит «Отец наш». Он – единственный Сын и Господь Царства, нет человека, который стал бы с Ним наравне. Власть Его исключительна.

Все Мне предано Отцом Моим,
и никто не знает Сына, кроме Отца,
и Отца не знает никто, кроме Сына,
и кому хочет Сын открыть.
Придите *ко Мне*, все труждающиеся и обремененные,
и Я дам вам покой.
Возьмите иго Мое на себя
и научитесь от Меня,
ибо Я кроток и смирен сердцем,
и найдете покой душам вашим,
ибо иго Мое благо и бремя Мое легко²⁰⁵.

Иисус не только Пастырь, но Он – дверь, врата, через которые входят овцы «малого стада», Посредник, или, как говорили в старину, Ходатай, связующий Небо и землю. «Никто, – говорит Он, – не приходит к Отцу, как через Меня»²⁰⁶.

Многие иудеи верили, что кроме Мессии-Царя явятся Мессия-Первосвященник и Мессия-Пророк. Иисус же соединяет в Себе всех трех: Он – и Провидец, и Служитель, и Царь. Он – помазанник, владеющий всей полнотой власти.

²⁰⁴ Мф 13,17; Лк 10,24.

²⁰⁵ Мф 11,27–30. В данном контексте слово «иго» может обозначать духовный труд и подвиг. Но в то же время следует отметить, что в еврейском языке это слово нередко соответствовало понятию «учение», «провозвестие».

²⁰⁶ Ин 10,9; 14,6.

Но почему тогда Он действует столь осторожно, почему скрывает от народа Свой сан, запрещая называть Себя Мессией?

Ученики переходили от недоумений к тревоге и от уверенности к сомнениям. Но любовь, глубокая человеческая привязанность и доверие к Учителю оказались сильнее всего. И они продолжали терпеливо ждать дальнейших событий...

*«Господи, к кому нам идти?
Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин 6. 68)*

Часть вторая Мессия

Стена плача

Глава шестая «Не мир, но меч» Весна 28 г

«Жизнь Иисуса, – говорит Честертон, – стремительна, как молния. Это прежде всего драма, прежде всего – осуществление. Дело не было бы выполнено, если бы Иисус бродил по миру и растолковывал правду. Даже с внешней стороны нельзя сказать, что Он бродил, что Он забыл, куда идет... История Христа – история путешествия, я сказал бы даже – история похода»²⁰⁷. И действительно, хотя Иисус часто вел жизнь странствующего проповедника, ученики не могли не чувствовать, что у Него есть некий план, подобно далеко идущему плану полководца. Он требовал от них решимости стоять до конца. Его Евангелие не имело ничего общего с мечтательным благодушием и расслабленностью.

Ныне – суд миру сему,
ныне князь мира сего извергнут будет вон²⁰⁸.

Бой с демонскими полчищами, с царством зла будет нелегким. Против Мессии восстанут все безумства, все грехи и предрассудки, укоренившиеся в людях.

Думаете ли вы, что Я пришел дать мир на земле?
Нет, говорю вам, но – меч и разделение;
ибо отныне пятеро в одном доме будут разделены:
трое против двоих и двое против трех²⁰⁹.

²⁰⁷ Chesterton G.K. Everlasting Man. London, 1927, p.238.

²⁰⁸ Ин 12,31.

²⁰⁹ Лк 12,51–52; Мф 10,34–36.

Иногда Учитель давал понять близким, с какой силой жаждет душа Его бури, которая начнет очищать мир:

Огонь пришел Я низвести на землю,
и как хочу Я, чтобы он уже возгорелся!
Крещением должен Я креститься,
и как Я томлюсь, доколе это не свершится!²¹⁰

В этих словах, как в отдаленных раскатах грозы, слышалось приближение Голгофы.

Целеустремленность Иисуса одновременно пленяла и страшила учеников. Впрочем, Его слова они истолковывали по-своему, думая, что Учитель намекает на революционный взрыв, за которым последует Его коронация в Иерусалиме. Поэтому они предполагали, что в ближайшее время Он перенесет Свою деятельность в столицу Израиля. А когда Иисус направился туда на Пасху, ученикам казалось, что от этого путешествия следует ждать многого, что настает день, когда Царство Божие будет «взято силой».

Иерусалим был в те годы накален до предела. Действия Пилата, военного человека, не желавшего считаться с местными обычаями, вызывали у всех гнев и возмущение. Свое правление он начал с того, что распорядился ночью внести в Иерусалим щиты с портретами Тиберия. Это лишний раз напомнило народу о римском иге и выглядело как оскорбление Моисеева Закона²¹¹. Приказ Пилата поставил столицу на грань мятежа. Огромная толпа иерусалимлян двинулась в его резиденцию Кесарию с требованием убрать щиты. Прокуратор отказался, и несколько дней народ сидел перед дворцом, не трогаясь с места. Тогда Пилат велел собрать людей на стадионе и заявил, что перебьет всех, кто не покорится его воле. Но и после того, как вокруг них сомкнулось кольцо вооруженных солдат, они повторили, что лучше погибнут, чем отступят. В конце концов наместнику пришлось сдаться. Но с тех пор он пользовался любым поводом, чтобы мстить иудеям. Его необузданная жестокость, алчность и самодурство стали известны повсюду. Даже тетрарх Антипа, друг римлян, невзлюбил его. Инциденты, вызванные беззакониями прокуратора, не раз кончались массовой резней. Однако заступничество императорского временщика Сеяна долго оставляло Пилата безнаказанным²¹².

Каждую Пасху правитель ждал восстания и поэтому на праздники старался приезжать в Иерусалим, где мог лично следить за порядком. Опасения Пилата были вполне основательными. Он располагал небольшим войском в три тысячи человек. А zeloty и их сторонники ждали только вождя, который поднял бы народ против римлян.

По-видимому, ученики Иисуса тайне хотели, чтобы именно Он стал этим вождем. Однако их ожидания не сбылись. Учитель, казалось, полностью игнорировал проблему чужеземного владычества. Его тревожило не политическое, а духовное состояние народа. Все поняли это, когда Иисус появился на площади, окружавшей Дом Божий.

Храм был религиозным центром всех иудеев. Опоясанный зубчатыми стенами, украшенный колоннами и золотым гребнем, высился он на горе Мориа как знак пребывания Бога в сердце Израиля, как заветная цель миллионов паломников Палестины и диаспоры.

²¹⁰ Лк 12,49–50.

²¹¹ Декалог запрещал портретные изображения.

²¹² *И. Флавий*. Древн. XVIII, 8–9; Иудейская война, II,9,2; *Филон*. Legatio ad Caium, 38; Лк 13,1.

Город жил Храмом. Служители алтаря, продавцы жертвенных животных, содержатели гостиниц собирали в дни праздника богатую дань. Саддукеев, в чьих руках находилось святилище, мало тревожило, что культ превращался порой в коммерческое предприятие. Архиереи заключили молчаливое соглашение с торговцами, которые расставляли под навесами у Храма скамьи с товарами, столы для размена денег, приводили скот. Все давно уже привыкли к тому, что базарный шум не стихает в святом месте.

Но вот в воротах появляется Иисус Назарянин, окруженный группой последователей. Новый Учитель сразу же приводит всех в замешательство. Свив из веревок бич, Он гонит за ограду овец и волов; Он властно требует покончить с бесчинством вблизи святыни: «Не превращайте дома Отца Моего в дом торговли!..»

Возразить Ему нечего. Уже и прежде благочестивые люди сетовали на беспорядки в Храме. Однако иерархию задело, что этот никому не известный Галилеянин распоряжается в их вотчине как господин, да еще претендует на особую близость к Богу, называя Его Своим Отцом.

– Какое знамение можешь Ты дать нам, что властен так поступать? – спросили они Иисуса.

– Разрушьте Дом этот, и Я в три дня воздвигну его, – был ответ.

Слова Иисуса показались насмешкой.

– В сорок шесть лет был построен Храм этот, – возразили Ему, – а Ты в три дня воздвигнешь его?

Не могли разгадать сказанного и сами ученики²¹³. От них еще был скрыт невидимый Храм, который вознесется над миром в те три дня, что пройдут от Креста до Воскресения.

А как отнеслись к Иисусу фарисеи – эти столпы традиционного благочестия?

Мы уже могли убедиться, что их взгляды не были диаметрально противоположны учению Христа и что Он одобрял главные положения их веры. Кроме того, нравственные понятия многих фарисеев отличались возвышенным характером и были близки к Евангелию. Достаточно привести хотя бы некоторые изречения раввинов, вошедшие в Талмуд, чтобы убедиться в этом: «люби мир и водворяй его повсюду»; «кто подает милостыню тайно, тот выше самого Моисея»; «лучше краткая молитва с благоговением, чем длинная без усердия»; «не будь скор на гнев»; «подражайте свойствам Божиим: как Он милосерд, так и вы будьте милосердны»; «ханжей следует обличать, ибо они оскорбляют имя Божие»²¹⁴. Когда читаешь эти строки, становятся понятными слова Христа о фарисеях: «Что они скажут вам, – исполняйте и храните»²¹⁵. Евангельское «восполнение» Закона не уничтожало старого; по словам Христовым, «всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину дома, который выносит из сокровища своего старое и новое»²¹⁶. Беседа с одним богословом, Иисус сказал, что тот «недалек от Царства Божия»²¹⁷.

Почему же в таком случае между Ним и фарисеями возник конфликт?

Важнейшей его причиной было понимание благочестия, которое господствовало среди фарисеев. Их «верность Закону» являлась не только целой философией жизни, но и подроб-

²¹³ Ин 2,13–22. Говоря о 46 годах, священники имели в виду работы по реконструкции Храма, начатые Иродом Великим за 20 лет до н. э. Синоптические Евангелия относят очищение Храма от торговцев к Страстной неделе, а Ин – к началу служения Христа. Некоторые историки считают, что первые три евангелиста более точны, другие же отдают предпочтение Иоанновой традиции. Однако вполне вероятно, что Христос, защищая святыню, изгонял торгующих два раза.

²¹⁴ Талмуд, Авот, I,12; Хагига, I; Шаббат, 10; Бава Камма, 8,7; Сота, 14; Иома, 72. См.: *Соловьев Вл.* Талмуд и новейшая полемическая литература о нем. – В кн.: *Соловьев Вл.* Соч. Т.VI, 2-е изд. СПб., 1912, с.11 сл.

²¹⁵ Мф 23,3.

²¹⁶ Мф 13,52.

²¹⁷ Мк 12,34.

ным ее планом, продуманным до последних деталей. Цель этого плана – освятить каждую сторону повседневности, во всем исполняя волю Божию, – Христос не отрицал и не мог отрицать. Но в способах ее достижения, получивших признание у книжников, крылась опасность окостенения религии. Мало того, что любимым правилам «старцев» приписывали без разбора божественный авторитет, регламент поглощал все внимание людей, выхолащивая подчас основное содержание веры.

Мысль, будто есть некий «список дел», выполнив которые можно стяжать абсолютную праведность, не давала законникам покоя. Они соревновались друг с другом в стремлении пунктуально соблюсти все обычаи, освященные веками. И, как часто бывало в истории религий, набожность превращалась в мрачный гротеск.

Некоторых фарисеев народ прозвал *шикми́*, «крепкоплечими», за то что они вечно ходили согбенными, показывая, какую огромную тяжесть душеспасительных подвигов им приходится нести. Приходя в Храм, Иисус мог видеть, как через площадь пробирались фарисеи, то и дело натывавшиеся на встречных. Они боялись поднять глаза, чтобы не взглянуть случайно на женщину. Их шуточно называли *хица́й*, «не-разбей-лба»²¹⁸.

Естественно, что таких людей свобода Христова должна была раздражать и пугать; они видели в ней соблазн и угрозу для добрых нравов. В ту эпоху, по замечанию одного еврейского историка, фарисеи-шаммаиты настойчиво проповедовали бегство от мира и аскетизм. Считалось, например, смертным грехом, оторвавшись от богословской книги, сказать: «Как прекрасно это дерево!» Большое место фарисеи отводили постам²¹⁹. Иисус же, хотя и признавал эти внешние проявления веры, но не делал их средоточием религиозной жизни.

Когда Он толковал Закон в духе учения пророков, книжники обвиняли Его в покушении на «предания старцев». Когда Он говорил, что милосердие угоднее Богу, чем обряды, в глазах фарисеев это был подрыв всей «подзаконной» системы.

Многим может показаться странной такая слепая преданность букве и форме. Однако нужно учитывать, что обрядоверие – упорный недуг, коренящийся в глубинах человеческой психики. Потому-то в истории бушевало столько страстей вокруг ритуалов и было пролито столько крови из-за церемоний. Сходная болезнь, подобная навязчивому неврозу, поражала нередко и христиан, которые забывали, что для Христа любовь к Богу и людям несравненно выше любых внешних предписаний.

Приверженцы буквы, ритуала и старины во все времена отличались одинаковой косностью. Драма фарисеев связана с типичным проявлением того, что впоследствии стали называть «фарисейством». Иерусалимские старейшины, как брахманы Индии или русские староверы, жили в постоянном страхе «осквернения». Про них говорили, что они готовы «очистить само солнце». Но думая своей набожностью приблизить времена Мессии, вожди Израиля, сами того не сознавая, отвернулись от Того, Кто принес им весть о спасении.

Следует учесть еще одну причину вражды книжников к Иисусу. Евангелист пронизательно замечает, что она коренилась в зависти²²⁰. Фарисеи привыкли считать себя мерилом правоверия, и вдруг явился какой-то неведомый провинциал и покушается на их привилегии. Его деятельность не санкционирована никем из признанных авторитетов, Он не прошел их школы, не изучал богословия и Закона.

Людям, за плечами которых стоит многовековая традиция, нередко свойственна особая гордыня. Поэтому даже на Крестителя, хотя он был аскетом, фарисеи смотрели как на самозванца, и тем более дерзким казался им Назарянин²²¹.

²¹⁸ Талмуд, Сота, III, 2; V, 7; Берахот, 9.

²¹⁹ Гретц Г. История евреев. Т.4, Одесса, 1905, с. 197; Авот, III, 7(8). По словам Иосифа Флавия, фарисеи «отказывались от наслаждений жизни и ни во что ставили удобства» (Древн. XVIII, 1,3).

²²⁰ Мф 27,18.

²²¹ См. приложение 3.

Иисус говорил, что все это напоминает Ему детскую песенку:

Мы играли вам на свирели, а вы не плясали,
мы пели вам печальные песни, а вы не били себя
в грудь.

В самом деле: «Пришел Иоанн, и не ест, и не пьет, и говорят: „в нем бес“; пришел Сын Человеческий, ест и пьет, и говорят: „вот человек, любящий есть и пить вино, друг мытарей и грешников“»²²².

Однако, повторяем, далеко не все фарисеи были ограниченными и узкими начетчиками. И среди них находилось немало людей живой и искренней веры, и среди них поднимались голоса протеста против ханжества и лицемерия²²³. Поэтому первая проповедь Христа в Иерусалиме произвела на некоторых законников глубокое впечатление.

Во главе фарисеев стоял в то время внук Гиллеля Гамалиил. Из Деяний известно, что он проявил большую терпимость к новому учению, а многие фарисеи, воспитанные им, влились впоследствии в новозаветную Церковь. Сложилась даже легенда, что в конце жизни Гамалиил стал христианином и принял мученическую смерть. Эта легенда, безусловно, вымысел, но само ее появление не случайно²²⁴.

У раввинов была поговорка: «Слова человека, в котором есть страх Божий, будут услышаны»²²⁵. Исцеления, совершенные Иисусом, заставили наиболее честных из фарисеев задуматься. От их лица к Нему пришел для беседы *Никодим*, член Совета старейшин. Но он предпочел встретиться с Иисусом ночью, чтобы не вызвать насмешек у более строгих собратьев²²⁶.

– Равви! – сказал он, войдя в дом. – Мы знаем, что Ты от Бога пришел Учителем, ибо никто не творит те знамения, которые Ты творишь, если Бог не с ним.

– Истинно, истинно говорю тебе, – ответил Иисус, – если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия (то есть мало признать Иисуса – нужен духовный переворот, изменяющий жизнь).

– Как может человек родиться, будучи стар? – не понял Никодим. – Может ли он вторично войти в утробу матери своей и родиться?

– Если кто не будет рожден от воды и Духа, не может войти в Царство Божие. Рожденное от плоти есть плоть, и рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся, что Я сказал тебе: нужно, чтобы вы родились свыше. Ветер веет, где хочет, и голос его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит²²⁷. Так и рожденный от Духа.

– Как это может быть? – продолжал недоумевать старик.

– Ты – учитель израильский, и этого не знаешь?..

О ветре Христос говорил не случайно. Он сравнивал его вольный порыв со свободой человека, который обрел истинное богопознание. Для того, кто «родился в Духе», вера уже есть нечто большее, чем просто система обрядов. Он – сын Господень, дитя Его Царства.

²²² Мф 11,16–19; Лк 7,31–34.

²²³ В самом Талмуде, который в значительной степени есть продукт творчества «таннаев», наследников фарисейских школ, встречаются резкие выпады против ханжества фарисеев, напр., Сота, III,4.

²²⁴ Деян 5,34 сл.; 15,5; ср. Деян 21,20, где, по-видимому, тоже говорится о христианах из фарисеев. Эпизоды в Деян 5,34–39; 23,6–9 показывают, что в апостольскую эпоху фарисеи относились к христианам вполне терпимо. Легенду о Гамалииле как христианине см. в «Житиях святых» (Жн.5. М., 1904, с.172).

²²⁵ Берахот, 6б.

²²⁶ Ин 3,1–10.

²²⁷ Еврейское слово *руах* и греческое *πνεύμα* означают и «ветер», и «дух».

После этой беседы Никодим, по-видимому, стал тайным последователем Иисуса²²⁸. Среди них Евангелия называют также Иосифа Аримафейского – знатного старейшину из Иерусалима – и некоторых «начальствующих» лиц, которые, скорее всего, принадлежали к фарисеям²²⁹. И все же они остались в меньшинстве. Подавляющее число законников встретило Иисуса подозрительно. А по мере того как они знакомились с Его учением, их недовольство и враждебность возрастали.

Когда Иисус покинул Иерусалим, ученики поняли, что Он не только не приблизился к царскому трону, но вооружил против Себя влиятельные партии города. Простые крестьяне, они были приучены относиться с пиететом к духовенству и книжникам. Видя тревогу друзей, Учитель сказал: «Всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил, искоренится. Оставьте их. Они слепые поводыри слепых. Если же слепой поведет слепого, оба упадут в яму»²³⁰.

С тех пор Иисус еще не раз посетит Иерусалим, но признан там не будет. В Его общину войдут преимущественно галилеяне, а жителям Юга Он останется чужд. Характерно, что для евангелиста Иоанна слово «иудей» есть почти синоним человека, враждебного Христу.

На обратном пути в Капернаум Иисус свернул к берегам Иордана. Там Он продолжил Свою проповедь, а ученики крестили народ. Исцеления стали привлекать к Назарянину больше людей, чем к Иоанну, который не совершал чудес²³¹. Чувство соперничества невольно овладело учениками Крестителя. Они пошли на западный берег реки, в деревню Энон, где в то время жил пророк, и, найдя его, стали жаловаться: «Равви, Тот, Кто был с тобой по ту сторону Иордана и о Ком ты засвидетельствовал, вот Он крестит, и все идут за Ним».

Однако Иоанна весть эта не могла опечалить. Ведь он не называл себя ни пророком, ни Мессией. Если Галилеянин послан свыше, если Он и есть Грядущий, то иоанниты должны не ревновать, а радоваться. Сам пророк считает себя лишь гостем на празднике Другого. «Имеющий невесту есть жених, – сказал он, – а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется голосу жениха. Эта радость моя теперь полна. Ему должно расти, а мне умаляться»²³².

Предтеча Христов как будто предвидел свою близкую участь. Очень скоро деятельность его была прервана насилием властей. В последние месяцы религиозное брожение на Иордане стало беспокоить правителя Галилеи. Тетрарх боялся, что еще немного, и будет поздно. Ироду могли донести о выпадах Иоанна против него лично и о словах пророка, который обещал народу «указать путь освобождения от всех земных владык»²³³.

Словом, поводов для ареста было вполне достаточно. Иисус еще находился у Иордана, когда в Энон явились солдаты. Креститель был закован в цепи и отвезен к тетрарху. Антипа приказал держать его под стражей в крепости Махерон, стоявшей у моря на краю пустыни²³⁴.

Почему правитель не распорядился арестовать также и Иисуса, мы не знаем. От фарисеев он мог уже слышать, что Назарянин «больше приобретает учеников и крестит, чем Иоанн»²³⁵. Но, по-видимому, Антипа не счел нового Проповедника опасным и решил не трогать Его до поры до времени.

Когда же Иисус узнал о том, что Креститель схвачен, Он покинул Иорданскую область.

²²⁸ Впоследствии Никодим принял участие в погребении Иисуса (Ин 19,39). В Талмуде (Санхедрин, 43а) среди последователей Иисуса назван некто Ники, или Накай. Вероятно, это имя есть сокращение от *Никдимон* (Никодим).

²²⁹ Мф 27,57; Мк 15,43,45; Лк 23,50; Ин 12,42; 19,38.

²³⁰ Мф 15,13–14; Лк 6,39.

²³¹ Ин 10,41.

²³² Ин 3,22–30.

²³³ Славянская версия «Иудейской войны» Иосифа Флавия, II, 7,14–15.

²³⁴ *И. Флавий*. Древн. XVIII, 5,2.

²³⁵ Ин 4,1.

Час Его страданий еще не пробил.

Глава седьмая Знамена Царства Весна – лето 28 г

Евангелисты свидетельствуют, что народ «дивился» учению Иисуса; но не меньшее впечатление производила Его сила, побеждающая стихии и недуги. О Нем рассказывали в первую очередь как о Чудотворце. Впоследствии и христиане нередко были готовы видеть в чудесах главное доказательство сверхчеловеческой природы Иисуса. Однако Сам Он недвусмысленно отклонял подобную мысль:

Имейте веру в Бога.
Истинно, истинно говорю вам:
кто скажет горе этой: «поднимись и бросься в море»,
и не усомнится в сердце своем,
но будет верить, что совершится то, что он говорит,
– будет ему²³⁶.

Тем самым Иисус давал понять, что власть над природой входит в замысел Божий о человеке, соответствует его призванию. Если он достигает единения с Духом, для него «нет ничего невозможного»²³⁷.

²³⁶ Мф 21,21–22; Мк 11,22–23.

²³⁷ Мф 9,23; ср.:Ин 14,12; Быт 1,26; Пс 8.

Чудо, однако, – нечто гораздо большее, чем простое нарушение естественного порядка. В нем открывается глубина вещей, иное измерение, где преодолены законы тленного мира и царствует свобода. Когда люди соприкасаются с этим измерением, то, по слову Христа, их «достигло Царство Божие»²³⁸.

²³⁸ Лк 11,20.

Христос Человеколюбец

Истинных Своих учеников Иисус избавляет от рабства «плоти». Вот знамения, которые будут сопровождать уверовавших:

именем Моим будут изгонять бесов,
будут говорить на новых языках,
будут брать змей;
и, хотя бы смертное что выпили,
не повредит им;
на больных будут возлагать руки,
и они будут здоровы²³⁹.

Это как бы заданность космического масштаба, свершение которой началось в жизни апостолов, а за ними – великих святых и мистиков, хотя полностью цель будет достигнута лишь в Царстве Божиим, когда человек станет наконец подлинным венцом творения.

Есть толкователи, которые доказывают, что слова Писания о чудесах нужно рассматривать не буквально, а «иносказательно». Бывали, конечно, случаи, когда библейские метафоры принимались за реальные факты. Но это отнюдь не означает, что все сказанное в Ветхом и Новом Завете о чудесах – вымысел или «символ». Если так думают сторонники догматического материализма («этого не может быть, потому что не может быть никогда»), удивляться нет оснований, но совсем странно звучит подобное мнение в устах некоторых теологов, желающих во всех чудесах Евангелия непременно видеть аллегорию.

Вот, склонившись над безжизненным телом, Иисус произносит: «*талита́, куми!*» (девочка, встань!) или, касаясь уха глухого, говорит: «*инпа́ах*» (откройся). Перед нами вовсе не символ, а подлинные арамейские слова Господа, которые врезались в память очевидцев.

Тот, кто хочет доказать, что явления, называемые чудесами, немислимы, не учитывает, как мало еще известно о тайнах бытия. Но почему даже люди, которые склонны верить самым удивительным сообщениям о йогах, рассказы Нового Завета встречают скептически? На это есть духовная причина. Принятие Евангелия требует внутреннего решения, выбора, перемены всех жизненных установок.

Иисус называл свои чудеса «знамениями», признаками наступления иной эпохи. Совершенный Человек, Он одолевает законы падшего мира, указывает путь борьбы с нравственным и физическим несовершенством²⁴⁰.

Нередко Его власть проявлялась в повседневной жизни как бы мимоходом, неожиданно, вызывая у учеников страх. Так, однажды, еще до призвания апостолов, когда Петр с друзьями безуспешно рыбачили всю ночь, Иисус указал им, где следует закинуть сеть; и, к изумлению всех, она наполнилась сразу. Большие скопления рыб всегда бывают в Галилейском море; люди, постоянно ходившие на промысел, знали об этом²⁴¹. Но как мог Учитель определить нужное место сквозь толщу воды? Симон был настолько поражен, что просил Иисуса выйти из его лодки. Он ощутил себя грешником, недостойным того, чтобы находиться рядом с Господом...

²³⁹ Мк 16,17-18

²⁴⁰ См. ниже с. 180–181.

²⁴¹ Лк 5,3-11. Эти скопления рыб объясняются тем, что со дна озера поднимается газ и оттесняет их к поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.